

Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации
при Министерстве юстиции России»

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

MONITORING OF LAW ENFORCEMENT

№1–2014

- Философия права: размышления и предложения
- Имплементация норм в России против коррупции
- Виктимологический мониторинг коррупционной преступности
- Коррупционная преступность как объект криминологического исследования

Москва, 2014

УДК [004:342.951](470+571)
ББК 67.401.114(2Рос)
М 54

Мониторинг правоприменения. № 1–2014. — М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2014. — 76 с.

ISSN 2226-0692

Мониторинг правоприменения
Периодическое научное издание
Выходит 4 раза в год

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций, Свидетельство ПИ № ФС77-49472 24 апреля 2012 г.

Редакционная Коллегия:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (главный научный редактор)
Горбачева Е.В. (литературный редактор)
Колмыкова И.Г.
Макаренко Г.И. (главный редактор)
Матвиенко Ю.В., к.м.н.
Сергин М.Ю., д.т.н., профессор
Танимов О.В., к.ю.н., доцент

Редакционный Совет:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (председатель Совета)
Захарцев С.И., д.ю.н.
Карцхия А.А., к.ю.н., профессор
Леонтьев Б.Б. д.э.н., профессор
Макаренко Г.И. (главный редактор)
Сергин М.Ю., д.т.н., профессор
Павленко П.А.
Федичев А.В., к. т. н.
Чумаков А.В., к. ю. н.

Иностранные члены Совета:

Драго Кос, профессор (Словения)
Задорожний А.В., к.ю.н., профессор (Украина)
Павел Штурма (Pavel Šturma) д.ю.н., профессор (Чехия)

Журнал является междисциплинарным – охватывает области знания:

- Юриспруденция
- Государственное и муниципальное управление
- Международные отношения
- Политология
- Экономика (управленческий и юридический аспекты)
- Бизнес и правоприменение

.....
**Журнал является подписным. На 2014 год можно подписаться
по объединенному каталогу «Пресса России» или направив письмо в редакцию.**

Индекс подписки: 44740.
Контакты: E-mail: monitorlaw@ya.ru
телефон: +7495-539-2314 (15-17 час)

.....

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Астанин Виктор Викторович</i> Имплементация норм против коррупции в частноправовой сфере в современной России	4
<i>Захарцев Сергей Иванович</i> Проблема предмета философии права: размышления и предложения	10
<i>Кабанов Павел Александрович</i> Виктимологический мониторинг статистических показателей коррупционной преступности в республике Беларусь	19
<i>Леонтьев Борис Борисович</i> Стратегия интеллектуальной собственности Таможенного Союза	25
<i>Роговая Анастасия Владимировна</i> Проблемы правового нигилизма: конфликтологический анализ	31
<i>Русин Сергей Николаевич</i> Правовые основы взаимодействия органов государственной власти, граждан и общественных объединений при осуществлении экологического контроля (надзора)	34
<i>Карицхия Александр Амиранович</i> Исключительное право – стимул или препятствие для инноваций?	37
<i>Некрасова Татьяна Алексеевна</i> Коррупционная преступность в коммерческих организациях как объект криминологического исследования	44
<i>Зацепин Александр Михайлович</i> Множественность преступлений и их квалификация	48
<i>Пиотух Денис Станиславович</i> Условие самоорганизации инновационного процесса	56
<i>Филиппова Ольга Владимировна, Зацепин Александр Михайлович</i> Детерминанты совершения преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов	61
<i>Челнокова Оксана Владимировна, Левченко Александр Владимирович</i> Взаимодействие Русской Православной Церкви с учреждениями пенитенциарной системы России	66
Сведения об авторах	72
Abstracts and Keywords	73

Астанин Виктор Викторович
доктор юридических наук, профессор, г.Москва
E-mail: astaninvv@rambler.ru

Имплементация норм против коррупции в частноправовой сфере в современной России

Статья посвящена мониторингу правовых новелл, направленных на предупреждение коррупции в частноправовой сфере, произошедших в Российской Федерации в 2013 году. При анализе используется сравнительно-правовой метод исследования. Предлагается авторская точка зрения по вопросам достаточности имплементации положений основных антикоррупционных конвенций. Приводится краткая оценка перспектив правоприменения новых норм против коррупции.

Ключевые слова: *противодействие коррупции, частноправовая сфера, правовые инициативы, имплементация конвенционных норм, сравнительное законодательство.*

Вот уже десять лет во всем мире отмечается Международный день борьбы с коррупцией, который утвержден Резолюцией № 58 /4 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 31 октября 2003 года, 9 декабря – в день открытия подписания Конвенции ООН против коррупции.

За это время сложилась специфика праздничного дня, которая заключается не только в проведении торжественных мероприятий (конференций, «круглых столов», симпозиумов), а также вручении поощрений, которыми отмечаются достижения представителей гражданского общества, активно участвующих на фронте противодействия коррупции. Международный день борьбы с коррупцией во многих государствах рассматривается как подходящий повод для подведения текущих итогов реализации антикоррупционных мер, а также определения проблемных аспектов и выработки перспективных задач совершенствования противодействия коррупции. Опосредованно, в таком содержании, отмечаемая дата служит целям обеспечения транспарентности и информирования о проводимой государственной политике противодействия коррупции во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Примечательно в этой связи то обстоятельство, что даже ежегодный индекс восприятия коррупции, составляемый Трансперенси Интернэшнл, публикуется

накануне Международного дня борьбы с коррупцией.

Принимая во внимание совокупные итоги противодействия коррупции, которые хорошо известны из СМИ, на текущем рубеже хотелось бы отметить особенные аспекты антикоррупционной тематики, которые в силу своей специфичности редко обсуждаются. Освещение этих аспектов главным образом связано с развитием антикоррупционной стратегии и преодолением возможных проблем ее реализации.

Прежде всего нужно признать, что законодательные основы против коррупции на современном этапе в России сложились, и говорить об их дополнении приходится только в связи с небольшими корректировками. Теперь на первый план выступают задачи обеспечения правоприменения, особенно мер профилактики коррупции и тех из них, которые продуцированы или рекомендованы конвенциями. Долгое время этот аспект не был проработан, и это имеет свои объяснения.

Если экспертным путем произвести оценку содержания российского антикоррупционного законодательства на предмет содержания в нем положений антикоррупционных международных правовых договоров, в которых участвует Российская Федерация, то можно вывести следующую пропорцию: 2/3 принятых в России законодательных норм в той или иной степени яв-

ляются результатом имплементации положений двух международных договоров – Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г.

Здесь можно отметить и другую интересную пропорцию, связанную с определением доли сложных и не сложных в имплементации конвенционных норм. Универсальные конвенции порождают большее количество задач по имплементации своих положений, нежели региональные. Отчего это происходит? Ответ прост. Универсальные конвенции, в частности принимаемые Организацией Объединенных Наций, в своем содержании отражают доминанту принципов англосаксонской системы права (чужеродную для континентальной системы права), которые устремлены к идеям правовой глобализации. Региональные конвенции (например, Совета Европы), чаще учитывают интересы и устойчивости национального законодательства потенциальных государств-участников, правовые системы которых относятся к одной правовой семье (в данном случае к романо-германской или континентальной).

Между тем, именно две названные конвенции преимущественно детерминируют развитие российского антикоррупционного законодательства. Среди рекомендаций, которые привнесены этими документами можно выделить ряд проблемных для имплементации положений. Однако для начала нужно отметить одну особенность – те конвенционные положения, которые проявляют сложность имплементации в национальное законодательство, затем порождают трудности правоприменения.

С приведением законодательства в соответствие с международно-правовыми антикоррупционными обязательствами дела обстоят проще. Как известно, решение самых сложных задач становится возможным при умелом использовании юридической техники проектируемой новеллы. Но подобная тактика нередко бывает ограничена принципами национального законодательства и это отражается не только на качестве предложенной нормы, но и на возможностях ее действительного предназначения.

На этот счет можно привести примеры, которые отражают проблему принуждения устойчивости национального законодательства к расширению и выступают предметом научно-практических дискуссий.

Итак, уголовная ответственность юридических лиц за совершение от их имени или в

их интересах коррупционных правонарушений. Эта норма рекомендована с. 26 Конвенции ООН против коррупции. На протяжении многих лет ломались копья, связанные с настойчивостью международных экспертов в утверждении обязательности криминализации коррупционных деяний юридических лиц. Аргументы российских практиков и ученых о невозможности установления уголовной ответственности юридических лиц не убеждали даже со ссылками на приватные юридические сборники древнерусских князей о природе уголовной персональной ответственности [1]. При ведении таких споров невольно подвергается сомнению наследие не только отечественных правоведов, предупреждавших о неосуществимости уголовной ответственности юридических лиц (известно образное выражение А.Н. Трайнина о невозможности расстрелять организацию) [3], но и апологетов англосаксонской системы права. Так, английский юрист Эдвард Турлоу, противник привлечения коллективных субъектов к ответственности, утверждал, что «у корпорации нет совести, ведь она не имеет души и тела, которое можно наказать» [4].

Парадоксально, но факт, международных экспертов (как это становится понятно по отчетам ГРЕКО) относительно устраивает порядок установления административной ответственности юридических лиц за незаконные вознаграждения (ст. 19.28 КоАП РФ), и этот порядок соответствует пониманию подходов к криминализации коррупционных деяний юридических лиц, принятому во многих странах. Он основан на следующей формуле: виновное деяние лиц, которые входят в орган управления юридического лица, считается совершенным самим юридическим лицом. Таким образом, основание уголовной ответственности для должностных лиц юридического лица возникает в результате отождествления коррупционного правонарушения физического лица, содеянного под эгидой юридического лица.

Однако далее можно обнаружить различие, основанное на том, что в законодательстве ФРГ, Франции, Финляндии, Швейцарии, не только штраф (как в КоАП РФ), но и конфискация имущества выступает в качестве основной и обязательной меры наказания юридических лиц за коррупционные правонарушения.

Не является парадигмой, разделяемой всеми, еще одна конвенционная норма – о криминализации обещания или предложения дачи либо получения взятки. Российский уголовный

закон не позволяет в полной мере обеспечить реализацию этой нормы. При этом ссылки на возможность квалификации таких деяний как покушение на преступления взяточничества не устраивает международных экспертов. Коррекция ни Общей, ни Особенной части Уголовного кодекса здесь невозможна. Для того, чтобы криминализовать обещание-предложение требуется увеличить санкции в части 1 статей 290 и 291 УК РФ. Однако при таком подходе будет нарушен принцип соразмерности и системности мер наказания, который находится в зависимости от категорий преступлений. Кроме того, требования о криминализации обещания или предложения взятки хромают в позициях установления признаков совершенного деяния. Эти конвенционные требования способны отбросить нас в эпоху древнегерманского права («Салическая правда»), когда наказуемым были помыслы о содеянном и не придавалось значения вине¹.

Кроме того, достаточно негативными и предсказуемыми в этом качестве могут оказаться криминологически значимые последствия применения норм, предусматривающих реальную уголовную ответственность за обещание-предложение дачи либо получения взятки. При существующем уровне коррупционной пораженности и подверженности различных сфер жизнедеятельности и вовлеченности в коррупционные риски и отношения самых разных групп населения, статистика лиц, привлеченных к уголовной ответственности, может оказаться взрывной.

Между тем, подходы к исполнению конвенционных норм не только о криминализации, но и вообще о юридической ответственности за обещание-предложение взятки, оставались скрытыми в позициях государственно-правового отношения до появления в 2013 году трех документов.

Первый документ – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях»². Содержание Постановления нельзя признать консервативным или либеральным, в равной степени там присутствуют и тот, и иной аспект. Важными являются те положения, Постановления, которые призваны обеспечить соответствие практики противодействия коррупции с

положениями конвенций, в которых участвует Российская Федерация. Можно выделить ряд позиций Постановления, способных изменить практику противодействия коррупции, а также предостеречь от ошибок квалификации коррупционных преступлений.

» *«Не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям»* (п. 7 Постановления). Рассматриваемое положение не требует обширного комментария. По существу, речь идет о ненаказуемости использования должностным лицом собственных знаний, умений и навыков, за предоставление которых возникает вознаграждение. Однако при условии неиспользования имеющихся у него полномочий должностного лица.

» *«Получение должностным лицом вознаграждения за использование исключительно личных, не связанных с его должностным положением, отношений не может квалифицироваться по статье 290 УК РФ»* (п. 4 Постановления). Данное положение во многом можно рассматривать в качестве конкретизации предыдущего. Однако толково-словарное определение понятия «личных отношений» может быть обширно, а потому спорным. Некоторые полагают, что понятие личных отношений зиждется на эмоциональной основе (чувствах) [5]. Если принимать эту точку зрения, то становится очевидным, что специфика личных отношений не может быть ограждена от общественных отношений, например, складывающихся в связи с служебными правоотношениями. Комментируемая позиция Постановления в таком ракурсе может вступать в противоречие с другим положением, в соответствии с которым состав преступления взяточничества образует вознаграждение за общее покровительство по службе, если оно основано на личных отношениях и проявляется «в необоснованном назначении подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам» (п. 5 Постановления).

¹ Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. октябрь. С. 7 – 54

² См.: Россия сохранила место в индексе восприятия коррупции // Ведомости. 3 декабря. 2013 г.

Принимая во внимание два приведенных выше положения Постановления (которое, как опосредованно отмечено в преамбуле, направлено на уголовно-правовое обеспечение противодействия коррупции и в интересах выполнения международных обязательств), в содержании обстоятельств, не позволяющих квалифицировать ряд действий (бездействия) как коррупционное преступление, «замораживает» идеи реализации конвенционных норм о криминализации обещания или предложения дачи, или получения взятки. Это очевидно становится при прочтении нижеследующего.

- *«Обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами»* (п. 14 Постановления). Таким образом, обещание – предложение предмета подкупа не является преступлением, но является лишь умышленным условием для совершения коррупционных преступлений.

Важно отметить, что этот посыл имеет отношение ко всем преступлениям, в которых можно обнаружить признаки коррупционных деяний, за исключением только одного:

- *«Обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве»* (п. 26 Постановления).

Второй документ, который предлагается рассмотреть в связи с задачами реализации конвенционных антикоррупционных положений, это подготовленные Минтруда России рекомендации, определившие модели поведения, которые предлагается квалифицировать как склонение к совершению коррупционного правонарушения³. Причем, такому склонению придаются свойства аналогии противоправного поведения,

отражающего суть обещания или предложения взятки. Это модели запретного поведения стали притчей во языцех и получили широкие комментарии в СМИ. Связаны они с запретом на использование государственными и муниципальными служащими в ходе исполнения своих должностных обязанностей особых выражений: «спасибо на хлеб не намажешь», «вопрос решить трудно, но можно», либо обсуждение тем, которые могут быть истолкованы как просьба о даче взятки или обещание ее предоставить. В качестве запретных, стали темы «низкой заработной платы», «желаний приобрести то или иное имущество», «отсутствия работы у родственников служащего», и т.д.

Некоторые модели недопустимого поведения, инициированные извне, предлагается квалифицировать как склонение к совершению коррупционного правонарушения, обязанность уведомления о котором установлена для государственных и муниципальных служащих ст. 9 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Обращает на себя внимание особенный механизм или путь такой квалификации, который заключен в том, что модели nereкомендуемого поведения, представлены в Обзоре ведомственного Письма, которое непросто признать нормативным правовым актом, поскольку при его прочтении, нельзя установить содержащиеся в нем очевидные нормы права. При этом связь между nereкомендуемым поведением и обязанностью уведомления о нем как о склонении к коррупционному правонарушению, выводит на необходимость привлечения виновных к дисциплинарной ответственности за несоблюдение ограничений, запретов и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции (ст. 59.1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Непростой разбор правовых сплетений приводит к выводу о том, что трудновыполнимые (или отложенные во времени к имплементации) конвенционные положения, находят разрешение при помощи положений иных отраслей права. Такой механизм может оказаться спорным при оценке выполнения конвенционных обязательств о криминализации обещания и предложения дачи взятки либо ее получения.

Возможно приведенный пример подчеркнет необходимость вернуться к идеям определения в уголовном законе такого вида правонарушения как уголовный проступок. Эта идея

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. Сентябрь. 2013.

не лишена смысла, поскольку обеспечение соответствия противодействия коррупции общемировым стандартам для нашей национальной правовой системы породило эксклюзив некоторых форм действий (бездействия), которые определяются как коррупционное поведение или проявление. Последним сложно найти соответствие среди устоявшихся видов юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной).

К уголовным проступкам смело можно отнести не являющиеся сейчас правонарушением некоторые случаи конфликта интересов, активные формы склонения к совершению коррупционного деяния, обещание и предложение дачи взятки либо получение взятки. Такой подход соответствовал бы традициям национальной правовой системы, ведь вопрос о разграничении преступлений и проступков возник в законотворческой идеологии и практике Российской империи еще в XVIII веке при Петре I, а в XIX веке находил свое отражение в законодательстве. Так, например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, проступком признавалось не только противозаконное деяние, но и неисполнение того, что предписано к соблюдению под страхом уголовного наказания.

Полагаю, что такой подход позволил бы имплементировать в российское законодательство ряд конвенционных норм о криминализации деяний, имеющих малозначительную общественную опасность. Предпосылки к развитию этой идеи заложены и в действующем УК РФ. Часть 2 ст.14 содержит норму о малозначительности деяния (содержащего признаки преступления, но не являющегося таковым), которая выглядит как дань уважения историческим традициям развития уголовного законодательства России.

Отсутствие определения уголовного проступка в УК РФ продуцирует ограничение межгосударственного и международного сотрудничества правоохранительных органов по делам о коррупционных преступлениях. Уголовные кодексы стран Западной, Северной, Центральной Европы и Балтии, содержат уголовные проступки [6].

Между тем, обеспечению разумного соответствия национального законодательства положениям конвенций, в которых участвует Российская Федерация, должны служить и недавно озвученные Президентом России организационно-тактические рекомендации о взвешенном подходе к подписанию международно-правовых договоров, особенно в случаях непростого их соответствия конституции и доктринальным ос-

новам национальной правовой системы⁴. Зная, что подписание конвенций производят представители от разных ведомств, нередко без предварительной их широкой научно-экспертной проработки со стороны юридической вузовской или научной общественности, следовать этим рекомендациям впоследствии нелегко.

Третий документ, непосредственно рекомендуемый набор мер и средства их имплементации, исходя из наилучших мировых практик предотвращения коррупции в частноправовой сфере, – это подготовленные Минтруда России «Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции»⁵ (далее – Методические рекомендации). Их содержание учитывает лучший зарубежный опыт противодействия коррупции в частной сфере, а сами Методические рекомендации служат обеспечению применения нормы статьи 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции», которая обязывает организации, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, а также отраслевой принадлежности, принимать меры по предупреждению коррупции. Главные рецепты Методических рекомендаций сосредоточены на необходимости:

- ▶ использовать возможности локальных правовых актов для применения мер дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений (используя положения ст. 192 ТК РФ);
- ▶ обеспечения принципа открытости бизнеса, который достигается путем внедрения в проекты договоров стандартной антикоррупционной оговорки, и внесения в трудовые договоры с работниками обязанности соблюдения антикоррупционных ограничений;

⁴ Наиболее убедительно этот тезис звучит в связи с содержанием пункта 23 Постановления, в соответствии с которым если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе коррупционные выгоды (имущество или услуги) оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки.

⁵ Письмо Минтруда России от 10.07.2013 № 18-2/10/2-3836 «Об Обзоре рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки».

- разработки и принятия «Антикоррупционной политики организации», предусматривающей меры профилактики коррупции, адекватные коррупционным рискам, которые может испытывать организация, при этом идти по пути применения «недорогих, дешевых мер»;
- ежегодно использовать декларации о конфликте интересов (типовая анкета содержит более сотни вопросов);
- введения процедур защиты работников, сообщивших о коррупционных правонарушениях в деятельности организации, от формальных и неформальных санкций;
- периодической оценки коррупционных рисков в разных сферах деятельности организации и их предупреждение;
- создание специальных подразделений или определение субъектов, уполномоченных осуществлять профилактику коррупции в организации;
- разработки и принятия кодекса этики служебного поведения работников организации (в котором затрагиваются детальные вопросы профилактики коррупционных проявлений, вплоть до допустимых пределов политики обмена подарками в ходе деловых мероприятий);
- принятие мер по предупреждению коррупции при взаимодействии с организациями-контрагентами и в зависимых организациях (данная мера предусматривает анализ репутации проверяемых субъектов).

Анализируя вышеприведенные позиции, рекомендованные к рецепции в организациях частноправового сектора, следует отметить их практическую составляющую. Это качество не в последнюю очередь обусловлено тем, что активное участие в разработке Методических рекомендаций принимали крупные отечественные объединения промышленников и предпринимателей («Опора России», ТПП РФ и др.). На сегодняшний день эти объединения справедливо

заняли в секторе гражданского общества нишу проводников политики ведения бизнеса без коррупции. Важно и то обстоятельство, что Методические рекомендации учитывают и скромный опыт внедрения антикоррупционных мер в отечественных организациях, включенных в реальный сектор внешнеэкономических отношений с зарубежными партнерами, которые приняли описываемые стандарты своей деятельности, свободной от коррупции.

Между тем, с учетом новизны анализируемого правового документа, результаты применения рекомендуемых в нем антикоррупционных мер, следует связывать с необходимостью проведения мониторинга правоприменения (в ожидаемой перспективе нескольких ближайших лет), в котором хотелось бы надеяться будут заинтересованы его разработчики.

Литература:

1. Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. – СПб., 1859;
2. Эверс И.Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. – СПб., 1835.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. – М. : Наука, 1994. С. 143 – 144;
4. Kasprzyk A. Odpowiedzialnosc karna podmiotow zbiorowych: Praca magisterska napisana na seminarium Prawa karnego. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2005.
5. Ижокин Р.А. Сущность личных отношений и их специфика в пенитенциарной системе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. № 4.
6. Генрих Н.В. К совершенствованию механизма уголовно-правового регулирования: проблемы и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 3 – 6.

Захарцев Сергей Иванович
доктор юридических наук, г. Москва
e-mail: sergeyivz@yandex.ru

Проблема предмета философии права: размышления и предложения

Статья посвящена актуальному вопросу философии и правоведения: определению предмета философии права. В статье анализируются подходы советских, а затем и российских юристов по данной проблеме. Формулируется вывод о том, что, несмотря на разные подходы практически все юристы включают философию права в систему юридических наук. Отсюда и предмет философии права ученые определяют как у юридической науки. Далее обосновывается, что философия права не входит в общую теорию права, а обозначает ей направления познания права, методологию права, формулирует подходы и фундаментальные проблемы права, ищет пути их решения. Исходя из чего в предмет философии права входят основополагающие вопросы правового бытия, сущности права, методологии познания права, ценностей права, осознания права, логики права, места человека в правовых отношениях. Философия права выступает тем самым «мостиком», связующим звеном между «чистой» философией и теорией государства и права как основой для всей юридической отрасли знаний. Затем подробно рассматривается и критикуется позиция ученых, пытающихся разделить философию права фактически на две науки: философию права как философскую дисциплину и как юридическую дисциплину. В заключении делается вывод о том, что философия права – философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, прагматики права, правосознания.

Ключевые слова: философия, право, философско-специализированная наука, основополагающие проблемы права, ценности права, правовое бытие, методология права, сущность права, познание права.

По вопросу о том, что такое философия права и какой его предмет, ученые к единому мнению не пришли. Предлагаются весьма разные подходы. Обозначим для примера некоторые из них.

Так С.С. Алексеев считал, что философия права – это наука о праве в жизни людей, в человеческом бытии. По его мнению, философия права предстает как научная дисциплина, которая призвана дать мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей [1, стр. 2]. Как писал автор, решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень» – мировоззренческое понимание права, постижение смысла права, выраженных в нем ценностей [2, стр. 395]. В какой-то степени о том же сказал Ю.Г. Тихонравов, давший предмету философии права очень короткое определение – учение о смысле права [12, стр. 46].

Ю.Г. Ершов полагает, что философию права следует рассматривать как науку о познавательных и социальных основах права [6, стр. 9-10]. В.С. Нерсесянц предоставил несколько иное определение: предмет философии права – это право как сущность и право как явление в их различии, соотношении (совпадении или несовпадении) и искомом единстве. Этот же предмет ученый далее выразил чуть иначе – право и закон в их различии, соотношении и искомом единстве [11, стр. 2].

В.П. Малахов пишет о том, что предметом философии права является его сущность [10, стр. 28]. Хотя в более развернутом определении, данном в этой же работе, он определяет философию права несколько по иному: философия права – совокупность базовых методологических допущений, которые только и делают возможным понимание права, содержательное саморазвертывание правосознания, непосредственное становление и воспроизводство правовой жизни [10, стр. 10].

По мнению Д.А. Керимова, философия права, будучи одним из основных направлений общей теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук [7, стр.83].

Определения других ученых-юристов тоже более-менее различны. А сходство в том, что практически все юристы включают философию права в систему юридических наук. Отсюда и предмет философии права определяется как правило с мыслью о том, что философия права – юридическая наука, часть общей теории права и пр. Так до недавнего времени считали и мы.

Но чем больше мы заключали философию права в скобки правоведения, общей теории права, тем настойчивее и увереннее философия права из них выходила, ставя вопросы, которые юриспруденция не в состоянии объять.

Это заставило нас заново осмыслить философию и философию права.

Как известно, философия – это особый способ постижения и освоения мира. Как мировоззрение, система знаний, она формирует целостное и ценностное представление о мире и о месте в нем человека. Принято считать и это справедливо, что философия выходит за рамки конкретных наук. Более того, именно из недр философии «родились» технические и гуманитарные науки, в том числе правоведение. Философия дала толчок для формирования правовых наук и определила их направление. Основой для такого развития стали размышления философов о праве. Начиная с античности, все философы без исключения в своих работах касались права, рассматривали его либо непосредственно, либо подразумевали как важную составляющую построения мира и общества. Так зарождалось самостоятельное направление в философии – философия права. Это направление, надо признать, никогда не было основным – философией традиционно рассматривались глобальные проблемы бытия, познания, мира. А право незримо (или зримо) присутствовало среди таких проблем как важный способ регулирования общественных отношений. Объективно: философия породила правовые науки и никак не наоборот. И закономерно, что именно философы сформировали и обосновали в XIX веке философию права как направление в философии, предназначенное для формирования мировоззрения о праве, философского осмысления права.

Поэтому философия права является связующей научной дисциплиной между философией и юридическими науками. Философия права не входит в общую теорию права, а обозначает ей направления познания права, методологию права и формулирует подходы и фундаментальные проблемы права, ищет пути их решения.

Тогда получается, что в предмет философии права входят основополагающие вопросы правового бытия, сущности права, методологии познания права, ценностей права, осознания права, логики права, места человека в правовых отношениях.

Здесь появляется осязаемое разграничение предмета философии права и общей теории права, поскольку в ведение философии права входит осмысление только глобальных фундаментальных проблем права и указание методологических установок, ориентиров для теории права.

Иначе говоря, у всех теоретических наук есть пересечения с философскими проблемами. Однако говорить о дублировании предметов нельзя, ибо философия рассматривает только фундаментальные проблемы («небесного масштаба»). В то время как отраслевым теоретическим наукам требуются более конкретные, «приземленные» знания. Предназначения отдельных философских направлений как раз в том, чтобы стать своеобразными «мостиками», ориентирами для теоретических наук всех отраслей знаний (от экономической и математической теории до теории права). Философия права выступает тем самым «мостиком», связующим звеном между «чистой» философией и теорией государства и права как основой для всей юридической отрасли знаний.

Обстоятельства, в связи с которыми философия права утратила свое значение для юридических наук, просты и понятны. Философы, как мы уже отмечали, считали рассмотрение проблем права не главным направлением философии, не уделяли им должного внимания. Инициативу перехватили юристы, ставшие, что естественно, рассматривать философию права в первую очередь с юридических позиций.

Но при помещении философии права внутрь общей теории права возникли вопросы, первым из которых стал разграничение предметов теории государства и права и философии права. Предпринятые попытки разграничения лишь усилили субъективизм в теории государства и права. Системных попыток «поднять глаза к небесам» и вывести философию права из чисто юридических дисциплин делалось явно не достаточно.

При этом, **второе**, важно осознать, что философия не терпит ограничений во взглядах

и концепциях. Размещение философии права в юридических науках подразумевало ограничение этой дисциплины рамками общеправовой теории. То есть, речь стала идти не о философии, а о философствовании в пределах юридических наук. В этом смысле философия права потеряло свое подлинно философское предназначение.

Г.Ф. Шершеневич, критикуя философов, писал о том, что они рассматривают право, не вдаваясь в конкретику правовых реалий [15, стр. 15-16]. Это так. Единственное: знак «минус» надо заменить на знак «плюс». Перед философами права стоят другие более глобальные вопросы, требующие философского осмысления. Например: право и научно-технический прогресс (право должно способствовать, умеренно регулировать, а где-то и препятствовать такому прогрессу, скажем, в части биомедицинских опытов над человеком); право и истина (должно ли право стремиться устанавливать объективную истину, получать подлинные знания либо достаточно юридической истины); взаимодействие права и вненаучных знаний; право и внеземная цивилизация; проблема формирования единой мировой правовой системы путем конвергенции норм и пр. И само собой: философское осмысление соотношения права и свободы, права и справедливости, права и равенства, правовых ценностей, правового прогресса и др. Кроме того, именно философия права может объективно оценить состояние юридической науки и юридических работ.

А изучение философией права содержания конкретных правовых норм и реалий осуществляется при необходимости, для решения указанных выше и других глобальных задач.

Кроме того, замечание Г.Ф. Шершеневича относится к началу XX века, т.е. к тому времени, когда философия права еще не стала междисциплинарной наукой, только начала формулирование науковедческих основ и не была в должной мере «вооружена» юридическими знаниями.

Третье наше замечание не относится к ведущим специалистам философии права, но явление о котором пойдет речь в юридических науках имеет место. Его суть в том, что отдельные юристы, даже подготавливая работу по философии права, не любят и не желают выходить за рамки юриспруденции. То есть, подлинно философские и философско-правовые проблемы стремятся рассмотреть строго в пределах правовых дисциплин, не углубляясь, а подчас и не погружаясь в философию. Это само собой сильно обедняет и «обрезает» исследование. А иногда написанное и вовсе нельзя отнести к философии права, поскольку работа написана по теории

государства и права, социологии права, истории государства и права, истории политических и правовых учений, но не по философии права. В этом случае философия становится некими закрытыми воротами, прикрываясь которыми можно сочинять что угодно: главное чтобы было больше наукообразия. Но, увы, это путь не в сторону познания.

У ведущих философов России, судя по всему, есть стремление подключиться к проблемам философии права. Это заметно хотя бы по выступлениям на «Круглом столе Конституционного суда Российской Федерации», в котором приняли участие академики В.С. Степин, А.А. Гусейной, В.А. Лекторский [14, стр.11-27]. Названными учеными перед юристами были поставлены вопросы, имеющие несомненно философско-правовой характер: право и информационное насилие в мире, право и частная собственность, право и эксперименты над человеком и человечеством и др. Активно ли включится юридическое сообщество в осмысление этих проблем? Но чем больше оно будет в них погружаться, тем очевиднее станет то, что поставленные вопросы носят не столько правовой, сколько философско-правовой и философский характер. Это опять же подтверждает наш вывод о том, что философия права в условной иерархии знаний должна размещаться над теорией государства и права, а не внутри этой теории. И хотя некоторые наши коллеги по-прежнему стремятся смотреть на философию права только (или в первую очередь) как на юридическую науку, становится очевидно и понятно, что это не верно.

В современных юридических словарях состояние философии права отражено достаточно объективно. Так, в словарях под редакцией А.Я. Сухарева и А.Б. Барихина указывается, что философия права – наука о наиболее общих теоретико-мировоззренческих проблемах правоведения и государствоведения. Длительное время выступала как составная часть философских систем. В современном обществе, как написано далее, философия права – по преимуществу составная часть широко развивающейся юридической науки; нередко термин «философия права» употребляется как синоним общей теории (общего учения) о праве. Однако с конца XIX века философия права чаще понимается более узко, как автономная дисциплина, отличная от теории и социологии права, призванная изучать не само действующее право, а идеальные духовные начала, лежащие в основе права. Основным понятием понимаемой таким образом философии права становится «идея права» [3, стр. 737-738; 4, стр. 671].

Такое отражение современного состояния весьма четко показывает, что философия права в XX и XXI веке все более отдаляется от философии. Идеальные духовные начала несомненно надо изучать, однако нельзя сводить философию права к изучению только этих вопросов. В праве значительно больше глобальных проблем, оценить которые может именно и только философия. Собственно поэтому мировоззренческие глобальные проблемы и именуется философскими.

Если предмет философии права урезать только до «идеальных духовных начал права», тогда не совсем ясно, для чего названную науку называть именно «философией» права. Такой узкой и именно юридической дисциплине можно предложить другое более конкретное наименование. И не употреблять философию всуе.

С какой целью мы вводим сами себя в заблуждение, полагая, что «идеальные духовные начала права» и есть философия права? Очевидно, что она в таком истолковании мировоззренческое и методологическое понимание права даст в очень усеченном виде, а говоря точнее – не даст.

Здесь опять же важен подход. «Идею права» в неокантианском, неогегельянском или ином истолковании изучать с философских и философско-правовых позиций можно и нужно. Это рассмотрение будет давать импульс развития общей теории права, указывать ей дорогу к познанию. При этом, что важно, познание неокантианства, неогегельянства и других течений будет осуществляться с философских позиций, комплексно, объективно, широко, с учетом всех философских знаний. Но такое возможно в случае нахождения философии права над общей теорией права. В противном случае (если считать философию права юридической наукой) указанные подходы и течения будут изучаться только в пределах юридических наук, то есть не полно. И тогда подобная научная работа превратится из философии в фикцию, поскольку трудно быть сторонником, например, неогегельянства без комплексного изучения трудов Гегеля, его сторонников и противников, работ других философов, философской критики. Если же исследователь попытается обратиться к подлинно философской мысли, то он очевидно значительно выйдет за предмет юридических наук. Поэтому философию права нельзя рассматривать как часть общей теории права, то есть ограничивать ее предмет рамками юридических наук.

Важен и другой вопрос, связанный с взаимодействием и взаимопроникновением наук. Сможет ли философия права, не углубляясь в

философию, повышать потенциал общей теории права? Видимо, нет, ибо откуда в таком случае философии права питаться идеями?

Это, конечно, вовсе не означает, что философия права станет уделом исключительно философов¹.

В-четвертых, в научной дисциплине, одной из составляющей которой является философия, она по определению должна доминировать, играть заглавную роль. В противном случае эта дисциплина перестанет быть философией.

Все подобные дисциплины (философия экономики, философия истории, философия медицины, философия права и др.) создаются на философской базе. Порядок их образования таков. Философия выступает общим по отношению к конкретной науке (частному). Вначале внутри философии выделяется направление, относящееся к конкретной науке. Одновременно в науке формируются вопросы, выходящие за ее предмет и требующие философского осмысления и разрешения. Дальнейшая интеграция этого философского направления и науки приводит к образованию новой научной дисциплины. Но в такой конструкции частное (знание из конкретной науки) не может дойти над общим (философией). Рассматривать философию с позиции экономики или с позиции права не логично и не верно. Должно быть наоборот.

Всегда ли происходит подобная интеграция? Опыт показывает, что не всегда. В ряде технических и гуманитарных наук она не происходила. Одной из причин является то, что не все, например, технические науки нуждаются в подобных интеграциях. Философских проблем (или проблем, требующих философского уровня осмысления) в подобных науках относительно немного. Потребности формирования самостоятельных направлений в философии не возникает.

Отсюда ясно, что для образования таких научных дисциплин как философия экономики, философия медицины, философия права и других у соответственно экономики, права должна быть потребность в них, должно быть стремление дотянуться «подняться» до философских знаний. Такие науки стремятся в философию. Стремятся, чтобы с ее помощью разрешить свои научные проблемы, но, конечно, не для того, чтобы оценить саму философию с позиции эконо-

¹ Г.А. Гаджиев верно заметил: «Не стоит думать, что философские размышления – монополия профессиональных философов и что занятие философией юристов, экономистов, литераторов – недопустимое интеллектуальное браконьерство»

мики, медицины или права. Поэтому ключевое слово в названных дисциплинах несомненно за философией.

Таким образом, философия права является междисциплинарной наукой. Мы предлагаем называть подобные научные дисциплины философско-специализированными.

Если понимания приоритета философии нет, отсутствует потребность в философях, то для чего формировать философско-специализированную научную дисциплину? Возникающие проблемы можно пробовать решать в пределах конкретных наук.

Вообще довольно забавно читать суждения некоторых ученых, считающих что философия права является юридической дисциплиной и должна изучаться юристами. Иначе говоря: мы хотим заниматься философией без философов. Но философия ли это будет? Вот ведь в чем вопрос?

Вместе с тем, стремление изучать философию права без философского осмысления, а как юридическую науку у некоторых юристов присутствует.

Правда, чуть отвлечемся, словами «право», «правоведение», «юриспруденция» прикрываются тоже любят. В подтверждение наших слов приведем пример. В свое время мы ознакомились с одним учебным пособием по юридической психологии. В нем отмечалось, что юридическая психология это психологическая наука и материал в пособии подается в первую очередь с психологической точки зрения. Пособие было интересным и содержательным, наполнено психологическими темами и размышлениями. По ознакомлении у нас возник лишь один вопрос: для чего в названии пособия фигурировало слово «юридическая»? Это слово было там явно лишним, так как содержание пособия имело явную психологическую направленность. Слова «юридический», «правоведение» мелькали лишь во введении и заключении. Непосредственно в основной части работы мы обнаружили всего два примера, связанных с юридической практикой. И при этом в заключении делался вывод о том, что знания психологии очень важны и должны активно использоваться в юриспруденции. С таким выводом мы, конечно, не спорим. Но ведь надо признать, что данная работа была написана по психологии, а юриспруденция с учетом современной популярности юридических знаний выступала своего рода ширмой, завесой, давала пособию более привлекательное название^{2**}. Кстати, это не един-

ственный пример. Нам встречалось учебное пособие, посвященное логике, но для юристов. Его содержание представляло собой добротное учебное пособие исключительно по логике.

Возникает вопрос: не схожую ли ситуацию только по отношению к философии мы подчас наблюдаем в философии права, когда готовятся чисто юридические работы, в которых периодически вкрапливается манящее всех слово «философия»?

В-пятых, размещение философии права внутри общей теории права не могло не повлиять на точность определения предмета исследуемой дисциплины. Как известно, философия имеет мировоззренческое и методологическое предназначение. Если базироваться на философии, то очевидно, что предмет философии права обязательно должен сочетать в себе и мировоззренческую, и методологическую составляющую.

Современные российские философы права в основном отталкивались не от философии, а от права. Возможно поэтому в их рассуждениях, как правило, делался акцент только на одну из составляющих предмета. Это подтверждают и приведенные в начале параграфа понятия философии права – С.С. Алексеев, В.С. Нерсисянц, Ю.Г. Тихонравов писали об исследуемой науке главным с точки зрения мировоззрения³. Такой подход, естественно, не являлся полным, почему и справедливо критиковался другими специалистами.

Попыток объединить мировоззренческую и методологическую позицию практически не предпринималось. Вместе с тем, предмет философии права включает в себя как мировоззренческую составляющую, так и методологическую. Именно в таком смысле исследуемая дисциплина может быть подлинно философской, философско-специализированной.

Таким образом, философия права занимает место между философией и общей теорией права. Философия права имеет по отношению к юридическим наукам мировоззренческое и методологическое предназначение.

Исходим из того, что философия разрабатывает фундаментальные проблемы онтологии, гносеологии, аксиологии, антропологии, логики, этики, праксиологии, сознания. В этом случае предметом изучения философии права должны быть соответственно основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания. Философия права – философско-специализирован-

² Из корректности, точное название пособия и авторов не указываем.

³ Алексеев С.С. писал, что решающее значение в философии права имеет ее «мировоззренческий стержень» [2, стр. 395].

ная наука, призванная дать мировоззренческое понимание права и методологию его познания.

Наша позиция с точки зрения определения составляющих предмета философии права не столь оригинальна. Дискуссии о том, что из названного включать или, напротив, исключить из предмета ведутся уже длительный период. Вместе с тем, суждения ученых как правило имели аргументацию, связанную с размещением философии права внутри общей теории права, что как мы разобрали, изначально не верно. Наш подход выражен в стремлении приблизить философию права к философии, поднять ее над общей теорией права, а не рассматривать внутри юридических наук.

С радостью отмечаем, что в юридической среде появляются специалисты, рассматривающие философию права больше с философских, а не юридических позиций. К таким, например, относится известный немецкий юрист Р. Алекси. Интересен и комментарий С.И. Максимова по поводу работ этого ученого. С.И. Максимов пишет, что Р. Алекси: «трудно упрекнуть в какой-либо предвзятости, как это часто бывает у нас, когда профессора философии настаивают на философском характере философии права, а профессора права – на юридическом. Р. Алекси – юрист, наряду с лекциями по философии права он также читает лекции по проблемам публичного права. Поэтому не будем спешить обвинять его в измене корпоративным интересам...» [9, стр. 17].

Надо сказать, что и сам С.И. Максимов, будучи известным юристом, рассматривает правовую реальность в первую очередь с философских позиций [8]. Здесь же положительно отметим учебник по философии права, выпущенный в Харькове авторским коллективом, состоящим из философов и юристов. Этот учебник – одна из первых работ по философии права, где усилия философов и юристов были объединены. Надеемся, что подобные работы мы увидим и в России. Коллектив украинских ученых убедительно считает, что философия права, в первую очередь, философское учение. При этом в учебнике отмечается, что Высшая аттестационная комиссия Украины имеет право присуждать по философии права ученые степени как юридических, так и философских наук, поскольку эту науку может развивать как философ, так и юрист, а точнее философ-юрист или практично ориентированный философ [13, стр. 14-16].

Попытки рассмотрения предмета философии права внутри юриспруденции постоянно сталкиваются с противоречиями. Например, вызвало спор обоснованность включения в пред-

мет философии права правовой логики. Хотя по нашему мнению очевидно, что логика – философская наука, поэтому препятствий для изучения логики права в рамках предмета философии права не имеется.

Многие не достаточно внимания уделяют вопросам человеческого сознания, осознания человеком права, правосознания, поэтому, видимо, даже не задумаются о необходимости включения этих вопросов в предмет философии права. В.П. Малахов высказал верную мысль о том, что у многих отечественных правоведов правосознание совершенно выпадает из поля зрения; оно представлено лишь имплицитно, в своем содержании [10, стр. 10].

Не все специалисты почему-то включают в предмет философии права этику права. Право по своей сущности должно находиться на страже добра. Проблема добра и зла является центральной проблемой этики. Учения о добре и зле, нравственности и безнравственности, морали, добродетели, справедливости, счастье и долге традиционно изучаются этикой как философской дисциплиной, но имеют важнейшее значение для философии права. Этический взгляд позволяет оценивать право не только, например, с гносеологических позиций, но и нравственной, что особо важно для осмысления правового бытия. В правовом бытии, кстати, было достаточно примеров, когда то, что столетия назад считалось нравственным, стало безнравственным, а то и преступным. И наоборот.

Этика как наука о высшем благе человека, о добре, выступает своеобразным методологическим ориентиром для познания права. То есть, познание происходит не ради самого познания, а в конкретном направлении.

Именно этические ценности лежат в основе всех правовых концепций. И в этом смысле правовая этика осуществляет поиск идей, принципов, основ, регулирующих поведение человека, направляющих его поступки, устанавливающих критерии добра. Здесь же рассматриваются и основные проблемы применения таких моральных идей, принципов, основ в конкретных ситуациях, связанных с моральным выбором. Процесс познания правового бытия без этики обедняет сам себя, теряет цели и ориентиры. Поэтому несомненно, что этика права входит в предмет изучения философии права.

Таким образом, философия права – философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, акси-

ологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания.

Не бесспорное суждение высказал В.С. Нерсесянц. Вначале он говорил, что в научном профиле и дисциплинарной принадлежности философия права имеет несколько аспектов. Если речь идет о философии права в целом, то очевидно, что мы имеем дело с междисциплинарной наукой, объединяющей те или иные начала, как минимум, двух дисциплин – юридической науки и философии. Этот междисциплинарный компонент является общим для всех версий философии права, независимо от того, разработаны ли они как отдельная юридическая или философская наука [11 стр. 17].

С тезисом В.С. Нерсесянца о том, что философия права является междисциплинарной наукой следует согласиться⁴. Однако далее В.С. Нерсесянц пишет: «Когда же встает вопрос о дисциплинарной принадлежности к юриспруденции или философии тех или иных конкретных вариантов философии права, то по существу речь идет о концептуальном различии (выделено мной – С.З.) юридического и философских подходов к основной проблеме (подразумевающей и охватывающей и все остальные, более частные проблемы) любой философии права: «Что такое право?» [11, стр. 17].

То есть, если развивать мысль В.С. Нерсесянца дальше, то фактически получается, что у нас две разные научные дисциплины: философия права в философском подходе и философия права в юридическом подходе. Однако, как мы понимаем, это не так.

Напротив, сила и мощь философии права как раз заключается в ее двугранности, междисциплинарности. Сфера ее познания находится на стыке двух отраслей знаний философии и права. Такие научные пересечения в XIX и XX столетиях открыли широкий пласт для познания окружающего нас бытия. Никто не растаскивает по разным углам философию экономики, философию культуры, молекулярную микробиологию, физическую химию и т.д. и т.п. Если мы говорим о том, что философия права изучается юристами и философами с разных сторон, то тогда следует признать, что науки «философия права» в настоящий момент вообще нет: ее или физически нет

либо она находится в стадии формирования. А есть отдельные направления в философии, интересующиеся правом. И кроме них есть отдельные теоретики права, рассматривающие в праве в том числе основы философии.

Но такое мнение, судя по всему, не верно. Философия права есть и существует именно как междисциплинарная наука.

Приведенное суждение В.С. Нерсесянца, на наш взгляд, как раз и связано с неточным определением предмета науки философия права. Если говорить о предмете философии права только с позиции правоведения, что сейчас встречается достаточно часто, то мы действительно получим исключительно юридическую науку, причем несколько оторванную от философии. И такой отрыв будет прогрессировать. Что мы еще можем получить? Философия права в таком виде будет все более «погружаться» в юридические частности и нюансы, отходить от высокого – философского – осмысления правового бытия. Указанные процессы уже достаточно проявляются. Например, Ю.Г. Ершов писал о том, что философию права «мало интересуют умозрительные конструкции, оторванные от реальных правовых процессов и явлений». Из этого он сделал вывод, что философия права в этом смысле как бы «вырастает» на фундаменте всего юридического знания [5, стр. 9]. Такая точка зрения совершенно не выдерживает критики. Во-первых, это не так с исторической точки зрения: философия права «выросла» из философии, а не из юридических знаний. А, во-вторых (главное), Ю.Г. Ершову, наверное, будет трудно оспорить то, что именно философия является основой других наук, в том числе юридических. Соответственно, именно на базе (или, если хотите, фундаменте) философии получают юридические знания, изучается правовое бытие. И ни как не наоборот.

Уже сейчас, – при юридическом подходе, – многие теоретики права, обозначая разницу между теорией государства и права и философией права, не находят четких и убедительных границ. Да при указанном подходе их и трудно найти. В.С. Нерсесянц пишет, что основной проблемой философии права является вопрос: что такое право? Но если говорить о юридических науках, то познанием того, что такое право, как раз занимается теория государства и права.

Отсюда вывод о том, что философию права нельзя превращать в чисто юридическую дисциплину. Предмет философии права шире, чем у юридических наук. При отрыве от философских знаний философия права как юридическая дисциплина

⁴ Алексеев С.С. верно написал: философско-правовой, интегрированный уровень научных знаний о праве выражен в формировании и развитии особой самостоятельной научной дисциплины, охватывающей как философию (по своим основам), так и правоведение (по своему основному содержанию).

плина нужна не будет – ее заменят теория государства и права и, частично, социология права и некоторые другие юридические науки. В таком виде пропадет ее смысл и перед философией. Философия не будет обогащаться от юридических знаний.

При этом, естественно, не должно быть и отрыва философии права от права. Научная сила и значимость философии права как раз в ее междисциплинарности, взаимозависимости, взаимном обогащении знаний.

Вместе с тем, В.С. Нерсесянц подходы к изучению философии права на философский и юридический, судя по всему, дифференцировал достаточно жестко. Так, он писал, что в философии права как особой философской дисциплине познавательный интерес и исследовательское внимание сосредоточены главным образом на философской стороне дела, на демонстрации познавательных возможностей и эвристического потенциала определенной философской концепции права. Существенное значение при этом придается содержательной конкретизации соответствующей концепции применительно к особенностям данного объекта (права), его осмыслению, объяснению и освоению в понятийном языке данной концепции, в русле ее методологии и аксиологии. В концепциях же философии права, разработанных с позиции юриспруденции, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы, направления и ориентиры исследования. Его философский профиль здесь не задан философией, а обусловлен потребностями самой правовой сферы в философском осмыслении. Отсюда и преимущественный интерес к таким проблемам как смысл, место и значение права и юриспруденции в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей и т.д. [11, стр. 18].

Как видим, вновь фактически речь идет не о единой науке, созданной на базе интеграции знаний, а о дисциплинах, имеющих совершенно различные предметные области. В единой науке столь ощутимая разница в предметах и подходах быть не может. То есть подспудно опять речь ведется о разных науках, четко разделенных между собой.

Иначе говоря, при таком подходе В.С. Нерсесянца получается, что никакой интеграции знаний между философией и юриспруденцией не было. Соответственно, не создана предметная область изучения философии права, не разработана ее методология. Значит, утверждать о

том, что наука философия права существует, как минимум, преждевременно. Однако такой вывод противоречит объективной реальности и, кстати, самим же выводам В.С. Нерсесянца, который всегда писал, что указанная наука есть.

Мы считаем, что надо отказаться от классификации философии права на философию права «как особую философскую дисциплину» и философию права «как юридическую науку». Эта классификация, с научной точки зрения, представляется не точной и регрессивной. Она напоминает известный анекдот о переименовании Российских железных дорог в Министерство под названием «туда» и Министерство «обратно».

Говоря другими словами, могут быть самые различные подходы к предмету философии права. Они могут обосновываться со своих позиций философами, юристами, социологами, психологами, политологами, другими специалистами. Но эти подходы, концепции должны быть в рамках только одной научной дисциплины – философии права. А делить научную дисциплину, науку на части в зависимости от направления мыслей ученых нельзя. Так, нельзя и нелепо говорить о том, что есть особая психологическая наука теории государства и права (например, на взглядах Л.И. Петражицкого), особая социологическая наука теории государства и права и т.д. Речь должна идти о разных подходах, концепциях внутри единой научной дисциплины. Собственно, теорию государства и права на разные науки никто не делит. Однако философию права подчас пытаются разделить на две разные научные дисциплины: «философскую философию права» и «юридическую философию права». Что, конечно, не верно.

Философия права действительно возникла в недрах философии. Далее произошло накопление знаний о праве, как философских, так и юридических. Такое накопление, что, естественно, привело к диффузии знаний, переосмыслению предмета и в конечном счете образованию новой науки – философии права. Философия права, как и любая отпочковывающаяся от целого отрасль знаний, определенное время «боролась» за свою самостоятельность, разрабатывала свои науковедческие основы, получала общее признание в философской и юридической среде. В настоящее время – это признанная междисциплинарная самостоятельная наука, образованная в результате интеграции знаний философии и юриспруденции о праве и правовом бытии.

Философия «как мать всех наук» тем самым выполнила свою миссию перед Наукой,

«породив» новую важную научную дисциплину. Такой исторический эволюционный процесс типичен в научной жизни.

В итоге следует признать, что философия права является междисциплинарной наукой и именно в таком виде ее необходимо воспринимать. Если из нее исключим либо неоценим любой из компонентов, данная наука перестанет существовать. Опасаться междисциплинарных наук совершенно не нужно. В настоящее время большинство серьезных научных открытий как раз связаны с интеграцией и диффузией научных знаний, даже казалось бы, несовместимых. Но если в физике, химии, медицине, биологии и др. они возможны, то почему они не возможны в праве?

Надо сказать, что не все специалисты принимают предложенный нами подход к предмету философии права. Юристам особенно не нравится «размещение» философии права не внутри юридических наук, а над ними. В качестве критического замечания обычно называется уже не раз затрагиваемый вопрос о том, что такой подход может повлечь отдаление философии права от права. С данным замечанием мы совершенно не согласны. Философия права уже состоялась как междисциплинарная наука. Она уже содержит в себе багаж как чисто философских, так и юридических знаний, необходимых для осуществления своей научной миссии. Поэтому на современном этапе уже нельзя говорить о том, что при установлении философии права «над» юриспруденцией, в философии права будут рассматриваться проблемы, не соответствующие правовым реалиям.

Равно как не верно спекулировать высказываниями о том, что философия права при таком подходе не будет опускаться до рассмотрения конкретных правовых норм и вопросов. Напротив, предложенный нами подход позволяет в рамках философии права не только «рассуждать о высоком», но и детально разбирать конкретные правовые нормы, необходимость рассмотрения которых будет связана с решением стоящих перед наукой задач. При анализе философских вопросов, связанных, например, с правом и справедливостью, правом и истиной, рассмотрение конкретных норм по установлению истины в процессуальном праве необходимо. Да и вообще, в праве достаточно вопросов, подлежащих философскому осмыслению.

Здесь уместно привести высказывание очень точное Д.А. Керимова о том, что ведущая методологическая роль философии права в системе юридических наук вовсе не исключает, а вполне допускает разработку отраслевыми юри-

дическими науками методологических проблем, которые нередко достигают не только общетеоретического, но и философско-правового уровня (например, проблемы вины и ответственности в гражданском и уголовном праве)... Иначе говоря, философия права использует добытые отраслевыми юридическими науками знания для дальнейшего, более всестороннего и глубокого познания правовой действительности и перспектив ее совершенствования [7, стр. 78].

В заключении параграфа повторим вывод. Философия права – это философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания.

Литература:

1. Алексеев С.С. Философия права. – М., 1998.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. – М., 1999.
3. Барихин А.Б. Большой энциклопедический словарь. – М., 2005.
4. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – М., 2003.
5. Гаджиев Г.А. Онтология права. – М., 2013.
6. Ершов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург. 1995.
7. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000.
8. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков, 2002.
9. Максимов С.И. Философия права как проблема философии права // Философия права: сучасні інтерпретації: Вибрані праці: статті, аналітичні огляди, переклади. Харьков, 2012.
10. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. – М., 2008.
11. Нерсисянц В.С. Философия права. – М., 2011.
12. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М. 1997.
13. Философия права / Под ред. О.Г. Данильяна. – Харьков, 2009.
14. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. – М., 2010.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911.

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, г.Казань

e-mail: kabanovp@mail.ru

Виктимологический мониторинг статистических показателей коррупционной преступности в республике Беларусь

В работе впервые в криминологической науке исследуются вопросы виктимологического мониторинга коррупционной преступности Республики Беларусь на основе данных официальной статистики.

В результате проведенного виктимологического мониторинга коррупционной преступности в Республике Беларусь выяснилось, что наибольшее количество жертв коррупционной преступности приходится на коррупционные хищения, злоупотребления властью или служебным положением, значительное количество физических лиц становится жертвами превышения власти и взяточничества, а жертвами бездействия власти являются единицы.

В основном в качестве жертв коррупционной преступности выступают граждане Республики Беларусь, а доля иностранцев в общей структуре жертв незначительна.

Ключевые слова: *коррупция, коррупционная преступность, жертвы коррупции, Республика Беларусь, статистические показатели, виктимология коррупции, виктимологический мониторинг, антикоррупционный мониторинг.*

Вопросам измерения эффективности противодействия коррупции в современных государствах посвящено достаточное количество исследований и опубликовано значительное количество научных работ, однако появляются новые направления, которые предлагают нетрадиционные подходы к оценке состояния коррупции и мер противодействия ей. В число таких научных направлений, направленных на оценку эффективности мер по противодействию коррупции входит и виктимологический мониторинг статистических показателей коррупции, названный нами термином «виктимологический мониторинг коррупции» [11, с.51; 12, с.164; 13, с.12], который является одним из элементов системы виктимологии коррупции (антикоррупционной виктимологии [8, с.38]), одной из задач которой является оценка состояния коррупции в государстве и обществе через выявление, описание и объяснение виктимологических тенденций [14, с.107-111; 15, с.43-46]. Как показывает современный российский криминологический опыт, выявление, описание и объяснение виктимологических тенденций состояния коррупции и эффективности мер противодействия ей возможно различными средствами, в том числе и

с использованием имеющейся статистической информации о жертвах коррупционных правонарушений [1, с.21-22; 2, с.30-32; 3, с.27-31; 4, с.8-17; 5, с. 286-289; 6, с.31-38; 7, с.112-114; 9, с.19-23; 10, с.42-45; 16, с.91-97]. Здесь следует оговориться, что на национальном уровне не все государства размещают полные статистические данные о правонарушениях, правонарушителях и их жертвах в открытом доступе. В силу сложившихся традиций государственные статистические учреждения размещают на официальных сайтах только наиболее значимую информацию, в которой не всегда уделяется внимание жертвам преступлений, в том числе и коррупционных. Приятным исключением из этого правила оказалась статистическая информация о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь, размещенная на официальном сайте «криминологи.рф» [20]. В этой информационной базе данных наравне с характеристикой личности преступника, размещены и социально-демографические данные о жертвах преступлений в этом государстве за период с 2002 по 2012 гг. Не воспользоваться такой возможностью для виктимологического мониторинга коррупционной преступности в этом

государстве было бы не разумно. Поскольку именно виктимологический мониторинг коррупционной преступности предлагает дополнительные показатели, характеризующие состояние коррупции и тенденции её трансформации.

Выбор хронологических рамок виктимологического мониторинга коррупционной преступности обусловлен тем, что именно начиная с 2007 года, в соответствии с подзаконными нормативными правовыми актами Республики Беларусь, для осуществления статистического наблюдения был утвержден Перечень коррупционных преступлений [17], который пересмотрен и уточнен в декабре 2011 года [18].

В соответствии с указанным Перечнем, на сегодняшний день коррупционными преступлениями в этом государстве являются деяния, ответственность за которые предусмотрена рядом норм Уголовного кодекса Республики Беларусь:

- 1) ст. 210 (Хищение путем злоупотребления служебным положением);
- 2) ч.2 и 3 ст.235 (Легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем с использованием служебного положения);
- 3) ч.2 и 3 ст.424 (Злоупотребление властью или служебными полномочиями);
- 4) ч.2 и 3 ст.425 (Бездействие должностного лица);
- 5) ч.2 и 3 ст. 426 (Превышение власти или служебных полномочий);
- 6) ст. 429 (Незаконное участие в предпринимательской деятельности);
- 7) 430 (Получение взятки);
- 8) 431 (Дача взятки);
- 9) 432 (Посредничество во взяточничестве);
- 10) 455 (Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти).

Именно виктимологические данные по этим коррупционным преступлениям мы и будем анализировать за весь рассматриваемый период, игнорируя положения о том, что до 2012 года действовал иной (расширенный) Перечень коррупционных преступлений.

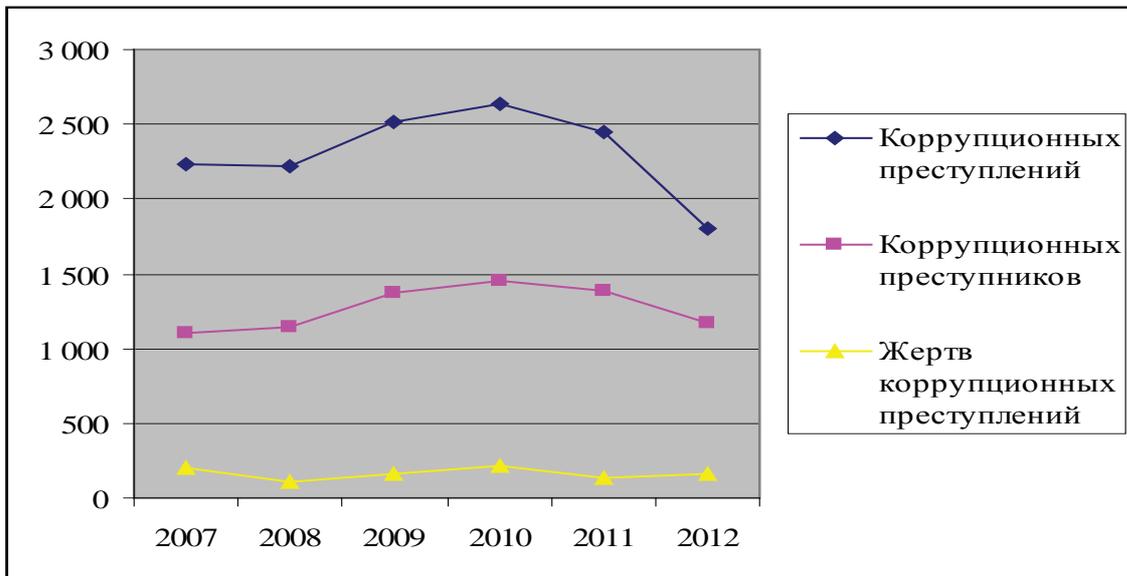
Проведенный нами статистический анализ показателей коррупционной преступности в Республике Беларусь за период с 2007 по 2012 годы свидетельствует о том, что на территории этого государства было зарегистрировано 13 871 коррупционное преступление, выявлено 7 615 коррупционных преступников, которыми был причинен ущерб на сумму 109 560 375 015 рублей. За этот же период было признано потерпевшими и учтено 990 жертв коррупционных преступле-

ний. В рассматриваемый нами период количество выявленных коррупционных преступлений в динамике выглядит следующим образом. В 2007 году на территории Республики Беларусь было зарегистрировано 2235 коррупционных преступлений, в 2008 – 2225, в 2009 – 2518, в 2010 – 2636, в 2011 – 2452, в 2012 – 1805. В течение двух последних лет отчетливо видны тенденции к снижению выявления, расследования и регистрации коррупционных преступлений.

В тоже время количество зарегистрированных и учтенных коррупционных преступников в этом государстве оказалось следующим. В 2007 году их было выявлено и привлечено к уголовной ответственности – 1100 человек, в 2008 – 1138, в 2009 – 1368, в 2010 – 1454, в 2011 – 1380, в 2012 – 1175. И здесь мы отмечаем, что в течении последних трех лет наметилась тенденция к уменьшению числа лиц, выявленных за совершение коррупционных преступлений. На наш взгляд, эта тенденция обусловлена, в первую очередь, снижением общего количества выявленных коррупционных преступлений правоохранительными органами Республики Беларусь, то есть снижением их профессиональной активности в поиске коррупционных преступлений и коррупционных преступников (См. рисунок №1)

Следует оговориться, что при осуществлении виктимологического мониторинга любого вида преступности следует иметь в виду, что в Республике Беларусь в соответствии со статьями 49-50 УПК РБ, потерпевшими от преступлений могут признаваться только физические лица [19], то есть, предусмотрен так называемый антропологический подход к их жертве [8, с.20].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть коррупционных преступлений в Республике Беларусь совершается без причинения какого-либо вреда жертве, только в каждом 14 случае правоохранительными органами при наличии на то оснований принимается решение о признании физического лица потерпевшим. К «коррупционным преступлениям без жертвы» можно отнести квалифицированную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем с использованием служебного положения, незаконное участие в предпринимательской деятельности и посредничество во взяточничестве, поскольку за весь исследуемый период ни одно физическое лицо не было признано потерпевшим по уголовным делам этой категории. Между тем в этот же период было зарегистрировано и учтено 288 коррупционных преступлений,

Рис. №1. Количественные показатели коррупционной преступности в Республике Беларусь (2007-2012 гг.)

указанных видов, а также привлечено к уголовной ответственности 165 лиц, их совершивших.

Виктимологическое измерение количественных показателей в Республике Беларусь во времени показало, что в 2007 году было признано потерпевшими и учтено 199 жертв коррупционных преступлений, в 2008 – 114, в 2009 – 156, в 2010 – 216; в 2011 – 141; в 2012 – 164. Анализ виктимологической статистики показывает, что отчетливо видны разнонаправленные колебания количественных статистических показателей о жертвах коррупционных преступлений при относительно стабильном количестве регистрируемых коррупционных преступлений и выявлении лиц, их совершивших.

Одним из основных показателей виктимологического мониторинга коррупционной преступности является структурное содержание её жертв. Здесь мы можем классифицировать коррупционные преступления по количеству зарегистрированных жертв на несколько групп. Это такие группы как: с большим количеством жертв; значительным количеством жертв, небольшим количеством жертв и незначительным количеством жертв. К первой группе относятся потерпевшие от хищений, совершенных путем злоупотребления служебным положением (ст.210 УК РБ). Их было признано таковыми в рассматриваемый период 276 человек, что составило 27,9% от общего количества жертв коррупционной преступности. Несколько меньше зарегистрировано жертв квалифицированного злоупотребления властью или служебным положением (ч.2 и 3 ст. 424 УК РБ) – 213 человек или 21,5%, а также жертв злоупотреблением вла-

стью, превышения власти либо бездействия власти (ст.455 УК РБ) – 207 человек или 20,9%. Эта группа потерпевших составляет 70,3% в общей структуре жертв коррупционной преступности.

Значительное количество оказалось зарегистрированных жертв превышения власти или служебными полномочиями (ч.2 и 3 ст. 426 УК РБ) – 135 человек или 13,7% и дачи взятки (ст.431 УК РБ) – 133 человек или 13,4% от общего количества жертв коррупционной преступности в Республике Беларусь.

Небольшое количество в Республике Беларусь зарегистрировано жертв получения взятки (ст.430 УК РБ) – 24 человека или 2,4%, хотя общее количество жертв взяточничества (дачи и получения взятки – ст.ст. 430-431 УК РБ) является значительным и составляет 157 человек или 15,9% в структуре жертв коррупционной преступности.

Незначительное количество жертв – только 2 человека или 0,2% от общего количества жертв коррупционной преступности в Республике Беларусь были признаны жертвами квалифицированного бездействия власти (ч.2 и 3 ст.425 УК РБ).

Структурный анализ жертв коррупционной преступности в Республике Беларусь свидетельствует о том, что чаще всего население в этом государстве становятся «жертвы коррупционных хищений» и «злоупотреблений властью», значительное количество жителей становятся «жертвами превышения власти» и «жертвами взяточничества», а вот «жертвами бездействия власти» становятся единицы.

Важнейшим показателем виктимологического мониторинга является социально-де-

мографическая характеристика жертв криминального коррупционного поведения, отражающая их коррупционную виктимность. На наш взгляд, под коррупционной виктимностью следует понимать – объективную возможность и/или способность («предрасположенность») физического лица стать непосредственной или опосредованной жертвой коррупционного поведения, либо неспособность защитить себя от такого поведения. Проведенный нами анализ статистической информации свидетельствует о том, что жертвами коррупционной преступности в Республике Беларусь чаще всего становятся мужчины 719 или 72,6% и только 271 или 27,4% – женщины. Следовательно, коррупционная виктимность белорусских мужчин значительно выше, чем коррупционная виктимность женщин.

Если сгруппировать жертв по социальному положению, то чаще всего жертвами коррупционной преступности в Республике Беларусь становятся рабочие именно они наиболее коррупционно-виктимны. Их признано потерпевшими, зарегистрировано и учтено в рассматриваемый период в качестве жертв 289 человек или 29,2% в общем количестве жертв коррупционной преступности. Чуть меньше этого количества жертвами коррупционной преступности стали лица, не имеющие постоянного источника дохода (не работающие и не учащиеся лица) – 256 человек или 25,9%. Значительное количество в числе жертв коррупционной преступности оказалось служащих – 74 человека или 7,5% и пенсионеров 58 человек или 5,9%. Незначительное количество жертв коррупционной преступности оказалось среди учащихся образовательных учреждений – 15 человек или 1,5% и иностранцев 25 человек или 2,5%. Значительную долю в структуре жертв коррупционной преступности в Республике Беларусь составили иные социальные группы 273 человека или 27,6%.

Количественные данные криминальной статистики Республики Беларусь предусматривают группировку жертв преступлений по возрастным группам. Здесь в официальной криминальной статистике выделяют следующие возрастные группы жертв преступлений: а) несовершеннолетние, б) лица в возрасте от 18 до 29 лет, в) лица в возрасте от 30 до 49 лет, г) лица в возрасте от 50 до 69 лет; д) лица в возрасте 70 лет и старше. Наибольший удельный вес среди жертв коррупционной преступности приходится на возрастную группу от 18 до 29 лет. Их зарегистрировано и учтено в количестве 419 человек

или 42,3% в общей структуре жертв коррупционной преступности. Несколько меньше жертв коррупционной преступности в возрастной группе 30-49 лет. В ней оказалось 389 жертв или 39,3% всех жертв коррупционной преступности. Значительно меньше оказалось жертв коррупционной преступности возрастной группы 50-69 лет. Здесь оказались лишь 151 человек или 15,3%. Лица в возрасте 70 лет и старше 21 раз становились жертвами коррупционной преступности, а общей доле всех жертв криминального коррупционного поведения они составили лишь 2,1%. Наименьшей коррупционной виктимностью, в силу объективных причин, обладают несовершеннолетние их оказалось среди жертв коррупционной преступности всего 10 человек или 1%. В связи с этим можно предположить, что наибольшей коррупционной виктимностью в Республике Беларусь обладают лица в возрасте от 18 до 29 лет, а наименьшей – несовершеннолетние.

Важнейшей составляющей виктимологического мониторинга коррупционной преступности является выявление, описание и объяснение её негативных последствий, влияющих на состояние и поведение жертв. Количественные показатели криминальной статистики Республики Беларусь помимо размера причиненного материального вреда дополнительно имеют такие показатели, которые указывают на причинение физического вреда – количество погибших и раненых. Согласно изученным нами данным в рассматриваемый период в результате совершения коррупционных преступлений в этом государстве погибло 3 человека и получило ранения различной степени тяжести 7 человек. Таким образом, можно утверждать о том, что в результате совершения коррупционных преступлений в рассматриваемый период в Республике Беларусь 10 человекам был причинен физический вред, что составляет 1% от общего количества жертв этого вида преступности. Как правило, жертвы коррупционных преступлений, которым причинялся физический вред – это физические лица, пострадавшие от превышения власти представителями органов власти или пострадавшие в результате бездействия должностных лиц этих органов.

Проведенный нами виктимологический мониторинг коррупционной преступности в Республике Беларусь позволяет нам сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, в Республике Беларусь налажен учет не только характеризующий количе-

ственные показатели зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, материального вреда от них совершения, но и их жертв, с помощью которого возможен статистический анализ состояния коррупционной преступности в этом государстве, её негативных социальных последствий, в том числе и осуществить антикоррупционный виктимологический мониторинг, характеризующий жертв этого коррупционной преступности.

Во-вторых, в качестве жертв коррупционной преступности в Республике Беларусь чаще всего выступают граждане этого государства, а доля иностранцев в общей структуре жертв этого вида преступности незначительна.

В-третьих, наибольшее количество жертв коррупционной преступности приходится на коррупционные хищения, злоупотребления властью или служебным положением, значительное количество физических лиц становится жертвами превышения власти и взяточничества, а жертвами бездействия власти регистрируются единицы.

В-четвертых, наибольшей коррупционной виктимностью в Республике Беларусь обладают мужчины, тогда как коррупционная виктимность женщин в четыре раза ниже, чем у мужчин.

В-пятых, по социальному положению наибольшей коррупционной виктимностью обладают рабочие, составляющие почти треть всех жертв коррупционных преступлений, а также лица, не имеющие постоянного источника дохода (не учащиеся и не работающие), а наименьшей – учащиеся образовательных учреждений.

В-шестых, наибольшей коррупционной виктимностью в Республике Беларусь обладают лица возрастной категории 18-29 лет и 30-49 лет составляющие более 80% всех потерпевших от коррупционных преступлений в этом государстве, а наименьшей – несовершеннолетние.

Литература:

- Бикмухаметов А.Э., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционного поведения в Республике Татарстан: криминологический анализ региональной виктимологической статистики (по результатам 2008 года) // Следователь. – 2009. – №6.
- Газимзянов Р.Р., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности в Республике Татарстан: криминологическое осмысление статистических показателей // Следователь. – 2008. – №12.
- Газимзянов Р.Р., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности в Республике Татарстан: осмысление статистических показателей 2007 года // Противодействие коррупции: проблемы и перспективы формирования и реализации национальной, региональной и муниципальной антикоррупционной политики: сборник материалов круглого стола (9 декабря 2008 года, г. Нижнекамск). – Казань: КЮИ МВД России, 2009.
- Гарипов И.М. Виктимологическая характеристика жертв криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан (криминологический анализ статистических показателей за 2007-2011 гг.) // Следователь. – 2012. – №12.
- Гарипов И.М. Виктимологическая характеристика жертв корпоративной криминальной коррупции в Республике Татарстан // Право и практика. Научные труды Кировского института МГЮА имени О.Е. Кутафина в городе Кирове. – 2011. – №8.
- Гарипов И.М. Виктимологическая характеристика криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан (результаты статистического наблюдения за период 2007-2009 гг.) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – №4.
- Гарипов И.М. Виктимологические аспекты криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан: криминологическое осмысление региональной криминальной статистики за 2009 год // Право и практика. Научные труды Кировского института МГЮА имени О.Е. Кутафина в городе Кирове. – 2010. – №7.
- Гарипов И.М. Виктимологические аспекты противодействия криминальному коррупционному поведению в Республике Татарстан / под науч. ред. д-ра юрид. наук П.А. Кабанова. – Казань, 2013. – С.38.
- Гарипов И.М., Кабанов П.А. Виктимологическая характеристика криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан за период с 2010-2011 гг. // Следователь. – 2013. – №1.
- Гарипов И.М., Кабанов П.А., Садеев М.М. Криминологическая характеристика жертв коррупционной преступности в Республике Татарстан: анализ статистических показателей за 2008 год // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: материалы

- круглого стола / Под ред. А.А. Юнусова. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2009. – Вып.4.
11. Кабанов П.А. Антикрупционный мониторинг в муниципальном образовании: правовое регулирование, организация и проведение // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. – 2013. – №6.
  12. Кабанов П.А. Антикрупционный мониторинг в Российской Федерации: понятие, содержание, классификация и правовое регулирование // *Организованная преступность и коррупция: результаты криминологическо-социологических исследований / под ред. Н.А. Лопашенко*. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. – Вып.6.
  13. Кабанов П.А. Антикрупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, классификация и специфика правового регулирования // *Следователь*. – 2011. – №8.
  14. Кабанов П.А. Виктимология коррупции: понятие, предмет, структура // *Право и практика. Научные труды Кировского института МГЮА имени О.Е. Кутафина в городе Кирове*. – 2010. – №7.
  15. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимология коррупции как частная виктимологическая теория: понятие, предмет и некоторые задачи, связанные с оказанием помощи жертвам коррупции // *Следователь*. – 2008. – №5.
  16. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности: криминологический анализ региональной криминальной статистики // *Актуальные вопросы правового обеспечения антикрупционной деятельности в современных условиях: Материалы Международной научно-практической конференции 2 декабря 2008 г.* – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.
  17. Об утверждении Перечня коррупционных преступлений: постановление Прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 5 апреля 2007 года №17/94/11 // *Законность и правопорядок*. – 2007. – №2.
  18. Об утверждении перечня коррупционных преступлений: постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, КГК, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 года №5/8/1/34/6 // документ размещен на официальном сайте МВД Республики Беларусь.
  19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года №295-3 // *Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь*. – 2000. – №77-78. – пер. №2/71 от 20.08.1999.
  20. Crimpravo.ru

Леонтьев Борис Борисович

член-корреспондент РАЕН, доктор экономических наук,
профессор. Г.Москва
e-mail: info@sois.ru

Стратегия интеллектуальной собственности Таможенного Союза

Экономическая интеграция России, Республики Беларусь и Казахстана в рамках Таможенного Союза должна строиться на единой нормативной основе по интеллектуальной собственности. Для того чтобы создать и принять правительствами стран такую нормативную основу, приемлемую для стран-участниц Таможенного Союза, необходимо разработать стратегию интеллектуальной собственности.

В статье дается эскиз содержания стратегии, предлагаемой институтом СОИС, для развития и принятия её Евразийской Экономической Комиссией.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, Таможенный Союз, системность, нормативная основа, законотворчество, государство, бизнес, инновации, управление, экономика.

Сегодня рядом ведущих специалистов в мировой экономике отмечается этап развития качественно новой инновационной экономики или экономики знаний, как ее называют. Он базируется на юридической основе мирового института интеллектуальной собственности. Наиболее масштабно, быстро и качественно это развитие происходит на основе современных требований к отдельным объектам интеллектуальной собственности, таким как товарные знаки, патенты и ноу-хау. Это влечет принципиальные изменения отношений на рынке, национальных приоритетов и сам глубинный смысл экономики.

Проблема состоит в том, что каждое государство-член Таможенного Союза имеет своё законодательство по интеллектуальной собственности и руководствуется своими нормами регулирования отношений в сфере товарных знаков, фирменных наименований и других средств индивидуализации юридических лиц, патентов, ноу-хау, программных продуктов, объектов авторского права и лицензий. Судебные споры по ним на межгосударственном уровне раньше разрешались на основе национальных законов. После вступления в Таможенный Союз ситуация изменилась. Единое таможенное пространство качественно меняет ситуацию в этой сфере. Здесь должны быть единые универсаль-

ные нормы регулирования отношений между авторами и правообладателями интеллектуальной собственности и товаропроизводителями. Здесь должны быть не только единые нормы, но и единые информационные системы, базы данных и программные продукты, оптимизирующие отношения в рамках Таможенного Союза.

В 2010 году ВОИС подготовила и распространила свои рекомендации по разработке национальных стратегий по интеллектуальной собственности для стран с переходной экономикой с целью гармонизации отношений на международном рынке и ускорения этого процесса [1,2,3].

Исторический вызов

Американские и западноевропейские менеджеры единогласно утверждают, что без грамотно выстроенных отношений с интеллектуальной собственностью никакие инновации состояться не могут. Интеллектуальная собственность составляет основной смысл инноваций и детально выстраивает внутреннюю логику отношений в каждом конкретном инновационном проекте, на любом высокотехнологичном предприятии, в корпорации, отрасли, в любом административном центре научно-промышленного города, в любом регионе, в любом государстве и в целом международного сообщества. Смысл

этой логики состоит в поощрении творчески активных и продуктивных участников рынка и, соответственно, в поощрении инноваций.

На международном уровне отношения в сфере торговли, производства и инновационной деятельности выстраиваются на основе соглашения ТРИПС (соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности). Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности (ВОИС), в состав которой входят 185 государств, в том числе и страны-члены Таможенного Союза, с целью нормализации государственных отношений активно ставит вопрос создания национальных стратегий интеллектуальной собственности. Свою деятельность, как известно, ВОИС строит на международных конвенциях по интеллектуальной собственности, базовыми из которых являются всем известные Парижская (1883) по промышленной собственности и Бернская (1886) по авторскому праву. Нормы, в первую очередь, именно этих конвенций лежат в основе содержания соглашения ТРИПС. На этих нормах сегодня строятся национальная нормативная основа по интеллектуальной собственности любого государства. В центре внимания находятся вопросы борьбы с контрафакцией и правоприменительная практика судебных органов различных государств-членов ВОИС.

Проблема качества национальных инновационных систем (НИС), способных «включать мозги» наций в экономический оборот и стабильно наращивать доходы в бюджетах стран-членов Таможенного Союза, в существенной мере зависит от наличия качественной межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности. Создание и использование такой межгосударственной стратегии требует объединения усилий лучших специалистов в этой области. В итоге реализация межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности должна масштабно расширить фронт воспроизводства рабочих мест во всех странах-членах Таможенного Союза.

Требования к МГСИС

Сам подход к разрешению проблемы формирования эффективной НИС и, соответственно, требования к использованию межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности имеют свои особенности. В России, например, они исходят, во-первых, со стороны бизнеса, не ощущающего до сих пор достаточных поощрительных механизмов для воспроизводства

инноваций. Во-вторых, это связано с модернизацией инновационного блока и, соответственно, с востребованностью МГСИС. В-третьих, это связано с ожиданиями сообщества специалистов по интеллектуальной собственности, реально работающих сегодня в самых разных сегментах экономики, включая бизнес, науку, образование, а также правительственные, общественные и частные организации.

Во внешней сфере они исходят от ВТО, ВОИС, США и ряда других стран. Активизация деятельности по разработке и реализации межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности в рамках Таможенного Союза обусловлена необходимостью гармонизации отношений в сфере торговли и распространения наукоемких товаров между странами-членами Таможенного Союза на рынке интеллектуальной собственности. Интересно, что рекомендациями ВОИС [4], в первую очередь, начинают пользоваться сами специалисты по интеллектуальной собственности, в том числе и в странах Старого Света, где в прошлом таких стратегий не было. Сегодня эти специалисты пытаются активизировать свои национальные рынки инноваций и других продуктов творческой деятельности.

В рамках Таможенного Союза на межгосударственном уровне требуются определенная воля, понимание столь важного шага, а также поддержка в финансировании и реализации данной инициативы.

Минимальными требованиями при разработке межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности должны быть достаточно четко сформулированные цели, задачи, принципы построения, структура основных функциональных элементов стратегии, определяющих полный набор системно выстроенных направлений программных действий и сопутствующих мероприятий, их иерархию и единый организационно-управленческий механизм ее реализации в целом. С этой целью для начала необходимо сформулировать и обсудить примерную концепцию МГСИС. В нашем варианте ее изложение начинается с определения принципов, целей, задач и структуры функциональных элементов.

Принципы построения МГСИС

Принципы обеспечивают всесторонний учет особенностей вновь создаваемой системы отношений в сфере интеллектуальной собственности и снижение риска односторонности ее представления и трактовки. Если, предположительно-

но, нескольким разным группам специалистов по интеллектуальной собственности порознь друга от друга поручить разработку такой стратегии, то все они разработают далеко не одинаковые по содержанию документ под этим названием. Это произойдет поскольку, они будут руководствоваться разными принципами в силу того, что будут обладать разными способностями, квалификацией, опытом и потому будут предлагать те идеи, которые им ближе. Поэтому для начала следует изложить принципы, на которых предлагается строить межгосударственную стратегию по интеллектуальной собственности, чтобы была ясна позиция авторов по исходному, принципиальному вопросу.

1. Институциональный межотраслевой характер всей совокупности знаний и юридических норм, составляющих содержание этой специфической сферы отношений, можно констатировать сегодня как исторически сложившийся во всех ведущих странах мира за последние 500 лет. Институт интеллектуальной собственности, проникающий во все сферы жизнедеятельности современного общества, построен на весьма устойчивых нормах, знаниях и механизмах их реализации, пожалуй, более устойчивых, чем многие другие институты в политике, экономике, социальной сфере [5]. Особенностью этого института является то, что он в отличие от остальных, объединяет реально формирующуюся и уже сложившуюся на данный исторический момент почти всю интеллектуальную элиту как любого государства, так и международного сообщества. Механизм выделения элиты воспроизводится, во-первых, через именные списки результатов интеллектуальной деятельности (в частности через списки научных трудов), во-вторых, через доходы, полученные от создания и реализации интеллектуальной собственности и, в-третьих, через именные премии, награждающие интеллектуалов за выдающиеся результаты. Все это относится к содержанию, формам и результатам действия института интеллектуальной собственности, который следует всячески культивировать и пропагандировать.

2. Междисциплинарный подход является изначально не сугубо юридическим, ввиду того, что, хотя законодательное построение осуществляют в основном юристы, но сфера применения и само содержание интеллектуальной собственности носит междисциплинарный характер. Если, к примеру, рассмотреть патент на изобретение, то главным в нем является новое техническое содержание, затем юридическая форма и,

в итоге, экономическое назначение. Аналогично можно рассматривать содержание, форму и назначение у всех остальных объектов интеллектуальной собственности. Да и сам институт интеллектуальной собственности строится на научно-техническом или художественном содержании, юридической форме и экономическом назначении. Развитие цивилизации в последние столетия происходит в основном за счет качественного обновления, обращения и наращивания интеллектуальной собственности. В связи с этим специалисты сегодня выделяют три вида оборота: научный, юридический и коммерческий, которые следует рассматривать совместно. Сюда же следует добавить технический оборот, пока не популярный у специалистов. Именно этот междисциплинарный характер должны учитывать разработчики и пользователи МГСИС.

3. Стратегический характер интеллектуальной собственности, качественно изменяющий содержание наиболее востребованных предметов труда и средств производства и, соответственно, самих субъектов общества, ее использующих, определяет инвестиционную политику любого высокоразвитого современного государства, а также тенденции развития мирового рынка. Все тактические действия по созданию, учету, поощрению и использованию интеллектуальной собственности по отдельности и в сумме имеют существенные стратегические последствия. В первую очередь они ощущаются в конкурентной среде на рынке и в области эффективного инвестирования соответствующих программ и проектов. Высококачественная интеллектуальная собственность в товарной продукции и в производстве делает более комфортной жизнь ее создателей и пользователей. Она всегда изменяет будущее всех, кто к ней причастен. Однако при этом следует помнить, что технически, экономически и организационно изменяя наш мир, мы повышаем риски нашей жизнедеятельности и будущих поколений, создаем новые зоны и сферы использования сложной техники. Поэтому проблема безопасности не исчезает, а, видоизменяясь, все же будет возрастать, хотя бы потому, что мы неизменно расширяем искусственную зону жизнедеятельности человека и общества и потихоньку вытесняем живую природу, которая незаметно для нас воспроизводит атмосферу и водную среду. Поэтому соблюдение баланса между живой природой и обществом должно обязательно измеряться и регулироваться. В основе этих измерительно-регулирующих механизмов также должна быть высококачествен-

ная интеллектуальная собственность. Поэтому вопрос методологии использования интеллектуальной собственности, как стратегического и обоюдоострого инструмента, весьма актуален.

4. Локальный многовекторный характер применения и действия интеллектуальной собственности в науке, технике, технологиях, бизнесе, в литературе и искусстве. Локально применяемая интеллектуальная собственность выступает в роли ценообразующего и качествообразующего фактора в товарной продукции. В бизнес-технологиях она - в роли товарообразующего фактора. Для предпринимателя - в роли бизнесобразующего фактора. А для государств, высших чиновников, ученых и крупного бизнеса она выступает в роли, во-первых, фактора наращивания числа рабочих мест и, во-вторых, как рынокоразвивающее средство не только в любой национальной, но и в мировой экономике. Достаточно проанализировать экономическую историю интеллектуальной собственности Билла Гейтса и Стива Джобса в качестве примера.

5. Интеллектуальная собственность является средством освобождения национальных экономик от зависимости от природных ресурсов, которые всегда когда-то заканчиваются или спрос на них меняется. Иными словами, интеллектуальная собственность является средством обеспечения независимости любой национальной экономики. Интеллектуальные ресурсы в отличие от большинства природных ресурсов не только наиболее воспроизводимые, но и быстро приумножаемые при правильной государственной политике и адекватно сложившихся общественных отношениях. Поэтому ставка на интеллектуальные ресурсы – это ставка на независимую от природных ресурсов экономику и на устойчивое и долгосрочное процветание. Причем, где это процветание происходит быстрее и нагляднее, туда и утекают «мозги» из стран с неблагоприятными условиями для интеллектуалов.

Цели и задачи МГСИС

Межгосударственная стратегия интеллектуальной собственности выстраивается на целях и задачах, ее реализующих, которые ориентированы на качественно более высокий уровень развития экономики.

Основной целью МГСИС является ускорение формирования рынка инноваций в границах Таможенного Союза на основе выстраивания уже во многом сложившегося значительного потенциала ученых, изобретателей и

специалистов, как совокупности инновационно-активных юридических и физических лиц, в направлении системного и коллективного разрешения проблем, стоящих перед государствами-членами Таможенного Союза в сфере развития инновационной экономики и борьбы с контрафакцией.

Межгосударственная стратегия интеллектуальной собственности должна послужить интеграционным механизмом объединения усилий значительного потенциала интеллектуалов стран-членов Таможенного Союза, и, в первую очередь, специалистов по интеллектуальной собственности с целью минимизации усилий и максимизации результатов при совместном разрешении проблем снижения уровня контрафакции и развития инновационной экономики.

Задачами создания МГСИС являются:

- ▶ вовлечение в ее разработку и реализацию всех наиболее квалифицированных и активных специалистов, более десяти лет работающих на рынке интеллектуальной собственности и инноваций;
- ▶ поиск и привлечение финансовых ресурсов, достаточных для реализации МГСИС в целом и по ее отдельным направлениям;
- ▶ доведение МГСИС до сведения соответствующих государственных деятелей и служб, ими возглавляемых, а также до соответствующих этому направлению общественных организаций и СМИ;
- ▶ вовлечение высших чиновников, ученых и предпринимателей, а также широкой общественности в реализацию данной МГСИС;
- ▶ поиск и назначение юридического лица, ответственного за разработку и реализацию МГСИС на период ее воплощения;
- ▶ мониторинг результатов реализации МГСИС, ее корректировка, развитие и периодическое (раз в пять лет) обновление с целью актуализации задач и механизмов ее реализации.

Построение и реализация межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности в соответствии с вышеназванными целями и задачами должны происходить с учетом специфики как самой интеллектуальной собственности в статусе объекта управления, так и весьма сложной сферы межгосударственных отношений, включая специфику самого рынка интеллектуальной собственности, инноваций и других продуктов творчества. Такой учет специфики может быть выполнен через предварительное определение структуры целевых направлений реализации МГСИС.

Структурные элементы МГСИС

Используя вышеназванные принципы, цели и задачи как исходные установки, от которых можно начать построение межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности в рамках Таможенного Союза, выделим ее следующие основные блоки как частные целевые стратегии, подстратегии, или векторные стратегии. К ним, по нашему мнению, следует отнести следующие:

- методология интеллектуальной собственности в сфере науки и образования;
- законодательство и нормотворчество по интеллектуальной собственности в сфере правосудия;
- инновационная среда на основе интеллектуальной собственности в сфере науки, бизнеса, образования и господдержки;
- борьба с контрафакцией;

- информационная среда понимания интеллектуальной собственности, ее роли и механизмов в обществе;
- судопроизводство и судебная практика в сфере нарушения неисключительных прав авторов и исключительных прав правообладателей интеллектуальной собственности;
- мониторинг методологии, законодательства, инновационной и информационной среды и судебной практики с целью обеспечения обратной связи и более эффективного развития института интеллектуальной собственности.

Актуальность введения в действие качественной межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности сегодня особенно высока. Достаточно медленное развитие инновационной экономики, в частности, проис-

Рис. 1. Примерная структура основных направлений межгосударственной стратегии интеллектуальной собственности Таможенного Союза

ходит ввиду того, что сфера интеллектуальной собственности на межгосударственном уровне в целом сегодня не достаточно отрегулирована, скоординирована по своим целям и задачам и скорее находится в состоянии стихийной самоорганизации, хотя отдельные законодательные акты продолжают пополнять информационное пространство юристов, работающих в этой области. Об этом проблемном состоянии свидетельствует статистика по регистрации объектов интеллектуальной собственности и договоров по их передаче, где показатели сегодня хуже показателей советского периода, хотя тогда не было рыночных отношений и актов признания интеллектуальной собственности в экономике.

Основная проблема развития инновационной экономики в рамках Таможенного Союза, по нашему мнению, состоит в отсутствии единой идеологии и личности идеолога. Ликвидации этого недостатка, в частности, способствует

межгосударственная стратегия интеллектуальной собственности и активная позиция ответственности стран-членов Таможенного Союза.

Объединение государств в рамках Таможенного Союза на новой юридической основе ставит перед госчиновниками, предпринимателями и общественными деятелями множество новых задач по обеспечению эффективной интеграции в новых условиях. Одна из наиболее значимых групп новых специфических задач сегодня вырывается в рамках новых отношений предпринимательства и делового сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности. Здесь возникают новые проблемы, известные как параллельный импорт и исчерпание прав, которые могут стать краеугольными, если их вовремя нормативно не отрегулировать.

Данной публикацией мы надеемся привлечь внимание к этой межгосударственной проблеме не только высших чиновников, но и

специалистов из разных отраслей экономики, сферы науки и образования стран-членов Таможенного Союза. Объединение усилий разных специалистов обеспечит подготовку более качественного документа, который позволит системно улучшить состояние и перспективы развития инновационной экономики в рамках Таможенного Союза.

На основе данных эскизных набросков специалисты институтов ИНЭС, СОИС и Комитета по интеллектуальной собственности ТПП РФ предлагают разработать и реализовать МГСИС Таможенного Союза. При этом необходимо учитывать, что подобные государственные стратегии уже либо созданы, либо сегодня создаются в государствах-членах Таможенного Союза. Новая межгосударственная стратегия интеллектуальной собственности Таможенного Союза позволит минимизировать число возможных конфликтных ситуаций в ближайшей и далекой перспективах. Однако важно отметить, что мы реально ожидаем существенный рост синергетического эффекта от слияния научно-технических и экономических потенциалов нескольких стран. Это должно стать новым этапом экономической процветания наших стран.

Литература:

1. Руководство по разработке стратегии в области интеллектуальной собственности в странах с переходной экономикой. Версия 1. – Женева, ВОИС, 2010, 22 стр.
2. Леонтьев Б.Б. Комментарий к «Руководству по разработке стратегии в области интеллектуальной собственности в странах с переходной экономикой» ВОИС, часть I. //Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность, № 8, 2010, стр.4-14.
3. Леонтьев Б.Б. Комментарий к «Руководству по разработке стратегии в области интеллектуальной собственности в странах с переходной экономикой» ВОИС, часть II. //Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность, № 9, 2010, стр.4-16.
4. Идрис К. Интеллектуальная собственность – мощный инструмент экономического роста. – Женева, ВОИС, Роспатент, 2005.
5. Леонтьев Б.Б. Институционализация интеллектуальной собственности государства// Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. № 2, 2011 г. стр. 4-16.

Роговая Анастасия Владимировна
кандидат социологических наук, г. Москва
e-mail: av_rogovaya@mail.ru

Проблемы правового нигилизма: конфликтологический анализ

В статье рассматриваются вопросы состояния правовой культуры населения России, проводится конфликтологический анализ общества в условиях нигилистического отношения к закону.

Ключевые слова: *правовой нигилизм, правовая культура, конфликт.*

Правовой нигилизм является одним из основных факторов социальной напряженности в обществе. Главную роль в проявлении правового нигилизма играет не столько дефицит знаний в области законодательства, сколько отсутствие принципа справедливости, равенства перед законом и взаимной ответственности в лице государства и граждан, а также прочной мотивационной основы для правомерного гражданского поведения. Утверждение в сознании граждан правовых норм может приобретать конфликтные формы, неприятие со стороны граждан этих норм, их отрицание и утверждения посредством своего взаимодействия иных правовых норм. В свою очередь игнорирование этой проблемы ведет к снижению ответственности государственных органов власти и управления, отчуждению населения и потере доверия к власти.

В связи с этим возникла необходимость в конфликтологическом анализе общества в условиях нигилистического отношения к закону, в углубленном изучении правовой культуры населения России.

Именно отношение граждан к правовому нигилизму является важнейшим показателем состояния правовой культуры в России. Характерно, что по данным опроса¹ однозначного понятия правового нигилизма респондентами

не дано. Треть опрошенных считает, что правовой нигилизм отражает «неверие в достижение верховенства права, закона в обществе» (36,4% – эксперты; 29,1% – граждане). Для граждан становится важным принцип доверия, поскольку право не только разрешает, но и порождает недоверие, в том числе общественные конфликты. Также под правовым нигилизмом понимается «полное отрицание норм права, роли законодательства» (25,4% – эксперты; 24% – граждане), «незнание своих прав и обязанностей» (19,6% – эксперты; 21,7% – граждане). Далее были отмечены «неуважительное отношение к закону и правопорядку» (соответственно 18,7% и 19,5%; «сознательное игнорирование законов, совершение противоправных действий» (17,2% и 13,8%).

Отсутствие у населения точного понятия «правовой нигилизм» характерно для нынешней ситуации на фоне общей правовой неграмотности. Чем ниже уровень образования граждан, тем больше в их составе тех, кто под правовым нигилизмом понимают «незнание своих прав и обязанностей».

В качестве других высказываний респонденты определяют правовой нигилизм как избирательный подход права, закона к гражданам, к рассматриваемым делам судей. По мнению экспертов, правовой нигилизм – это «расхождение принимающих судами решений и общественных понятий справедливости; нарушение принципа соразмерности преступления и наказания для отдельных категорий», «частая неподкрепленная реализация законов с финансовой стороны».

Помимо этого правовой нигилизм, развивающейся до противоречия, проявляется в столкновении федерального и регионального

¹ В сентябре 2013г. было опрошено 645 респондентов, представляющих семь федеральных округов – ЦФО, СЗФО, ПФО, ЮФО, СКФО, УФО и ДФО. 66,8% опрошенных составляют лица, непосредственно обращавшиеся за правовой помощью в Юридические клиники при РПА Минюста России и региональные отделения ООО Ассоциации юристов России, среди экспертов (33,2%) – представители органов государственной и муниципальной службы, юристы, сотрудники правоохранительных структур.

законодательства, в существовании и действии, наряду с государственным, религиозного права, ведущего к раздвоенности правосознания. Так, респондентами из СКФО отмечаются несоответствие законов ряда субъектов федеральным законам, отсутствие учета местных условий при реализации закона на территориях.

По сути, все перечисленные – это формы выражения правового нигилизма, циничное попрание правовых и нравственных норм, отрицание социальной ценности права по различным причинам, пренебрежение властей к правам человека, деформированное правосознанием правовой культуры и укоренение в ценностном сознании социума, те же коррупция, клановость, кумовство, лоббизм. Неверие массовым сознанием в достижение верховенства права порождает неуважение, игнорирование закона, вплоть до полного отрицания норм права. В свою очередь названные обстоятельства могут привести не только к разрушению социальных отношений на основе права, но и развитию конфликтов.

Правовое поведение граждан России сегодня во многом зависит преимущественно от правовой ситуации в стране. Однако нынешнее состояние и развитие правовой сферы жизнедеятельности в России оставляет желать лучшего. По данным опроса, большинство респондентов отмечают, что нынешняя ситуация состояния и развития правовой сферы жизнедеятельности в России изменились в худшую сторону как по качеству законодательной деятельности, исполнению законов, так и эффективности судебной системы, что во многом обусловлено невыполнением обязательств, взятых на себя государством по обеспечению прав граждан, а также коррумпированностью в правовых и судебных органах.

Почти половина опрошенных отмечают беспокойство в отношении состояния правовой культуры как в России 49,1%, так и в регионе 43,9%, возмущены состоянием правовой культуры в России 20,5% и 22,1% – в регионах. Данная реакция населения является индикатором социальной напряженности и конфликтогенности в обществе. Такое состояние в обществе оказывает существенное влияние на уровень развития правосознания, а это в свою очередь затрудняет формирование социально-правовых отношений.

Спокойствие и уверенность в будущем в отношении состояния правовой культуры в России отмечают 26,6% респондентов, в регионах – 28,8%. Не последнюю роль играет также инерционность мышления части респондентов, что говорит о нехватке у людей правовых знаний,

опыта решения проблем, отсутствии привычки следовать правовым нормам. Несколько радует, что состояние правовой культуры как в России, так и в регионах не безразлично – только 8,6% респондентов указали на безразличие.

Поскольку рост уровня общей правовой культуры является залогом развития правоотношений, повышения правопорядка, особо остро стоит вопрос о создании комплексной системы правового просвещения российских граждан при активном участии органов государственной власти, институтов гражданского общества и широкой сети общественных правозащитных организаций.

Состояние правовой культуры во многом зависит от эффективности деятельности правозащитных организаций, качества предоставления ими юридических услуг (в том числе бесплатных), оказания юридической помощи. Правозащитные организации, являясь проводниками реализации интересов различных групп общества, образцом должного правового поведения, во многом формируют ожидания граждан. Однако правовые способы общения с властью через данные организации сегодня слабо востребованы. Более половины опрошенных дали отрицательную оценку работе правозащитных организаций (35,8% – недостаточно удовлетворены и 16,5% – крайне неудовлетворены), достаточно удовлетворены 21% респондентов и только 3,7% полностью удовлетворены.

При этом даже самые благоприятные изменения характера функционирования правозащитных организаций могут оказаться безрезультативными при доминировании в обществе правового нигилизма массового сознания. Россияне уже привыкли действовать самостоятельно и особо не рассчитывают на помощь и поддержку как со стороны властей, так и общественных организаций.

Необходимо отметить, что уровень правосознания гражданина зависит не только от наличия у него правовых знаний, но и осознания того, что для защиты своих прав и интересов он вправе обратиться за квалифицированной юридической помощью. Вместе с тем, доступность такой помощи для граждан по-прежнему ограничена, особенно это касается социально незащищенных групп. Так, большинство респондентов дали негативную оценку: крайне неудовлетворены услугами правозащитных организаций – 22,6%, недостаточно удовлетворены – 22,1%. В то же время достаточно высокий процент и тех, кто достаточно удовлетворены оказанием услуг – 25,2% и полностью удовлетворены 13,8%.

Отсутствие полной и объективной информации о функционировании государственных органов власти и управления, правоохранительных органов, а также правозащитных организаций, на что указывают более половины опрошенных (52,3%), оказывает воздействие на формирование отношения граждан к этим структурам, порождает неуверенность в ситуации реализации своих прав. Поэтому главной задачей является обеспечение открытости и доступности информации о деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления, информированности о правах граждан на обращение, что будет способствовать укреплению авторитета власти.

Снижение правового нигилизма и развитие правовой культуры в тех слоях населения, которые являются наиболее уязвимыми в социальном плане, должны быть одними из приоритетных направлений в работе правозащитных организаций, юридических клиник. По данным исследования, в первую очередь необходимо адресовать правовую информацию таким группам населения, как пенсионерам, инвалидам, детям-сиротам, а также малоимущим и малообразованным, одиноким матерям и многодетным семьям, рабочим, сельским жителям, молодым специалистам, предпринимателями.

Правосознание российского общества характеризуется двумя противоположными тенденциями. Одна часть граждан понимает важ-

ность и необходимость соблюдения действующего законодательства, что заставляет их приобретать правовые знания, необходимые им в первую очередь для решения личных бытовых, «повседневных», имущественных проблем и проблем, возникших на работе. Вместе с тем, довольно значительная часть населения по-прежнему демонстрирует чрезвычайно низкую правовую культуру: отсутствуют навыки обращения не только в общественные организации или компетентным специалистам, но и в государственные органы власти и правоохранительные органы. Данные исследования свидетельствуют о том, что граждане признают важность соблюдения законов как необходимого условия правового порядка в обществе, при этом если законы будут опираться на нормы морали, нравственности, этики и справедливости.

Таким образом, правовой нигилизм есть закономерное следствие рассогласованности потребностей и интересов, ценностных ориентации и установок, норм и традиций в правовой сфере. Преодоление правового нигилизма, повышение общей и правовой культуры как граждан, так и государственных служащих, чиновников, в определенной мере способствуют развитию законности, выработке ценностно-правовых ориентиров, стимулов для правомерного поведения и взаимодействию институтов гражданского общества с государственными и правоохранительными органами власти.

Русин Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

e-mail: snr1959@mail.ru

Правовые основы взаимодействия органов государственной власти, граждан и общественных объединений при осуществлении экологического контроля (надзора)

В статье исследуются правовые основы организации взаимодействия между органами государственной власти, осуществляющими государственный экологический надзор и гражданами, общественными объединениями, ведущими общественный экологический контроль. Делаются выводы, что при наличии взаимодействия, эффективность как первого, так и второго значительно повышается. Единство коренных экологических интересов общества, бизнеса и государства, наличие общеправовых принципов участия общества в управлении государством и охране окружающей среды позволяет решать вопрос об использовании результатов общественного экологического контроля даже в тех случаях, когда такая обязанность не установлена для органов государственной власти непосредственно.

Ключевые слова: общество, государство, экологический контроль и надзор, взаимодействие, общественные интересы, применение принципов права.

Государственный экологический надзор и общественный экологический контроль, не смотря на то, что Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (далее – Закон)¹ определяет для них различные цели, имеют, на наш взгляд, одну общую конечную цель, вытекающую из определения охраны окружающей среды, содержащегося в статье 1 Закона. В ней закрепляется, что охрана окружающей среды – это деятельность органов власти различного уровня, предприятий и учреждений, общественных объединений и граждан, направленная на:

- сохранение и восстановление природной среды;
- рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов;
- предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

Как практическая деятельность граждан и общественных объединений, связанная с проведением общественного экологического контроля, так и теоретические исследования, приводят к выводу, что при его организации и осуществлении имеют место две основные группы проблем:

1. Допуск на объекты контроля, возможность ознакомиться с документами, технологиями и процессами.
2. Реализация результатов контроля, содержащего данные о нарушении экологического законодательства, экологических прав и интересов граждан.

В современных условиях возможность решения правовыми средствами проблем первой группы оценивается как очень низкая. Государственная политика, а вслед за ней и правовое регулирование, направлены на создание условий и охрану свободы предпринимательской деятельности, снижение административных барьеров, уход от вмешательства государства в дела частного бизнеса. Достижению этих целей служит и проводимая государством административная реформа и Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»². В этой ситуации сложно ожидать,

¹ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». // СЗ РФ, 2002, № 2, ст. 133.

² Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ, 2008, № 52 (часть I) ст. 6249.

что на объекте контроля ждут общественных инспекторов и готовы предоставить им необходимую информацию.

Оценивая возможность решения проблем второй группы, следует заметить, что часть 3 статьи 68 Закона связывает реализацию результатов общественного экологического контроля с обязанностью органов власти рассматривать их в порядке, установленном законодательством. Иных механизмов Закон не предусматривает.

Однако реальная общественно-политическая жизнь свидетельствует о другом. У общества есть и иные механизмы реализации результатов общественного экологического контроля, содержащих данные о нарушении требований по охране окружающей среды, обеспечению экологической безопасности, рациональному использованию природных ресурсов.

И прежде всего – это формирование общественного мнения. Путь долгий, сложный. Пройти его тяжело, но положительные примеры есть. Многие общественные экологические организации действуя последовательно, разнообразно добиваются решения важнейших экологических проблем, обеспечивая защиту общественных интересов и права граждан на благоприятную окружающую среду.

И все же, наиболее эффективным и рациональным путем решения как первой, так и второй проблем, является организация взаимодействия государства и общества при осуществлении экологического контроля (надзора).

Практика наработала разнообразные формы такого взаимодействия: от включения представителей общественности в состав комиссии, проводящей проверку в процессе государственного экологического надзора, до внедрения информационной системы «Общественный контроль», о которой говорил во время своей встречи в декабре 2012 г. с Президентом РФ В.В. Путиным, Министр природных ресурсов и экологии Сергей Донской³.

Но очень часто возникает вопрос: а насколько правомерны такие формы взаимодействия? Допускает ли законодательство, например, включение представителей общественности в состав комиссии, проводящей проверку в процессе государственного экологического надзора, заключение соглашений о сотрудничестве региональных государственных природоохранных

органов с экологическими общественными организациями, принятие решений о приостановлении эксплуатации объектов, загрязняющих природную среду, на основании данных общественного экологического контроля? Связаны подобного рода вопросы с тем, что действующие нормативные правовые акты напрямую такими полномочиями органы, осуществляющие как федеральный, так и региональный экологический контроль, не наделяют.

Подходы к юридической оценке подобных решений и действий очень разнятся: от «что не запрещено, то разрешено», до «что не разрешено, то запрещено». Последняя позиция вполне обоснована, так как речь идет о полномочиях органов государственной власти, а их деятельность может осуществляться исключительно в рамках установленной компетенции.

Поэтому каждый раз, когда возникает вопрос об организации взаимодействия органов власти и общества, о повышении эффективности общественного экологического контроля, звучат предложения о совершенствовании законодательства. Так, например, на состоявшемся 17 декабря 2012 г. в Государственной Думе Федерального Собрания РФ заседании круглого стола по теме «Актуальные вопросы экологического контроля (надзора) в РФ», большинство участников говорило именно об этом.

Такой подход укладывается в современные представления о развитии как всего нашего общества, так и системы правового регулирования. Если говорим о правовом государстве, то тезис: «Больше законов: хороших и разных» воспринимается как безальтернативный путь развития.

Но жизнь показывает, что законов все равно не хватает, что они очень быстро устаревают, не успевая за изменяющимися отношениями. И это свидетельство очевидного факта: создать законодательство, которое охватывало бы регулированием все отношения, все явления, все случаи, все варианты возможного поведения – невозможно! Тем более, что интересы субъектов общественных отношений – разные, иногда – противоположные. Поэтому на каждое более конкретное предписание всегда находится достаточно обоснованный способ его неисполнения. (Действует известный нам закон диалектики: единства и борьбы противоположностей).

Оставив для других исследователей решение вопроса о противоречивости интересов субъектов иных отношений, зададимся им применительно к отношениям по охране окружающей среды. На самом ли деле они различны у ру-

³ См., например: М.И. Васильева. Публичные интересы в экологическом праве. – М.: Изд-во МГУ, 2003, с. 388-422; Справочник общественного экологического инспектора. Москва-Самара, 2013, 64 с.

ководства и сотрудников предприятия, местных жителей, органов власти, общественных организаций? Уверен, что нет! По крайней мере если речь идет не о сиюминутных интересах того или иного бизнеса, чиновника, а о коренных экологических интересах. А это означает, что именно в экологической сфере (в том числе при осуществлении экологического контроля (надзора) отсутствие сверхподробного правового регулирования не может служить препятствием для реализации целей и задач охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности.

Как и при каких условиях этот тезис может быть реализован в процессе взаимодействия органов государственной и муниципальной власти и общества?

Основываясь на том, что решается общая задача охраны окружающей среды, в Конституции РФ закреплены основы участия граждан в управлении государством, в статьях 11, 12, 13, 63 Закона сформулированы правомочия граждан и обязанности органов власти в этой сфере, последние могут (и обязаны) принимать все меры по развитию общественного экологического контроля и эффективному использованию его результатов.

В тех случаях, когда их полномочия (положения об органах, регламенты осуществления государственных функций и оказания государственных услуг) напрямую не предусматривают возможность использования результатов общественного экологического контроля, форм взаимодействия с гражданами и общественными объединениями, подлежат применению правовые принципы государственного управления: народовластие, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, демократизм и публичность⁴.

Условием реализации такого подхода является наличие развитого экологического сознания (правосознания), которое не может возник-

нуть на пустом месте. Его формирование – главная задача общества, государства и права.

Таким образом, международные договоры РФ, Конституция РФ, федеральные законы создают достаточно полную систему правовых норм, регулирующих участие граждан в охране окружающей среды (в том числе, путем осуществления общественного экологического контроля). Они могут и должны использоваться органами власти и общественными объединениями граждан для организации взаимодействия с целью повышения эффективности как государственного экологического надзора, так и общественного экологического контроля.

Литература:

3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». // СЗ РФ, 2002, № 2, ст. 133.
4. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ, 2008, № 52 (часть I) ст. 6249.
5. См., например: М.И. Васильева. Публичные интересы в экологическом праве. – М. : Изд-во МГУ, 2003, с. 388-422; Справочник общественного экологического инспектора. Москва-Самара, 2013, 64 с.
6. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил, что права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. // Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Рос. газ. – 2003. – 2 декабря.

⁴ Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил, что права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. // Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Рос. газ. – 2003. – 2 декабря.

Карцхия Александр Амиранович,
кандидат юридических наук, профессор,
г. Москва
e-mail: arhz50@mail.ru

Исключительное право – стимул или препятствие для инноваций?

В статье анализируется значение исключительного права для развития инноваций с точки зрения его вовлечения в гражданский оборот. Рассматриваются концепции оценки эффективности правовой конструкции исключительного права.

Ключевые слова: *исключительное право, интеллектуальная собственность, граждански оборот прав исключительных прав.*

С точки зрения теории стимулов предоставление исключительных прав на авторские произведения, изобретения, товарные знаки и другие объекты интеллектуальной собственности стимулирует инновационное развитие, способствует креативной активности авторов, изобретателей, создателей новых интеллектуальных продуктов. Предполагается, что в отсутствие законодательного закрепления исключительного права на охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности, который обеспечивает правообладателям получение дохода от применения инноваций и компенсацию инвестированных в новые исследования и разработки финансовых средств, материальных и трудовых ресурсов, приведет к сокращению предложения новой высокотехнологичной продукции, минимизирует стимулы к созданию новаторских решений и передовых результатов интеллектуальной деятельности.

Существенным стимулом для технических инноваций служит правовая монополия на использование результатов интеллектуальной деятельности, которая основана на системе патентной защиты исключительного права правообладателя. Исключительное право основано на запрете всем лицам эксплуатировать, продавать или предлагать к продаже, иным образом вводить в гражданский оборот патентованное изобретение, полезную модель или промышленный образец без согласия правообладателя и выплаты соразмерного вознаграждения. Такое

исходное значение исключительного права содержится, и в зарубежном, и в российском праве (ст.1229 ГК РФ).

Патент как стимул инноваций

Существует несколько теорий на базе постулата применения системы патентования для стимулирования инноваций и изобретательства, обосновывающих необходимость предоставления патентовладельцу исключительного права [1]. Теория стимулирования изобретательской деятельности (the incentive to invent theory) исходит из того, что без выдачи патента и предоставления на его основе защиты патентных прав изобретатель не имеет заинтересованности в существенных инвестициях в изобретательскую деятельность. Но изобретательская деятельность может потребовать больших материальных и трудовых вложений в процессе ее осуществления и регистрации заявки на патент при невысоких доходах от реализации патента. При этом могут рассматриваться иные стимулирующие такую деятельность инструменты: финансовые субсидии, налоговые льготы, которые могут быть более эффективными чем система патентования изобретений.

Теория договора (disclose theory) или «теория сделки», постулирует, что обладатель патента в обмен на раскрытие сути своего изобретения при патентовании, получает от государства исключительное право на его эксплуатацию. При этом раскрытие сути изобретения

во многих правовых национальных патентных системах происходит в сроки от 1 года до 3 лет с момента подачи заявки на патент. Эта теория исходит из того, что без патентной защиты новатор не может получить доходы, скрыв свое новое изобретение, которое необходимо для практического применения. Хотя далеко не всегда это применимо, скажем, для патентования объектов дизайна. Кроме того, раскрытие сути патентованного объекта не всегда означает действительное раскрытие сути технической новации. Для изобретателя стимулом к обнародованию своего инновационного решения может являться само общественное признание его изобретения или иные моральные стимулы, не в меньшей степени, чем денежное вознаграждение.

Теория обходных разработок (*design around theory*) предполагает, что патент стимулирует создание более прогрессивных инноваций, которые могут быть получены без нарушения существующих патентных прав, т.е. в обход запатентованных изобретений. В этом случае стимулируется создание нового более производительного, дешевого или обладающего существенно новыми качествами или снижающего побочные негативные эффекты поколения продукта или способа (технологии), нового объекта дизайна.

Теория перспективы (*prospect theory*) сосредотачивается на стимулировании не столько самого процесса инноваций или инвестированию в инновации, сколько на рациональном и широком использовании результата инновации, его коммерциализации, который может организовать владелец патента. Выдача патента стимулирует венчурный капитал, рекламодателей, разработчиков и продавцов новой продукции к активному применению запатентованного решения, кроме того, патентование избавляет патентовладельца от опасений нелегального копирования и использования его инновации и вынудит получать патент для продажи или предоставления лицензии.

Как отмечается в недавнем совместном заявлении трех ведущих ведомств США [2], патентная система способствует инновациям и экономическому росту посредством предоставления стимулов для изобретателей использовать свои знания, принимать риски и инвестировать в новые исследования и разработки, а также путем публикации патентов, чтобы раскрытые знания могли быть использованы другими для дальнейших инноваций. Эти усилия, в свою очередь, приносят благо обществу в целом, спо-

собствуя распространению знаний и предоставлению новых и ценных технологий, снижению цен, улучшению качества и расширению потребительского выбора.

Вместе с тем, необходимо учесть, что большие финансовые, интеллектуальные и материальные затраты в процессе исследований, разработок и патентования инноваций, приводят к поиску других, альтернативных патенту (исключительному праву на запатентованные объекты) способам стимулирования [1]. К ним можно отнести финансовые субсидии, гранты, налоговые льготы, репутационные поощрения и другие факторы, которые могут быть значительно менее затратными (по срокам и размерам финансовых вложений) нежели громоздкий и дорогой механизм патентной системы. В США, к примеру, средний срок патентования изобретения составляет 3 года с даты подачи заявки до выдачи патента. В то же время, увеличение числа патентуемых изобретений, повышение накала конкурентной борьбы приводит в большинстве случаев не к созданию кардинально новых технологий или устройств, а к росту числа технических улучшений или модификаций уже существующих и запатентованных технических решений. В этом может скрываться стремление правообладателей патентов к получению максимального дохода, поскольку инновационный продукт нового поколения может быть дешевле, проще и технологичнее. В этом случае, патентная монополия уже не стимулирует научно-техническое развитие, а служит тормозом. Эта тенденция проявляется, скажем, так называемых «патентных чащ», блокирующих техническое развитие в том или ином сегменте производства или рынка.

Исключительное право и конкуренция

Существует и противоположная точка зрения. Либеральная теория Ф. Хайека (*Friedrich Hayek*) [3] Нобелевского лауреата по экономике (1974г.) исходит из того, что сам свободный рынок, общая конкурентная среда создает стимулы к инновационному развитию, а предоставление законом даже на ограниченное время исключительных прав отдельным личностям или группам, включая исключительные права на патенты, авторские произведения, или иные результаты интеллектуальной деятельности, установление привилегированного положения, какой-либо иной монополии могут служить се-

решным препятствием в развитии знаний и поиске новых решений.

Один из лидеров Чикагской школы экономики Фрэнк Найт (Frank Knight), видел поощрение предпринимательства в качестве главного принципа предпринимательской экономики. По мнению Ф. Найта [4], изобретения и технические усовершенствования иных видов, являются они патентоспособными или нет, на самом деле являются частной собственностью в соответствии с законами современных промышленно развитых стран (по крайней мере для целей экономического анализа) причем до тех пор, пока создатель инновации в состоянии получать доход от этой инновации сверх того вознаграждения, которые получают производители от введения инновации в экономический оборот.

Все три автора (Шумпетер, Хайек, Найт) видели в динамичном процессе принятия рискованных решений (т.е. предпринимательстве и инновациях) главную силу свободного рынка и понимали, что это явление выходит за рамки технологических достижений, которые могли бы быть получены в тиши кабинетов. Инновация рассматривается как широкая, охватывающая все формы риска и предпринимательства деятельность, от новых технологий для организации нового бизнеса до детальных повседневных бизнес-решений.

В противоположность теории частно-правовой монополии на объекты интеллектуальной собственности взгляды некоторых современных исследователей [5], основанные на концепции всеобщего достояния («commons»), исходят из того, что культурные и природные ресурсы должны быть доступны всем членам общества, включая такие природные ресурсы как воздух, вода, леса, земля, которые принадлежат всем и не могут находиться в частной собственности. К числу всеобщего достояния относятся, в том числе, интеллектуальные достижения («intellectual commons»), т.е. результаты творческой деятельности в различных сферах интеллектуального труда человека: литература, живопись, музыка, телевидение и радио, информация и программные продукты, культурное наследие.

Определяя права интеллектуальной собственности как частные (исключительные) права, обладающие определенной ценностью и вкладом в общественное развитие (значением для общества), нельзя, тем не менее, отвергать их значения как всеобщего достояния.

В этом отношении примечательна концепция «глобальных общественных благ» («global

public goods»), предполагающая свободный доступ каждого к результатам творческого труда и их принадлежность всему международному сообществу как непереносимое условие развития всего человечества.

По мнению ряда зарубежных исследователей [6], право интеллектуальной собственности представляет собой совокупность прав, защищаемых нормами закона (statute), нормами деликтного права (tort law) или нормами общего (прецедентного) права (equity law). Право интеллектуальной собственности формируется из трех частей. Первая – патенты на изобретения и конфиденциальная информация (trade secrets), защищаемая нормами закона, не допускающими их использование третьими лицами. Вторая – авторские права (copyright), дизайн и личные (моральные) права авторов, защищающие формы выражения авторских идей. И третья включает нормы о защите деловой репутации или имиджа с помощью норм о деликте или регистрации товарного знака. Коммерческая эксплуатация творческой идеи как продукта, процесса, услуги или публичное представление авторского произведения влечет определенной компенсации, репутации и возможной прибыли. Если же успех идеи сомнителен – это повлечет финансовые риски. Риски незаконного использования (имитации) товарного знака или качественные характеристики продукта, содержащего права IP, подрывающие коммерческую или творческую репутацию автора или правообладателя, значительно снижаются за счет установление правовой охраны и защиты инноваций нормами права. Общепринятой правовой базой служит концепция исключительных имущественных прав (exclusive proprietary rights), признаваемой во всем мире.

Как отмечается сторонниками этой теории [6, с.2-5], интеллектуальная собственность (intellectual property) выступает как разновидность собственности: она может переходить в порядке правопреемства, использоваться по лицензионным договорам, передаваться в залог и наследоваться. Обладатели прав интеллектуальной собственности (intellectual property rights owners) имеют естественное право (natural right) на созданный ими творческий результат (creation) и право на получение вознаграждения. Общество также имеет право на доступ и использование интеллектуальной собственности, особенно если это является передовым с точки зрения образования, технологических достижений, медицинских новаций как всеобщее достояние (public

domain). Потребители имеют право на поддержание справедливой конкуренции. Невозможно дать общее понятие прав интеллектуальной собственности, поскольку право интеллектуальной собственности представляет собой целый пакет разнообразных прав (bundle of rights), направленных на соблюдение баланса конкурирующих интересов применительно к различным объектам ИР. В большинстве своем право интеллектуальной собственности – это писаные нормы права (законы). Патент – это монополия, предоставляемая государственным патентным ведомством на патентоспособное изобретение на определенный срок. Патент предоставляет защиту правообладателю от независимого изобретателя, который создал, обладает или использует такое же изобретение.

Свободное перемещение товаров, компаний, услуг и капитала, дальнейшая экономическая интеграция стран, также как и поддержание справедливой конкуренции требует баланса исключительных прав и монопольных прав интеллектуальной собственности с принципами свободной торговли.

Исключительное право, имея ограничения по сроку и территории действия, тем не менее, обладает монопольным характером, обеспечивая защиту интересов правообладателей от конкуренции посредством несанкционированного копирования и запрещающее использование продукта или процесса всем третьим лицам и может служить препятствием открытой конкуренции.

Более того, обладая правовой защитой в одной стране, права интеллектуальной собственности могут нарушать аналогичные права на объекты интеллектуальной собственности при перемещении в другую страну, в условиях трансграничной торговли. Ограничение исключительных прав, основанное на принципе исчерпания прав либо на доктрине «первой продажи» (first sale doctrine), позволяет решить эту проблему и применяется в национальных правовых системах. В настоящее время, принцип исключительности имущественных прав интеллектуальной собственности все больше подвергается ограничениям в пользу более широкого их использования с учетом общественных интересов и интересов других участников торгово-экономических отношений.

Появление новых сфер коммерческого оборота с участием прав интеллектуальной собственности и новых форм интеллектуальных продуктов (ИТ-коммуникации, биотехнологии, геномная инженерия и др.) ставит вопрос о рас-

ширении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и защите прав на них на основе правовой конструкции исключительного права. Этот процесс сопровождается усилением «коммерциализации» результатов научно-технических и иных инновационных разработок, стремлением правообладателей сохранить монопольные преимущества, предоставляемые исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности или получить абсолютную защиту своих прав по принципу экстерриториальности. Противоположная тенденция связана с получением широкого доступа к интеллектуальным и техническим новациям и ограничению исключительных прав.

Инновации и злоупотребление исключительным правом

Пределы осуществления интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, также как и проблемы, связанные со злоупотреблением этими правами, приобретают особую актуальность с возрастающей интенсивностью их использования в конкурентной рыночной экономике.

В российском праве заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав определяется как злоупотребление субъективным гражданским правом, которое может выражаться в осуществлении гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действиях в обход закона, а также ином заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав п.1 ст.10 ГК РФ). Иными словами, заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав как злоупотребление субъективным правом рассматривается в качестве вида нарушения пределов осуществления гражданских прав, влекущего определенные правовые последствия, в частности отказ в защите судом принадлежащего лицу субъективного гражданского права, либо принятие судом иных предусмотренных законом мер.

Концепция злоупотребления правом, выработанная отечественными учеными-цивиристами, усматривает такое злоупотребление в нарушении пределов осуществления субъективного гражданского права.

К злоупотреблению исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности относится, к примеру, отказ патентообла-

теля от заключения с заинтересованным лицом лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике, в случае выдачи принудительной лицензии по решению суда. Злоупотребление исключительным правом влечет применение конкретных мер, предусмотренных законом, например, выдача на основании решения суда в установленных законом случаях принудительной лицензии на использование изобретения или промышленного образца (ст.1362 ГК РФ).

Предоставление правовой охраны товарному знаку в течение всего срока его действия может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично, если связанные с государственной регистрацией товарного знака действия правообладателя признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией (п.2 (б) ст.1512 ГК РФ).

В российской правоприменительной практике имеются примеры правовой квалификации действий по злоупотреблению исключительными правами. В обобщении судебной практики Высший арбитражный суд РФ указал, что суд на основании положений статьи 10 ГК РФ вправе по собственной инициативе, исходя из имеющихся фактических обстоятельств, признать действия лица по регистрации товарного знака и приобретению исключительного права злоупотреблением правом в случае если регистрация товарного знака на имя другой компании вводит потребителей в заблуждение. В частности, если это противоречит требованиям статьи 10 *bis* Парижской конвенции по охране промышленной собственности, запрещающей «все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смещение в отношении предприятия, продуктов, промышленной или торговой деятельности конкурента, а также ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности предприятия» [7]. Данные действия расцениваются как акт недобросовестной конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах.

Встречаются и иные формы заведомо недобросовестных действий правообладателей. Например, лицензиат в нарушение условий лицензионного договора, использует изобретение способом, не предусмотренным этим договором, т.е. вне пределов предоставленного договором права использования. Актом недобросовестной конкуренции и злоупотреблением правом со-

гласно ст.10 ГК РФ признаются действия компании-ответчика, вводящие в заблуждение потребителя относительно известного производителя товара, по приобретению исключительного права на товарный знак, тождественный ранее зарегистрированному товарному знаку и фирменному наименованию другой компании-производителя (истца). На этом основании признается недействительным решение Роспатента как нарушающее действующее законодательство и права компании-истца, Роспатент обязан аннулировать регистрацию товарного знака компании-ответчика [7].

При этом нужно учитывать, что Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции», устанавливающий в ст.10 запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением, не распространяет этот запрет на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. Также как и запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов (ст.11) не распространяется на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. Однако антимонопольный закон запрещает недобросовестную конкуренцию, выражающуюся в продаже, обмене или ином введении в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг. Также не допускается недобросовестная конкуренция, связанная с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг (ст.14).

В этом смысле принцип добросовестности приобретает непосредственное практическое значение применительно к исключительным правам, сохраняющим свои монопольные черты даже в условиях действия антимонопольных законов.

С точки зрения конкуренции злоупотребление исключительным правом может выражаться и в иных формах. Передача исклю-

чительных прав на основе лицензионных договоров в целях компенсации реальных затрат новаторов отличается от более сомнительных сделок с участием так называемых «патентных троллей», т.е. организаций-патентообладателей, практикующих предъявление требований к возможным нарушителям патентных прав под угрозой взыскания больших сумм компенсаций за причиненный ущерб. В случае понуждения с приобретением патента или лицензированию такие действия могут быть расценены как шантаж (blackmail) со стороны патентообладателя [8].

Тем не менее, практика бизнес-моделей, построенных исключительно на торговле патентами на вторичном рынке или выдаче лицензий получила широкое распространение. Примером может служить известная американская компания Rambus Inc., обладающая портфелем первоклассных патентов и успешно выстраивающая свой бизнес на выдаче лицензий на их использование в высокотехнологичных областях (IT технология, модули оперативной памяти компьютеров высокой производительности RIMM).

Злоупотребление правом может найти свое выражение в совершенно неожиданных ситуациях. Достаточно интересен совсем недавний пример. Решением президента США Барака Обамы был отменен запрет (exclusion order) Комиссии по международной торговле США (ITC) от 4 июня 2013 года на импорт в страну некоторых модификаций iPhone 4 и iPad 2 по выигранному патентному иску Samsung к Apple, что произошло впервые с 1987 года [9]. Запрет Комиссии по международной торговле США был основан на Законе о тарифах (Tariff Act, 1930) на импорт товаров в США, который применяется как законное средство защиты прав интеллектуальной собственности, например, в случае невозможности (отказа потенциального лицензиата) применения лицензионного соглашения на условиях F/RAND или вне рамок достигнутого соглашения на этих условиях. Такие действия рассматриваются как нарушение патентных прав правообладателя на вознаграждение.

Как заявил Торговый представитель США М.Форман, исполнение судебного решения дало бы обладателям патентов «неподобающее влияние» (“undue leverage”) и несет потенциальную угрозу потребителям и условиям конкуренции в США, а действия компании Samsung (патентообладатель) являются злоупотреблением патентными правами [9]. На фоне роста патентных исков в США на 30% в 2012 году это решение, по

оценкам The Wall Street Journal, может снизить накал «патентных войн» и ограничить аппетиты правообладателей патентов. Тем не менее, реакция на это решение неоднозначна, а власти Южной Кореи высказали озабоченность решением Администрации США.

Правовой аспект возникшей в данном примере проблемы связан с применением правовой доктрины «fair use», применяемой в судебной практике США, в законодательстве которых в отличие от европейских стран (включая Россию), не закреплено право на получение в судебном порядке принудительной лицензии на использование исключительного права. Суд может принять решение о выдаче принудительной лицензии в отношении патентов на имеющие существенное значение цифровые технологии (standards-essential patents – “SEP”), без использования которых не возможно изготовление или практическое применение многих высокотехнологичных товаров (смартфонов, миникомпьютеров и др.) для нужд потребителя. Использование таких патентов должно осуществляться на основе добровольного согласия патентовладельца на заключение лицензионного соглашения на справедливых, обоснованных и не дискриминационных условиях (fair, reasonable and non-discriminatory – FRAND).

Своеобразная коллизия публичных и частных интересов в рассматриваемом нами примере послужила появлению новых подходов в сфере охраны патентных прав.

Новый доктринальный подход предполагает отказ (процессуальное приостановление действия) применения исключительного права («standards estoppel») патентообладателя ввиду необходимости широкого использования и внедрения в цифровых технологиях и Интернете ключевых (существенных) патентованных решений (SEP) в общественно значимых областях, т.е. предоставление процессуального иммунитета от нарушения патентных прав, лицам использующим SEP. Новая правовая конструкция, опирающаяся на принципы общего права (common law), по мнению ее авторов [10], позволит пополнить современными правовыми средствами для решения проблем патентного права в отношении нарушений условий или отказа от лицензионных соглашений, злоупотребление патентом или нарушение правил конкуренции. Новое дополнение к патентной доктрине способно более эффективно оградить от риска получения необоснованного преимущества и ускорит

инновации, особенно в информационно-коммуникационной сфере.

Новый подход в отношении распространения новых технологий и их применения в качестве стандартизированной основы современных технологических процессов заключается в следующем. Использование технологически существенно важных стандартов сопряжено с доступом к критически важным новым технологиям, права на которые сосредоточены в руках патентообладателя и требуют его согласия в случае широкого коммерческого использования другими производителями или торговыми агентами.

В этих случаях предлагается расширить права специализированных организаций по стандартизации (standard-setting organizations -SSO), которые могут решать вопрос о доступности такого стандарта («открытости» или «закрытости») для других производителей, т.е. передаче права распоряжения патентом на критически важные технологии в руки SSO [11].

Эффективность ограниченной частно-правовой монополии правообладателей, основанной на исключительном праве, с точки зрения стимулирования инноваций необходимо рассматривать в аспекте предпринимательской деятельности. Права интеллектуальной собственности все больше оцениваются как нематериальные активы, обладающие товарной стоимостью и коммерческой ценностью. Использование исключительных прав в гражданском обороте самостоятельно (при продаже патентов, товарных знаков, заключение лицензионных договоров) или в составе товарного продукта, потребительская и меновая стоимость которого формируется, в том числе, на основе прав на результаты интеллектуальной деятельности, предполагает развитие правового механизма товарного оборота исключительных (имущественных) прав. При сохранении стимулов к инновациям для правообладателей интеллектуальной собственности и поощрении конкуренции охраняемые законом права на результаты интеллектуальной деятельности не должны быть препятствием инновационному развитию.

Литература:

1. Wendy J. Gordon. Intellectual Property. The Oxford Handbook of Legal Studies, Peter Cane and Mark Tushnet, eds., Oxford University Press, 2003. С.631-633
2. The U.S. Department of Justice, Antitrust Division (DOJ), and the U.S. Patent & Trademark Office (USPTO), an agency of the U.S. Department of Commerce. POLICY STATEMENT ON REMEDIES FOR STANDARDS-ESSENTIAL PATENTS SUBJECT TO VOLUNTARY F/RAND COMMITMENTS. January 8, 2013. <http://www.justice.gov/atr/public/guidelines/290994.pdf>
3. Hayek F. A. The Constitution of Liberty: The Definitive Edition 2011. The University of Chicago Press. стр.88 и др. <http://books.google.ru/>
4. Frank H. Knight. Risk, Uncertainty, and Profit. Sentry Press. 1964 (переиздание 1921г.).
5. Подробнее см.: Peter Drahos. A Philosophy of Intellectual Property. Dartmouth, USA. 1996. Reprinted 2001; Stephan Kinsella. Against Intellectual Property. Journal of Libertarian Studies. Volume 15, no. 2 (Spring 2001) Ludwig von Mises Institute. Источник: www.mises.org
6. Catherine Colston, Jonathan Galloway. Modern Intellectual Property Law. 3-d edition. Taylor & Francis Library. 2010 с.2-4
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. N 2.
8. Подробнее см.: Robert P. Merges. The Trouble with Trolls: Innovation, Rent-Seeking and Patent Law Reform (March 2, 2010). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1960805>
9. Obama Administration Vetoes Ban on Sale of Some Apple iPhones, iPads. The Wall Street Journal, August 4, 2013. <http://online.wsj.com/>
10. Robert P. Merges, Jeffrey M. Kuhn. An Estoppel Doctrine for Patented Standards (March 1, 2008). California Law Review, Vol. 97, No. 1, 2009. <http://ssrn.com/abstract=1134000>
11. Lemley, Mark A. Ex Ante Versus Ex Post Justifications for Intellectual Property (February 2, 2011). University Chicago Law Review, Vol. 71, p. 129, 2004; UC Berkeley Public Law Research Paper No. 144. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.494424>.

Некрасова Татьяна Алексеевна

г. Москва

e-mail: satine-paris@bk.ru

Коррупционная преступность в коммерческих организациях как объект криминологического исследования

В статье рассматриваются тенденции определения объекта криминологических исследований в области коррупции в российских и зарубежных исследованиях. Выделяется закономерность большего изучения проблем коррупционных проявлений в публично-правовой сфере и дефицита внимания «частной» коррупции.

В ходе исследования устанавливаются взаимосвязи различных видов преступности: коррупционной, экономической, должностной и корпоративной —, собирательные свойства которых образуют отдельный подвид коррупционной преступности — коррупционная преступность в коммерческих организациях.

Ключевые слова: *коррупция, государственные закупки, риск.*

Объектом криминологического исследования является та область социальной действительности, которая содержит социальное противоречие и порождает проблемную ситуацию [1]. Выделяя такую область, определяются те общественные отношения и сфера жизнедеятельности человека, которые будут подлежать изучению в рамках проводимого исследования.

Обзор учебной и научной литературы в области криминологии позволяет выделить ряд подходов, сложившихся в области изучения коррупционной преступности.

Во-первых, не все авторы выделяют коррупционную преступность в отдельный вид преступности. Так, М.П. Клейменов не предлагает характеристику коррупционной преступности, но в рамках описания преступности экономической отмечает, что «коррупция выступает элементом беловоротничковой преступности, но спорно отнесение ее к преступности экономической» [2].

В свою очередь Я.И. Гилинский раскрывает сущность преступности «белых воротничков» и относит туда коррупционную преступность, но в то же время подразумевает исключительно публично-правовую сферу, не вкладывает в понятие беловоротничковой преступности преступления, предусмотренные Гл. 23 Уголовного кодекса РФ [3].

Другие специалисты рассматривают коррупционную преступность в связи с должност-

ной. Такая позиция представляется верной в аргументах о том, что коррупционная преступность «охватывает лишь те должностные преступления, совершение которых обуславливается подкупом должностных лиц... и соотношение этих видов преступности может быть представлено в виде частично накладывающихся друг на друга кругов» [4].

А вот Г.А. Аванесов придерживается мнения, что коррупционная преступность — это вид корыстной преступности [5].

Другой распространенный подход прослеживается у ряда отечественных авторов и состоит в том, что коррупционная преступность выделяется в отдельный вид преступности, но на подвиды она не подразделяется. Например, это можно увидеть в работе Ю.М. Антоняна, который указывает, что преступления главы 23 УК РФ относятся к коррупционной преступности, но не образуют отдельный подвид данной преступности [6].

Между тем, существующие определения понятия коррупции во взаимосвязанных деяниях подкупа и продажности [7], [8], предоставляют возможность рассматривать их в широких сферах криминальной действительности, выходящих за рамки общественных отношений, охраняемых уголовным законом в соответствии с архитектурой и главами УК РФ.

В то же время, нужно отметить, что в учебном пособии по криминологии под редакцией Н.Ф. Кузнецовой [9] коррупционная преступность хоть и называется взяточничеством, но к ней относятся преступления главы 23 УК РФ. При этом выделяются уровни преступности рассматриваемого вида (например, в государственном управлении, медицине и проч.), но, к сожалению, коррупционные криминальные проявления коррупции в частноправовой сфере не выделяются.

Профессор В.В. Лунеев представляет иную структуру соотношения коррупционной преступности: «экономические преступления являются исключительно значимой частью корыстной преступности. Аналогично положение коррупции в структуре экономических деяний» [10]. При этом автор не ограничивается криминализированными деяниями коррупции в публично-правовой сфере, и отмечает те ее проявления, которые продуцируются в частноправовой сфере. К последним относятся: скрытые взносы на политические цели, на выборы с последующей расплатой государственными должностями или использованием лобби, тайное проведение приватизации, акционирования и залоговых аукционов, переход отставных государственных должностных лиц на должности президентов банков и корпораций, коррупция за рубежом при заключении внешнеэкономических контрактов [11].

Таким образом, очевидным становится криминологически значимый феномен генезиса коррупционных проявлений, которые традиционно являются объектом криминологического исследования и рассматриваются в контексте уголовно-наказуемых деяний. В данном случае речь идет о коррупционных преступлениях, уже предусмотренных главой 30 УК РФ, в генезисе которых самую активную роль играют коррупционные проявления, продуцируемые в частноправовой сфере. Это положение, как представляется, не учитывается при анализе коррупционной преступности в качестве объекта криминологического исследования.

Таким образом, тривиальное рассмотрение коррупции только в публично-правовой сфере обуславливает узкие границы исследования, которые не позволяют видеть всего возможного многообразия ее криминологически значимых характеристик (генезиса ее форм и видов, и соответствующих им потенциальных мер предупреждения).

При ином подходе познания, вне рамок юридико-догматических категорий (позволяющих рассматривать коррупцию в публичной и частноправовой сферах, в контексте деяний ее субъектов

и т.д.), коррупционная преступность представляется совсем в ином содержании. Однако для реализации этого подхода потребуется условно выделить подвид коррупционной преступности – «частной коррупции», который, как отмечалось выше, выступает генератором собственных проявлений, и донором для коррупционных преступлений, совершаемых в публично-правовой сфере.

Такой подход позволит преодолеть сложившиеся стереотипы узких подходов к изучению коррупционных криминальных проявлений, в том числе в разрезе составной части должностной и экономической преступности.

Реализация этого подхода требует пока еще гипотетического выделения в настоящей части исследования «частной коррупции» как подвида коррупционной преступности.

В некоторых изученных выше работах данный подвид заложен в суть коррупционной преступности, но не нашел своего подробного изложения. Важно отметить, что такой подход характерен для зарубежных исследователей коррупции. Можно встретить следующую точку зрения: «научный мир США выделяет такие виды коррупции, как политическая, полицейская и корпоративная» [12]. Это мнение подкрепляется анализом трудов известных американских ученых (таких как Майкл Л.Бенсон, Франкус Т.Гуллен, Маршалл В.Клиnard, Питер С.Егер, Эдвин Х., которые под *корпоративной коррупцией* понимают ее проявления в сфере бизнеса, тесно связанные с государственными органами власти и управления [13]. Исходя из такого подхода, понятие корпоративной коррупции обладает свойствами категории, подлежащей самостоятельному исследованию.

При этом важно отметить, что такое обладание происходит несмотря на то, что в законодательстве и уголовно-правовой доктрине США принято различать четыре основные формы этого преступления [14]:

1. взяточничество, посягающее на деятельность публичной администрации;
2. *коммерческое взяточничество*;
3. взяточничество, связанное с деятельностью профсоюзов;
4. взяточничество в области спорта.
5. Таким образом, и криминологами, и представителями материального уголовного права определяется специфика коррупции в частноправовой сфере.
6. При этом в законодательстве США коммерческое взяточничество «трактует» как разновидность мошенничества

(одной из форм) в области частного бизнеса». В связи с таким толкованием возникают некоторые сложности в отличии «мошенничества как традиционного общеуголовного посягательства против собственности и как одного из преступлений «белых воротничков» [15].

В доктринальном научно-обоснованном содержании, закономерности развития коррупционной преступности в России, не могут иметь иных, отличительных от США тенденций.

Следует напомнить, что смена экономической формации в России ознаменовала активизацию свободной, а порой и разнузданной, с точки зрения криминальной подверженности коммерческой деятельности. В такой крайне неблагоприятной ситуации, проблемы «беловоротничковой» и корпоративной преступности не стали исключением в общей отечественной картине изменения криминогенных явлений. Такие изменения, как представляется, не были уловлены законодателем. Здесь можно даже вести речь о проблемах криминологической обусловленности законодательства, регулирующего вопросы уголовно-правовой охраны широкого спектра общественных отношений от коррупционных проявлений. Нормы об уголовной ответственности за коррупционные преступления, автоматически, с весьма несущественными изменениями и дополнениями с точки зрения их адекватности, появившимся криминальным коррупционным деяниям, перекочевали из предыдущего УК РФ (1961).

В этой ситуации произошло размывание однородного объекта для возможного криминологического его исследования. В частности, исходя из категорий уголовного закона, можно

выделить только должностную преступность, коррупционную и экономическую. При этом без внимания остается синергия отдельных их проявлений, образующих еще один вид преступности – корпоративной.

Как отмечается в ряде работ, этот вид преступности прежде всего представлен корпоративным мошенничеством [16], которое в международной правовой доктрине рассматривается как проявление коррупции [17]. Между тем, это не единственный аргумент определения корпоративной преступности в близости к коррупционной. Важнейший элемент корпоративной преступности, окрашенной в коррупционную, заключается в возможности совершения преступлений при помощи, от имени или в интересах коммерческой организации.

В этой связи, можно отмечать взаимообусловленность коррупционных и корпоративных преступлений, ровно в том же значении, которое предлагалось в 1990-е годы отечественными криминологами в разрезе соотношения коррупционной и должностной, а также экономической преступности. Отличие заключается лишь в том, что корпоративная преступность сливается с проявлением должностной, экономической и коррупционной преступности, которые находят свое выражение (совершение) в частноправовой сфере.

При таком понимании, собирательные свойства четырех названных видов преступности, образуют отдельный подвид преступности – коррупционной в коммерческих организациях. В образно-схематическом выражении эффект такого преобразования можно представить в формуле «ромашки» (см. схему 1).

Схема 1

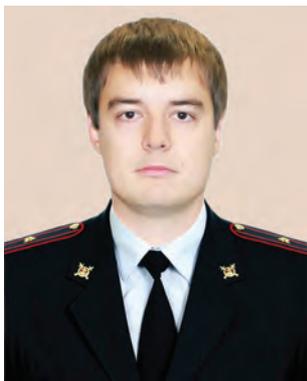

Выделение коррупционной преступности в коммерческих организациях предопределяет внимание к ней как к самостоятельному объекту криминологического познания. Такой подход не преследует праздная цель получения теоретических выводов. Изучение «частной коррупции», совершаемой в коммерческих организациях, имеет практическую потребность. Таковая заключена в выявлении специфических свойств и закономерностей развития состояния выделяемого нового вида преступности, установлении процессов детерминации и причинности, изучении личности преступника и жертв уголовно-наказуемых и околокриминальных коррупционных проявлений. Особо важным аспектом, который позволяет аргументировать необходимость выделения «частной коррупции» в качестве самостоятельного вида преступности, является потребность в разработке и предложении таких мер ее предупреждения, которые адекватны и криминологически обусловлены действительным и реальным ее проявлениям.

Литература:

1. Григорян В.А. Криминологическое исследование: понятие и процедура проведения // Lex Russica. Том LXVI. 2007. №1. С. 169.
2. Криминология: учебник / М.П. Клейменов.- М. : Норма, 2008. С. 392-393.
3. Криминология. Курс лекций – СПб. : Питер, 2002. С. 227.
4. См. подробнее: Криминология : учебник для вузов/ А.Ф. Агапов, Л.В. Барина, В.Г. Гриб и др.; под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. 528 с.
5. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» [Г.А. Аванесов и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 575.
6. Криминология: учебник для бакалавров / Ю.М. Антонян. – М. : Издательство Юрайт, 2012. С. 328.
7. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: Инфра – М, 2010. С. 803.
8. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова.- 3 –е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. С. 386.
9. Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 164.
10. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. II. Особенная часть / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 465.
11. Там же с. 507-508.
12. Филиппов В.В. Антикрупционные меры в системе государственной службы США: криминологический и сравнительно-правовой анализ : монография. – М. : Юрлитинформ, 2013. С. 20, а также Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: Монография. – М., Дружба народов, 2008. С.17-18.
13. Филиппов В.В. Антикрупционные меры в системе государственной службы США: криминологический и сравнительно-правовой анализ : монография. – М. : Юрлитинформ, 2013. С. 22.
14. Изосимов С.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые руководителями коммерческих и иных организаций, по уголовному законодательству США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С.129.
15. Там же с.130, 131.
16. См, например,. Иванов О.Б, Кашуба В.М. Корпоративные мошенничества и коррупция как глобальные риски // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2012. № 6. С. 71; Кузькин А.П. Корпоративные преступления в России: структура, динамика, методы расследования и предупреждения // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 2. С. 53; и др.
17. См., например, Бурдикова И.П. Системы противодействия мошенничеству и их место в корпоративном управлении // Безопасность бизнеса. 2013. № 4. С. 33 – 36; Кряжевских К.П. Недействительность сделки, совершенной под влиянием взятки и иных коррупционных действий // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 68 – 98, и др.

Зацетин Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент г. Екатеринбург
e-mail: tp0507@ya.ru

Множественность преступлений и их квалификация

Выделяются виды множественности преступлений и рассматриваются правила квалификации совокупности преступлений и рецидива преступлений. Чтобы различить приведенные виды множественности преступлений, мало квалифицировать каждое в нее входящее деяние. Нужно еще оценить их все вместе, выявить особенности их сочетания, а для этого требуется дополнительная квалификация преступлений. Поскольку в уголовном законодательстве прямо регулируются только совокупность преступлений и рецидив преступлений, исследуются правила лишь их дополнительной квалификации.

Ключевые слова: *виды множественности преступлений, квалификация преступлений, дополнительная квалификация преступлений, совокупность преступлений, рецидив преступлений, судимость, Уголовный кодекс, наказание.*

В Уголовном кодексе прямо о множественности преступлении ничего не говорится, но в нем регулируются совокупность и рецидив преступлений (ст. 17 и 18 УК РФ). Они чаще всего (после исключения ст. 16 УК РФ «Неоднократность преступлений») и считаются видами (формами) данной множественности (особенно в учебной литературе).

Однако В.П. Малков пополняет множественность преступлений за счет совершения двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совокупности приговоров, совершения преступления при наличии непогашенной и неснятой судимости, не учитываемой при признании рецидива преступлений. Г.А. Есаков дополнительно называет совершение умышленного преступления в отношении двух или более лиц. Больше всего видов множественности преступлений выделяет Е.В. Благов. В работе учебного характера он к совокупности и рецидиву преступлений добавляет совершение:

- во-первых, преступления лицом, ранее совершившим преступление;
- во-вторых, преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, если хотя бы одно из них неосторожное;
- в-третьих, умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление небольшой тяжести;

- в-четвертых, умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное в несовершеннолетнем возрасте умышленное преступление;
- в-пятых, умышленного преступления лицом, имеющим судимости за умышленные преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если они не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы;
- в-шестых, двух преступлений, одно из которых установлено после вынесения приговора за другое;
- в-седьмых, совершение нескольких преступлений, хотя бы одно из которых совершено после вынесения приговора за предыдущее. В научной работе автор совершение нескольких преступлений пополняет сочетанием свыше одной разновидности совершения нескольких преступлений, а также тем, что назвал совокупностью приговоров, вступивших в законную силу.

Нередко виды множественности преступлений группируются. Соглашаясь с важностью производства данной логической операции для углубления понимания искомого, мы на этой стороне вопроса останавливаться не будем, ибо она безразлична для квалификации.

Из всех выделенных в литературе видов множественности преступлений нельзя, на наш

взгляд, согласиться лишь с двумя. Речь идет о совершении двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, и умышленного преступления в отношении двух или более лиц. В данных случаях фактическая множественность преступлений законодателем регулируется в одной статье (части статьи) Особенной части уголовного законодательства как юридически одно сложное, но все равно единичное преступление.

Часть дополнительных к совокупности и рецидиву видов множественности преступлений вытекает из особенностей регулирования рецидива и изъятий из него в ст. 18 УК РФ:

- › во-первых, совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление, – из того, что рецидив преступлений признается исключительно при наличии судимости за ранее совершенное преступление (ч. 1);
  - › во-вторых, совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, если хотя бы одно из них неосторожное, – из того, что, рецидив преступлений составляет совершение исключительно умышленных преступлений (ч. 1);
  - › в-третьих, совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление небольшой тяжести, – из того, что последнее не учитывается при признании рецидива преступлений (п. «а» ч. 4);
  - › в-четвертых, совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное в несовершеннолетнем возрасте умышленное преступление, – из того, что последнее также не учитывается при признании рецидива преступлений (п. «б» ч. 4);
  - › в-пятых, совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимости за умышленные преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если они не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, – из того, что и данные судимости не учитываются при признании рецидива преступлений (п. «в» ч. 4). Причем приведенные виды множественности преступлений, по нашему мнению, наиболее очевидны для обособления.
- Другая часть видов множественности преступлений имеет собственное обоснование. Выделяются:
- › во-первых, совершение двух преступлений, одно из которых установлено после вынесения приговора за другое, – из сочетания деяний, упомянутых ч. 5 ст. 69 УК РФ в словах «если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу...». Вместе с тем данное сочетание деяний подчас включают в совокупность преступлений. На наш взгляд, такое решение не вытекает из того, что последней признается совершение двух или более преступлений, «ни за одно из которых лицо не было осуждено» (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Не случайно в литературе отмечается, что «внешне эти случаи мало похожи на совокупность преступлений, ибо здесь в отношении одного или нескольких преступлений уже состоялся приговор, который исполняется или даже исполнен». Сторонникам противоположного взгляда приходится даже либо оговаривать «нетипичный вид» совокупности преступлений в ч. 5 ст. 69 УК РФ либо предлагать ввести в закон дополнение, согласно которому «совокупностью преступлений также признается совершение преступления (преступлений) до вынесения приговора за другое преступление». Такие оговорки напрямую свидетельствуют о самостоятельном характере совершения двух преступлений, одно из которых установлено после вынесения приговора за другое;
  - › во-вторых, совершение нескольких преступлений, хотя бы одно из которых совершено после вынесения приговора за предыдущее, – из сочетания деяний, влекущих применение ст. 70 УК РФ. Дело в том, что «к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытое наказание по предыдущему приговору суд» (ст. 70), лишь тогда, когда новое преступление совершено после осуждения за предыдущее. Данный вид множественности преступлений – тот, который часто именуют совокупностью приговоров и к множественности преступлений нередко не относят. По нашему мнению, последнее порождено исключительно не слишком удачным обозначением. По существу же, с одной стороны, установление множественности преступлений нельзя рассматривать вне предписаний ст. 70 УК РФ, а, с другой, – основу совокупности приговоров «образуют несколько преступлений».

Более того, совершение нескольких преступлений, хотя бы одно из которых совершено после вынесения приговора за предыдущее, обладает такой спецификой, которая позволяет говорить об отдельном виде множественности. В п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснено, что «по смыслу статьи 70 УК РФ правила назначения наказания по совокупности приговоров применяются в случаях, когда осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания совершил новое преступление», а в п. 36, добавлено, что «при совершении лицом нового преступления после провозглашения приговора за предыдущее преступление судам следует исходить из того, что, поскольку вынесение приговора завершается его публичным провозглашением, правила назначения наказания по совокупности приговоров (статья 70 УК РФ) применяются и в случае, когда на момент совершения осужденным лицом нового преступления первый приговор не вступил в законную силу».

Действительно, в ч. 6 ст. 302 УПК РФ вынесение приговора упоминается при регулировании его постановления. Постановление приговора особо регламентируется в главе 39 УПК РФ. Последняя включает ст. 310 УК РФ о провозглашении приговора. Отсюда, пока обвинительный приговор не провозглашен, совершение нового преступления не может образовать совокупность приговоров.

На основании изложенного мнение, согласно которому совокупность приговоров имеет место, когда новое преступление совершено и во время провозглашения приговора, на наш взгляд, не принимает во внимание системные свойства российского законодательства. То же самое можно сказать и в отношении представления о том, что «правила о назначении наказания по совокупности приговоров могут применяться лишь в случае, когда лицо совершило новое преступление после вступления приговора в законную силу, но до полного отбытия назначенного наказания по первому делу», а «до тех пор, пока провозглашенный приговор по первому делу не вступил в законную силу, совершение нового преступления наряду с предыдущим следует рассматривать как совокупность преступлений, поскольку в таком случае лицо совершило два преступления, еще не будучи осужденным ни за одно из них».

Понятие осуждения является не уголовно-правовым, а уголовно-процессуальным¹. В соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ осужденным именуется «обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор». Получается, что для осуждения вступление приговора в законную силу никакой роли не играет;

► в-третьих, сочетание свыше одной разновидности совершения нескольких преступлений – из возникновения при постановлении второго приговора ситуаций, когда «осужденный виновен еще и в других преступлениях, одни из которых совершены до, а другие – после вынесения первого приговора». В п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 сказано, что «наказание по второму приговору назначается вначале по совокупности преступлений, совершенных до вынесения первого приговора, после этого – по правилам части пятой статьи 69 УК РФ, затем по совокупности преступлений, совершенных после вынесения первого приговора, и окончательное наказание – по совокупности приговоров (статья 70 УК РФ)»². При квалификации же преступлений необходимо каждое деяние «рассматривать в сочетании с другим (или другими) с точки зрения соотношения времени их совершения». Отсюда, «если они были совершены до осуждения за любое из них, то налицо совокупность преступлений; преступления, совершенные после осуждения за предыдущее (предыдущие), соотносятся между собой тоже как совокупность преступлений, однако их соотношение с преступлениями, за которые виновный был осужден и отбывал наказание, представляет собой совокупность приговоров». В целом же складывается новый вид множественности преступлений, отличающийся соответствующей упорядоченностью объединенных в нее деяний;

► в-четвертых, совокупность приговоров, вступивших в законную силу, – из сочетания деяний, в отношении которых на основании п. 10 ст. 397 УПК РФ решается вопрос «об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено

¹ См.: Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды и правовое значение. Казань, 2006. С. 36. Близкое решение см.: Шкредова Э.Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 53.

² См.: Есаков Г.А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или *cuiusvis hominis est errare* (и законодатель не исключение) // Российский судья. 2004. № 12. С. 20–27.

в последнем по времени приговоре в соответствии со статьей 70 Уголовного кодекса Российской Федерации». Принципиальная возможность решения этого вопроса основывается на «определенной самостоятельности, относительной независимости той части приговора, которая определяет размер наказания по совокупности», поскольку исходит из выводов «не только данного приговора, но и других, ранее вынесенных приговоров».

В п. 38.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 отражено, что «по смыслу закона, суд, рассматривая вопрос об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, может руководствоваться как статьей 70 УК РФ, так и частью пятой статьи 69 УК РФ»³. Конечно, прямо п. 10 ст. 397 УПК РФ указания на ч. 5 ст. 69 УК РФ не содержит. В то же время вполне допустима ситуация, при которой второй приговор вынесен в отношении преступления, совершенного до вынесения первого приговора. Именно такой вариант сочетания преступлений отражен в ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Стало быть, совокупностью приговоров, вступивших в законную силу, следует охватывать назначение окончательного наказания по правилам как ч. 5 ст. 69 УК РФ, так и ст. 70. Одновременно сочетание преступлений, входящих в такую совокупность, нельзя сводить к совершению двух преступлений, одно из которых установлено после вынесения приговора за другое, или нескольких преступлений хотя бы одно из которых совершено после вынесения приговора за предыдущее. Дело в том, что при совокупности приговоров, вступивших в законную силу, имеется осуждение минимум по двум приговорам, а это предопределяет самостоятельный вид множественности преступлений.

Конечно, сама совокупность приговоров, вступивших в законную силу, не является собственно видом множественности преступлений. Между тем последняя не может не охватываться совокупностью приговоров, вступивших в законную силу. Отсюда непосредственно множественностью преступлений следует, на наш взгляд, считать совершение нескольких преступлений, осуждение за которые не привело к назначению окончательного наказания.

Чтобы различить приведенные виды множественности преступлений, мало квалифицировать каждое в нее входящее деяние. Нужно

еще оценить их все вместе, выявить особенности их сочетания, а для этого требуется дополнительная квалификация преступлений.

Специальное выделение квалификации множественности преступлений необходимо и потому, что правоприменители не всегда различают ее виды. Практика изобилует случаями ошибочного признания рецидива преступлений с учетом судимостей за умышленные преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, а также судимостей за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы⁴. Нередки случаи, когда судами наказание назначается по ст. 70 УК РФ вместо ч. 5 ст. 69. Все это означает неправильную квалификацию множественности преступлений, что вовсе не безобидно, ибо влияет на возможность назначения несправедливого наказания (в приведенных случаях – завышенного).

Поскольку Уголовный кодекс особо регулирует лишь такие виды множественности, как совокупность и рецидив преступлений, только они прямо и требуют дополнительной квалификации преступлений. Однако ее рассмотрение применительно к совокупности и рецидиву преступлений позволяет отграничить от них не получившие отдельного регулирования виды множественности.

По современному законодательству квалификация совокупности преступлений основывается на ст. 17 УК РФ. В ней сказано:

«1. Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено...

2. Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса». Соединительный союз «и» в данной части ст. 17 УК РФ подчеркивает, что в ней и ч. 1 сформулированы разные виды совокупности преступлений.

Совокупность преступлений, отраженную в ч. 1 ст. 17 УК РФ, принято именовать реальной, а в ч. 2 – идеальной. Их признаками по закону являются 1) совершение двух или более преступлений, 2) ни за одно из которых лицо не было осуждено (ч. 1 названной статьи), а также

³ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 7. С. 18; 2005. № 10. С. 10; 2006. № 5. С. 7; № 8. С. 28; 2007. № 8. С. 12–13; С. 16–17; 2008. № 6. С. 19.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 8. С. 21; 2006. № 3. С. 29; 2007. № 8. С. 18; № 12. С. 13–14; 2008. № 5, С. 8–9; № 11. С. 13; 2009. № 10. С. 35

1) совершение одного действия (бездействия),
2) которое содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Уголовного кодекса (ч. 2).

Получается, что совокупности преступлений как таковой свойственны следующие признаки: 1) совершение двух или более преступлений, самостоятельно предусмотренных Уголовным кодексом (позитивный признак), и 2) лицо не было осуждено ни за одно из них (негативный признак). По данным признакам и должна происходить квалификация совокупности преступлений.

Вместе с тем квалификация совокупности преступлений затруднена в связи с тем, что не всегда просто решить, имеется в конкретном случае последняя или единичное преступление. Дело в том, что несколько действий (бездействия) может образовать не только совокупность преступлений, но и сложное единичное преступление, а при конкуренции норм уголовного права одно преступление предусмотрено двумя или более статьями Особенной части уголовного законодательства (ч. 3 ст. 17 УК РФ). В результате при квалификации нужно разграничивать совокупность преступлений и единичное преступление.

При совершении двух или более действий (бездействия) квалификация совокупности преступлений должна происходить в случае, во-первых, совершения таких действий (бездействия), которые не охватываются полностью признаками ни одного состава преступления; во-вторых, наличия самостоятельного умысла (неосторожности) на совершение каждого действия (бездействия). Исключениями являются единичные преступления, совершаемые с двумя формами вины, которые включают умысел и неосторожность (ст. 27 УК РФ), а также сопряженные преступления (скажем, п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105), при которых единство умысла факультативно.

Единство умысла со всеми вытекающими последствиями для квалификации преступлений, налицо, по нашему мнению, помимо не вызывающих сомнений ситуаций, в следующих случаях:

а) если умысел реализуется по частям,
б) если умысел реализуется совершением двух или более действий, предусмотренных несколькими пунктами одной части статьи или несколькими альтернативными признаками, когда часть статьи (статья, не поделенная на части) не содержит пунктов,

в) если умысел реализуется совершением двух или более действий, отраженных несколькими частями одной и той же статьи,

г) если умысел продолжает реализовываться дополнительными действиями,

д) если умысел продолжает реализовываться после совершения окончательного преступления (кроме ст. 174.1 УК РФ). Во всех остальных ситуациях, на наш взгляд, единство умысла отсутствует. Соответственно происходит квалификация совокупности преступлений.

На основании ч. 2 ст. 17 УК РФ при совершении одного действия (бездействия) квалификация совокупности преступлений осуществляется лишь тогда, когда оно предусмотрено двумя или более статьями Особенной части Уголовного кодекса. Следуя закону, Пленум Верховного Суда РФ в п. 9, 18, 19 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъяснил, что, если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства наступила не только смерть определенного лица, содеянное надлежит квалифицировать «в случае причинения другим лицам вреда здоровью – по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью.

В тех случаях, когда убийство путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с уничтожением или повреждением лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд, содеянное, наряду с п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует квалифицировать также по ч. 2 ст. 167 или ч. 2 ст. 261 УК РФ.

...Действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Аналогично по совокупности с ч. 2 ст. 203 УК РФ должны квалифицироваться действия руководителя или служащего частной охранной или детективной службы, совершившего убийство при превышении полномочий, предоставленных ему в соответствии с лицензией, вопреки задачам своей деятельности.

...Убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, надлежит

квалифицировать, помимо соответствующей части ст. 105 УК РФ, по ст. 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Возражений против данной и подобной практики у нас не возникает.

В литературе высказано противоречащее закону, на наш взгляд, утверждение, что «по смыслу ч. 2 ст. 17 УК под идеальной совокупностью понимается совершение лицом одного действия (бездействия), предусмотренного не только различными статьями Особенной части уголовного законодательства, но и различными их частями и даже одной частью». Конечно, невозможно исключить, например, совершения одним действием сбыта огнестрельного и газового оружия, и тем самым совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 и 4 ст. 222 УК РФ. Исходя из смысла закона, подобное, вероятно, допустимо считать идеальной совокупностью преступлений. Одновременно по букве закона ее нет, так как в ч. 2 ст. 17 УК РФ говорится лишь о предусмотренности одного действия (бездействия) «двумя или более статьями настоящего Кодекса».

Имея в виду наличие в Уголовном кодексе статей, отдельные части которых описывают преступления разных видов, для устранения отмеченного рассогласования буквы и смысла закона необходимо внести в него соответствующие изменения. Е.В. Благовым предложено либо удалить из Особенной части Уголовного кодекса отражение в одной статье преступлений разных видов, которые могут быть совершены одним действием (бездействием), либо дополнить ч. 2 ст. 17 УК РФ указанием на предусмотренность одного действия (бездействия) разными частями одной статьи, устанавливающей ответственность за совершенные преступления. Только тогда будут надлежащие нормативные основания для квалификации совокупности преступлений. Причем первое предложение с точки зрения юридической техники предпочтительнее, ибо «в одной статье Особенной части УК законодатель должен, как правило, обрисовывать один вид преступления (включая его разновидности)». Одновременно преимущество последнего предложения заключается в необходимости внесения изменений всего в одну статью Уголовного кодекса.

Наличие идеальной совокупности преступлений при предусмотренности одного действия (бездействия) одной частью статьи Особенной части уголовного законодательства, связывается

исключительно с квалифицирующим признаком совершения умышленного преступления в отношении «двух или более лиц», если кому-то из них соответствующий вред не причиняется. Так, в уже упоминавшемся п. 5 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при убийстве одного человека и покушении на убийство другого «независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ». Одновременно в том же пункте, но выше сказано, что «убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц». В соответствии с ранее изложенным при единстве умысла из приведенного напрямую вытекает квалификация не совокупности преступлений, а лишь по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Дело в том, что при отраженных условиях ссылка на ст. 30 УК РФ является достаточным свидетельством ненаступления смерти именно двух лиц, т.е. совершения неоконченного преступления. Следовательно, в рассмотренных случаях вообще нельзя говорить об идеальной совокупности преступлений.

Как отмечалось, на основании ч. 1 ст. 17 УК РФ для квалификации совокупности преступлений важным является то, что ни за одно из них лицо не было осуждено. В противном случае совокупность преступлений исключается.

Об осуждении и его влиянии на множественность преступлений выше уже говорилось. Из сказанного следует, что совокупность преступлений возникает при совершении нового деяния до провозглашения приговора за предыдущее. Это краеугольный камень ее квалификации.

Подчас считается, что такой вид множественности преступлений, как рецидив, на квалификацию не влияет. Мы с этим не согласны. Причем дело даже не в том, что специальная судимость вновь стала признаком некоторых преступлений (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ). В ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидив характеризуется определенным набором признаков, без сопоставления которых с совершенными деяниями его наличие или отсутствие не установить. А это и есть квалификация.

По действующему Уголовному кодексу квалификация рецидива преступлений должна основываться на предписаниях ст. 18 УК РФ. В соответствии с ней рецидивом признается «совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное

умышленное преступление». Исходя из этого, признаками рецидива являются 1) совершение ранее умышленного преступления, 2) наличие за него судимости и 3) совершение нового умышленного преступления.

При квалификации рецидива по признакам *совершения ранее умышленного преступления* и *совершения нового умышленного преступления* важно иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, надлежит правильно определить форму вины совершенных преступлений. Они должны быть лишь умышленными. Поскольку вид умысла в законе не уточняется, он значения не имеет.

Во-вторых, надлежит установить очередность совершения деяний. По общему правилу, проблемы не возникает. В то же время при совершении протяженных во времени преступлений (длящихся, продолжаемых и других) возможны ситуации, при которых они начинаются ранее, а заканчиваются позднее других преступлений. В таких условиях при признании рецидива следует исходить из момента окончания соответствующих преступлений, ибо только тогда они будут ранее уже совершенными.

При квалификации рецидива преступлений по признаку *судимости* требуется установить момент, на который она играет роль, и пределы, в которых она существует. В ч. 1 ст. 18 УК РФ говорится о совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость. Таким образом, в ней наличие рецидива преступлений обуславливается временем совершения нового умышленного преступления.

При определении пределов, в которых существует судимость, надлежит исходить из ч. 1 ст. 86 УК РФ, в соответствии с которой «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости». Отсюда для квалификации рецидива преступлений важно время начала и окончания существования судимости.

Начало существования судимости – день вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Следуя ч. 1 ст. 86 УК РФ, на наш взгляд, трудно согласиться с позициями, согласно одной из которых уже с момента провозглашения приговора «может возникнуть рецидив преступлений», а по другой – он характеризуется тем, что «лицо, отбывающее или отбывшее уголовное наказание за ранее совершенное умышленное преступление, при наличии у него судимости совершает новое умышленное преступление». Исходя из закона, обе позиции неточны: первая при-

знает наличие рецидива преступлений слишком рано, а вторая – слишком поздно.

Окончание существования судимости – момент ее погашения или снятия. Последние регулируются ст. 86 УК РФ соответственно в ч. 3–4 и в ч. 5. Для погашения судимости необходимо истечение определенных сроков: испытательного (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ), после отбытия или исполнения наказания (п. «б» – «д») или фактического освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказания (ч. 4). Снятие судимости происходит судом по ходатайству осужденного, если он после отбытия наказания вел себя безупречно.

Однако регулирование снятия судимости не сводится к ч. 5 ст. 86 УК РФ. Оно предусмотрено еще в ч. 1 ст. 74, ч. 3 и 4 ст. 82, ч. 2 ст. 84 и 85 УК РФ.

Стало быть, квалификация рецидива преступлений по признаку судимости в необходимых случаях требует обращения не только к специальным судебным актам о снятии судимости. Обращаться следует и к судебным актам об отмене условного осуждения и о снятии судимости и об освобождении от отбывания отсроченного наказания или оставшейся его части со снятием судимости, а также к актам об амнистии и о помиловании в отношении снятия судимости.

Более того, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения наказания» разъяснено, что «при установлении рецидива преступлений не может считаться судимым лицо, признанное виновным в совершении умышленного преступления по первому приговору, если на момент судебного разбирательства уголовное дело в отношении его подлежало прекращению, например в силу акта об амнистии.

В соответствии с частью 1 статьи 10 УК РФ также не может считаться судимым лицо, отбывшее наказание по первому приговору, если преступность и наказуемость деяния устранены новым уголовным законом». Все это также нужно принимать во внимание при квалификации рецидива преступлений.

Помимо собственно рецидива преступлений квалификации подлежат еще опасный и особо опасный рецидив. Они имеют свои законодательные особенности в ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ.

Вместе с тем разграничение, с одной стороны, рецидива преступлений, а с другой – опасного и особо опасного рецидива, вызывает затруднения. В литературе, на наш взгляд, справедливо

отмечается, что в действующем уголовном законодательстве вопрос о рецидиве преступлений «можно правильно решить, используя метод исключения дополнительных признаков, характеризующих опасный рецидив и особо опасный рецидив». Отсюда квалификация рецидива преступлений зависит от квалификации опасного и особо опасного рецидива, точнее – от признания их отсутствия.

Дело в том, что в ч. 1 ст. 18 УК РФ регулируется рецидив преступлений в целом, а в ч. 2 и 3 – отдельные виды рецидивы. Говоря иначе, регламентация, с одной стороны, рецидива преступлений, а с другой, – опасного и особо опасного рецидива облечена в форму общей (ч. 1 ст. 18 УК РФ) и специальной (ч. 2 и 3) нормы. При их конкуренции по аналогии с ч. 3 ст. 17 УК РФ подлежит применению специальная норма.

В связи с рассмотренными особенностями уголовно-правового регулирования в ст. 18 УК РФ квалификация рецидива преступлений осуществляется не всегда точно. Речь идет о совершении лицом особо тяжкого преступления, если оно ранее было осуждено за тяжкое преступление либо два или более раза за умышленные преступления средней тяжести. Отдельные авторы полагают, что «можно рекомендовать судам признавать в обеих приведенных ситуациях факт наличия опасного рецидива, поскольку возможность признавать наличие так называемого «простого» рецидива и особо опасного рецидива исключается». Данная теоретическая позиция нашла применение на практике. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 разъяснено, что «по смыслу статьи 18 УК РФ, совершение особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы, образует опасный рецидив преступлений (часть 2 статьи 18 УК РФ)».

На самом деле, при изложенном сочетании преступлений признаков ни опасного, ни особо опасного рецидива нет, что влечет квалификацию по ч. 1 ст. 18 УК РФ. Конечно, странно, что совершение особо тяжкого преступления лицом, которое ранее было осуждено за тяжкое преступление либо два или более раза за умышленные преступления средней тяжести, осталось вне опасного или особо опасного рецидива преступлений. Причем при совершении лицом тяжкого

преступления, если ранее оно было осуждено за особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы, т.е. по существу в ситуации, обратной одному из указанных случаев, признается опасный рецидив преступлений (п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ). В то же время вопреки высказанному мнению «законодательный пробел» в точном смысле слова в ст. 18 УК РФ отсутствует, ибо признаками рецидива преступления проблемная ситуация охватывается.

Наконец, квалификация рецидива преступлений ограничена положениями ч. 4 ст. 18 УК РФ. В ней сказано, что «при признании рецидива преступлений не учитываются:

- а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести;
- б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет;
- в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса».

Приведенные предписания имеют неодинаковую сферу применения. Непринятие во внимание судимостей за умышленные преступления небольшой тяжести относится лишь к рецидиву преступлений, ибо только он мог при отсутствии п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ охватывать такие преступления. Опасный и особо опасный рецидив преступлений законом обусловлены совершением умышленных преступлений иных категорий. Остальные предписания п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ относятся ко всем видам рецидива преступлений.

Литература:

1. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. – М., 2009.
2. Есаков Г.А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или *cuiusvis hominis est errare* (и законодатель не исключение) // Российский судья. 2004. № 12.
3. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды и правовое значение. – Казань, 2006.

Пиотух Денис Станиславович
кандидат экономических наук, доцент, г. Рыбинск
E-mail: denis.piotuh@npo-saturn.ru

Условие самоорганизации инновационного процесса

Понятие и содержание инновационного процесса определены в действующем законодательстве РФ, а также являются предметом теоретических и методических разработок. Автор, статьи рассматривая инновационный процесс как систему, исследует объект инновационной деятельности – новшество в рамках категории «результат интеллектуальной деятельности» (РИД). Автор предлагает подход к развитию содержания РИД для формирования на его основе условия для самоорганизации инновационного процесса по созданию новшества и осуществлению нововведения.

Ключевые слова: *инновационный процесс, новшество, нововведение, результат интеллектуальной деятельности, автор, правообладатель, интеллектуальные права.*

Вопросы самоорганизации в любом виде деятельности являются для ученых и руководителей наиболее важными в плане выстраивания стратегии эффективно и устойчивой организации. В инновационной деятельности самоорганизация заключается в следующем циклическом процессе воспроизводства новшества:

- › выявление проблемы локальной нероботоспособности;
- › нахождение решения локальной работоспособности;
- › исследование, конструирование и изготовление средств обеспечения локальной работоспособности;
- › проведение испытаний средств локальной работоспособности;
- › корректировка средств локальной работоспособности;
- › передача средств пользователю для эффективного и безопасного использования в его хозяйственной деятельности.

Здесь прописан цикл разрешения проблемы в условиях реального функционирования системы, где четко обозначен авторский надзор за качеством новшества.

Согласно действующему законодательству РФ инновационный процесс представляет собой совокупность действий (работ), связанных с организацией и осуществлением инновационной деятельности, направленных

на разработку новшеств и осуществление нововведений [1]. Однако, к сожалению, там ни слова не сказано о мерах обеспечения качества, эффективности и безопасности инноваций, которые должны исполняться авторами и правообладателями данного объекта техники. Правовые аспекты инновационной деятельности в настоящее время требуют своей разработки и применения на практике с позиции создания необходимых условий для достоверной квалификации новшеств, их авторов и правообладателей, а также грамотного вовлечения субъектов и объектов инновационной деятельности в гражданско-правовой оборот.

Проблематика осуществления и анализа результативности инновационной деятельности в Российской Федерации является предметом деятельности органов исполнительной и законодательной власти, а также широко обсуждается общественностью. Стремление создать «умную экономику» требует определения системообразующих и самоорганизующих компонентов инновационного процесса.

Прежде всего, следует отметить, что согласно действующему законодательству РФ новшество как предмет инновационной деятельности квалифицируется как результат интеллектуальной деятельности (РИД), являющийся объектом гражданско-правовых отношений, обладающий признаками [1]:

- а) новизны, т.е. новыми качествами, свойствами и иными отличительными от существующих аналогов признаками;
- б) практической применимости с точки зрения потребительской полезности и безопасности;
- в) экономической эффективности (конкурентоспособности).

Нововведение может быть квалифицировано как комплекс мероприятий по созданию и сопровождению жизненного цикла товара на основе РИД.

Термин РИД имеет широкое применение в законодательстве и нормативно-правовой базе, является объектом рассмотрения со стороны представителей правового и экономического сообществ. Признаки квалификации РИД зафиксированные в законодательстве позволяют характеризовать его как обладающего следующими критериями:

- › охраноспособности как объекта интеллектуальной собственности;
- › эффективности и экономичности как нематериального актива.

В этой связи задачей формализации РИД является закрепление имущественных и констатация неимущественных прав его автора(ов) и правообладателя (ей), которые являются субъектами правообладания РИД. Оперирование интеллектуальными правами на РИД как активом в процессе нововведений направлено на решение конкретных задач с целью получения финансовых и иных преимуществ опять же для его субъектов правообладания. Таким образом, РИД неразрывно связан со своим правообладателем и автором, и не может эффективно функционировать без их участия и контроля с их стороны.

Однако отсутствие в РФ системы авторского надзора и сопровождения высокотехнологичной продукции свидетельствует об отсутствии данных взаимосвязей и взаимозависимостей, т.е. оторванности РИД от его правообладателей и авторов. По мнению автора статьи, в данной ситуации происходит обезличивание РИД. Данный фактор может быть востребован в среде безответственности за результаты применения РИД, где требуется нивелирование его самостоятельных признаков.

В сфере наукоёмкого бизнеса имеет место как борьба за статус разработчика изделия, так и поиски подобного при возникновении катастроф и несчастных случаев.

Проблема обезличивания РИД имеет правовой, экономический и моральные аспекты. В правовом плане – это отсутствие в действующем

законодательстве РФ определения термина «разработчик изделия», т.е. наличие неопределённости в его квалификации и выбора между:

- › автором РИД – физическим лицом;
- › главным конструктором/инженером – руководителем коллектива соавторов РИД;
- › предприятием/учреждением – юридическим лицом как правообладателем РИД.

В экономическом плане разработчики новшеств несут на себе, зачастую в одиночку, значительные риски осуществления нововведения, не имея возможности их страховать или реализовывать программы самострахования. В последнем случае речь идёт об отсутствии системы авторского контроля использования РИД, что является следствием экономии со стороны изготовителей и коммерческих эксплуатантов наукоёмкой продукции, получаемой от отказа в её авторском сопровождении. В данной ситуации разработчики новшеств отстранены от жизненного цикла своих детищ и их права нивелируются. Данная ситуация на руку производителям контрафакта и фальсификата, имеющего широкое хождение на рынке, в том числе, опасных объектов техники. Чтобы минимизировать потери в инновационной экономике и снизить уровень техногенных катастроф, необходимо законодательно вводить авторское сопровождение и надзор во всех отраслях экономики и контролировать этот процесс с санкциями экономического и уголовного наказания.

В моральном плане обезличивание РИД связано с нарушениями в сфере гражданско-правовых взаимоотношений между авторами РИД и правообладателями в вопросах фиксации прав авторства. Обезличивание РИД в данном случае может происходить по причине не включения в авторские коллективы реальных их разработчиков и наоборот включения представителей правообладателя, не имеющих к ним ни какого отношения.

По мнению автора статьи, решение проблемы обезличивания РИД возможно не основе его персонификации с субъектами правообладания – автором(ами) и правообладателем. Решение данных проблем должно поднять статус разработчиков высокотехнологичной продукции, способных создавать новшества и осуществлять нововведения. Персонификация понятия РИД позволяет развить его содержание для целей формирования эффективной системы своего функционирования в виде «результата интеллектуальной деятельности автора и правообладателя» (РИДАП). Данная система – РИДАП

может рассматриваться как подсистема инновационного процесса.

Содержательная часть термина РИДАП призвана свидетельствовать о том, что признаком квалификации новшества как РИД является идентифицированные в отношении его обладатели интеллектуальных прав, наделённые соответствующими полномочиями и ответственностью.

Система РИДАП может рассматриваться как средство индивидуализации субъектов правообладания РИД, значимость которого формируется эффективностью и экономичностью идеи в его основу. В данной ситуации происходит осознанное самовыражение субъектов правообладания РИД через персонификацию РИДАП, что несёт в себе компонент общественного блага [2]. Следует также отметить, что в отношении общественных благ в виде «физической безопасности» и «формализованного комфорта» категория РИДАП также имеет свою значимость. Субъекты правообладания РИД совместно выступают перед обществом, которое заинтересовано в безопасности результатов применения РИДАП, за счёт использования которого удовлетворяются интересы членов общества в получении необходимого материального и интеллектуального благосостояния.

Приминая во внимание позицию, что благо может быть определено как юридически квалифицированный интерес [3], можно сделать вывод о том, что персонификация РИД для достижения параметров РИДАП соответствует притязаниям субъектов правообладания РИД, а также учитывает требование обеспечения ответственности за его качество.

Персонификация РИД через введение категории РИДАП позволяет выявить и обеспечить развитие в инновационном процессе лидеров-интеллектуалов способных создавать новшества и осуществлять нововведения. В этой связи можно рассматривать категорию РИДАП как системообразующий компонент инновационного процесса создания новшеств и осуществления нововведений.

Функционирование РИДАП предполагает наличие грамотных гражданско-правовых отношений между его правообладателем и автором, который в свою очередь обязан поддерживать актуальность РИД, повышая свою компетентность.

Гражданско-правовые отношения в сфере РИДАП призваны обеспечить переход имущественных прав на РИД их правообладателю, если он создан автором в порядке выполнения соответствующего трудового задания или заказа, при

отсутствии факта которых автор является одновременно и правообладателем РИД. В последнем случае автор несёт единоличную ответственность перед обществом за качество РИД.

В ситуации перехода имущественных прав на РИД их заказчику у автора остаются полномочия по защите целостности формы изложения РИД, что может быть применимо при выстраивании и проведении авторского контроля. В данном случае правообладатель, получая возможность коммерциализации РИД, берёт на себя обязанность выплаты вознаграждений автору как компонента разделения с ним ответственности, а также его стимулирования к развитию своей компетентности в целях успешного осуществления нововведения и создания других новшеств.

По мнению автора статьи, компетентность субъектов правообладания РИДАП является важным компонентом инновационного процесса, так как она обеспечивает получение новшества и его сопровождение на всех стадиях жизненного цикла нововведения. В нормативно-правовой базе компетентность определена как сочетание знаний, навыков персонала предприятия [4]. Данная формулировка позволяет рассматривать компетентность как сочетание не формализуемых РИД, не отделимых от своих создателей. Однако, если посмотреть на технологии управления жизненным циклом наукоёмкого изделия, то можно определить стадии где компетентность играет решающую роль, например, при продлении ему эксплуатационного ресурса.

Инновационный процесс строится и развивается на основе компетенций, формируя статус субъектов правообладания новшеством, осуществляющих нововведение. В это связи РИДАП формирует не только сферу естественной монополии своих субъектов, но также и определяет необходимость выстраивания системы обеспечения ответственности за качество новшества. В данной ситуации формируются обе стороны «золотника» – новшества, а также закладываются основы самоорганизации инновационного процесса.

По мнению автора статьи, исследование проблемы самоорганизации инновационного процесса необходимо для определения в нём подсистем играющих доминирующую роль и влияющих на результативность деятельности по созданию новшества и осуществлению на его основе нововведения. Подсистема, формируемая РИДАП, определяет начальные условия инновационного процесса, точность измерения которых влияет на жизненный цикл нововведения.

Рис.1. Подсистема РИДАП в инновационном процессе

В этой связи самоорганизующим условием функционирования инновационного процесса может выступать оценка РИДАП как совокупности интеллектуальных прав на РИД и компетентности его субъектов правообладания.

Оценка интеллектуальных прав является достаточно разработанной областью экономических исследований. Однако для оценки РИДАП необходимо разработать подход и метод оценивания полномочий авторов, связанных с неприкосновенностью РИД и имеющих неиму-

ущественный характер. В данном случае исследованию подлежит спектр действия данного права и оценка компонентов, имеющих экономическое содержание, например, авторского контроля.

Оценка компетентности субъектов правообладания РИД должна строиться с учётом исследования исходных компонентов инновационного процесса, связанных со знаниями, навыками персонала, создающего новшества и уровня способности субъектов правообладания РИД обеспечить ответственность на осуществление нововведения.

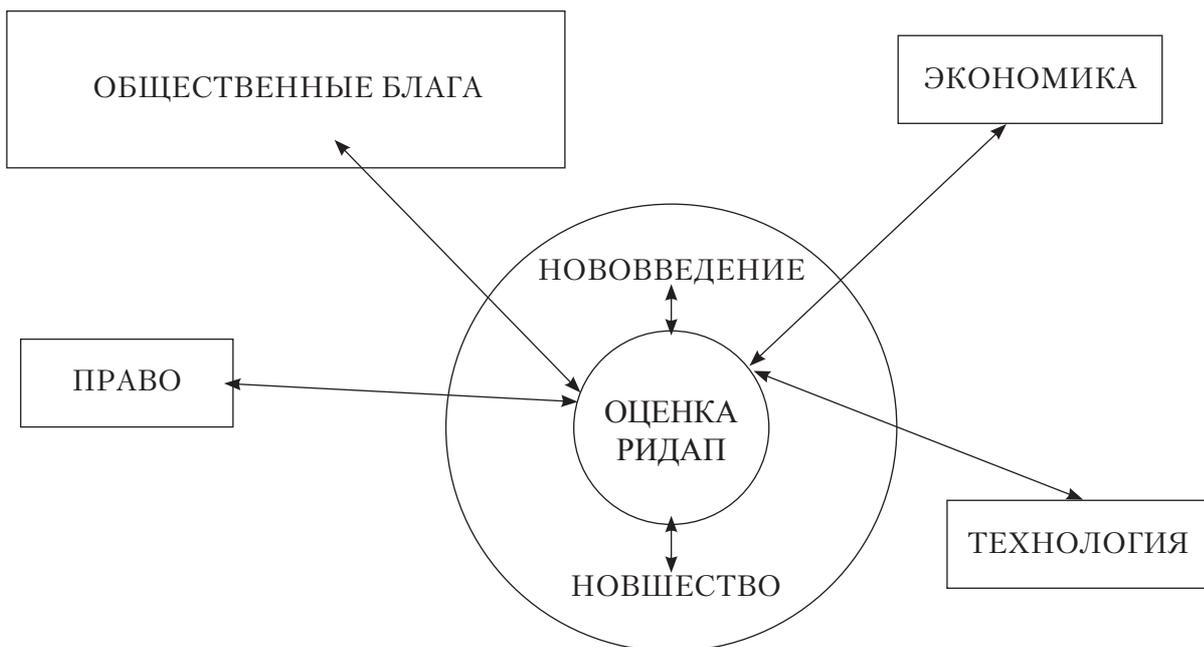

Рис. 2 Условие самоорганизации инновационного процесса

Указанные сферы оценочных исследований представляют собой интерес с точки зрения разработки методологии в сфере экономической оценки, базирующейся на правовых основах института интеллектуальных прав.

Литература:

1. Модельный закон «Об инновационной деятельности».
2. Леонтьев Б.Б. Современная теория идей: Методологические основы инновационной экономики : Часть 1. – М. : ИНИЦ «Патент», 2010.
3. Агамагомедова С.А. Система административно-правовой защиты интеллектуальных прав. – М. : ООО «Офсет-Принт М», 2012.
4. ГОСТ ISO 9000-2011. Межгосударственный стандарт. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь».

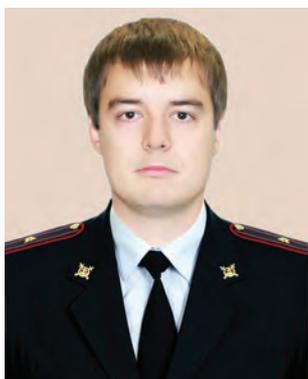

Филиппова Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, г. Екатеринбург
e-mail: tp0507@ya.ru

Зацепин Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, г. Екатеринбург
e-mail: tp0507@ya.ru

Детерминанты совершения преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов

Рассмотрены детерминанты совершения преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов, а также пути совершенствования законодательной системы в сфере налогообложения.

Ключевые слова: детерминирующие преступления, налогообложение, налогоплательщик, налоги, сборы, «теневой» оборот, ресурсное обеспечение, обналичивание, финансово-хозяйственная деятельность, налоговая преступность.

Знание причин и условий, обуславливающих возникновение тех или иных негативных явлений, является неперенным условием целенаправленного воздействия на них с целью предупреждения или ослабления.

При исследовании обстоятельств, провоцирующих преступность, исследователями применяется самая различная терминология. Не вдаваясь в дискуссионную полемику о том, использование каких понятий является предпочтительным, следует говорить о детерминантах, причинах, условиях, факторах преступности, употребляя их как равнозначные.

Причинный комплекс, порождающий и объясняющий совершение преступлений против налоговой системы, обладает определенной спецификой. Подробное исследование всего комплекса причин преступлений в сфере налогообложения требует совместного участия криминологов, экономистов, политологов, социологов, психологов и иных специалистов. Мы же попытаемся выявить основные факторы, детерминирующие преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК РФ, и рассмотреть их влияние на

совершение преступлений. Их можно разделить на несколько групп: нравственно-психологические, организационные и правовые.

Нравственно-психологические факторы совершения преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, являются во многом определяющими. Большое количество нарушений законодательства о налогах и сборах обусловлено двойственной природой самих налогов. Для государства они являются доходами, а для налогоплательщиков – расходами.

В связи с этим возникает острое противоречие между интересами субъектов налоговых правоотношений. Налогоплательщик стремится к тому, чтобы налоговый механизм как можно меньше влиял на эффективность и прибыльность его деятельности. Высокая конкуренция в условиях перехода к рыночной экономике заставляет руководителей предприятий экономить на налоговых платежах.

Немаловажную роль играет и финансовое положение налогоплательщика. Если при сопоставлении выгоды от уклонения от уплаты налогов

и возможных отрицательных последствий с материальной точки зрения уклонение себя оправдывает, то налогоплательщик выберет именно эту форму действий. И как правильно отмечают экономисты, лишь те налогоплательщики, дела у которых идут хорошо, не будут рисковать и уплатят все налоги надлежащим образом [1]. А чем хуже положение налогоплательщика, тем больше у него побуждений к совершению преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов.

Говоря о нравственно-психологических факторах совершения преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, стоит сказать о том, что для большей части населения нарушение законодательства о налогах и сборах не является «настолько преступным». Лица, совершающие указанные общественно опасные деяния, не вызывают общественного порицания, так как ущерб причиняется не конкретным лицам, а государству. По данным проведенных исследований, около 22 % россиян полагают, что в жизни бывают ситуации, когда допустимо, простительно не платить налоги [2]. Оправданием для неуплаты налогов, по мнению опрошенных, может стать бедственное положение, проблемы с заработком, непредвиденные неприятности в жизни, принадлежность к социально незащищенному слою. Многие предприниматели считают, что выжить в современной ситуации в стране и при этом не нарушать закон практически невозможно.

Нежелание платить налоги и иные обязательные платежи можно объяснить еще и тем, что граждане не располагают сведениями о том, на что идут их отчисления. У них создается ощущение, что средства бюджета расходуются лишь на обслуживание огромного чиновничьего аппарата, постройку «дворцов» для функционирования законодательных и исполнительных органов власти, покупку роскошных автомобилей, предметов интерьера, которые не несут никакой пользы для населения. Население замечает лишь то, что получение высшего образования с каждым годом становится все дороже, бесплатно оказываемых медицинских услуг все меньше, льготы для различных категорий граждан отменяются.

Способствует совершению преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, снижение авторитета налогового законодательства. Многие налогоплательщики считают, что действующие механизмы налогообложения не совершенны и порой нарушают принципы всеобщности и

равенства. Как правильно отмечают некоторые исследователи, решение налогоплательщика зависит от сознания того, насколько справедливо распределение налогового бремени, а также от поведения той социальной группы, к которой он относится [3]. Если налогоплательщик убежден, что применяемый к нему порядок налогообложения ставит его в невыгодное положение по сравнению с другими, то он наверняка будет искать способы уклонения от уплаты налогов.

Все это усугубляется низким уровнем налоговой культуры налогоплательщиков. По данным Фонда «Общественное мнение» около 18 % россиян не знают о том, какие налоги они обязаны платить, а еще 36 % знают об этом «приблизительно» [4].

Организационные факторы. Эта группа детерминирующих обстоятельств возникает вследствие недостаточной организации налогового контроля.

Самое первое, что здесь можно отметить, это постоянное создание и функционирование фирм-однодневок, через которые денежные средства уводятся от налогообложения, обналичиваются и уходят в «теневую» оборот. Такие фирмы, как правило, регистрируются на людей, утерявших свои документы, на тех, кто не имеет постоянного места жительства, либо состоит на учете в психоневрологическом диспансере. Каждый год регистрируются и ликвидируются сотни тысяч юридических лиц, представляющие ложные сведения об учредителях, юридических адресах, уставных капиталах, роде деятельности, что позволяет им скрывать доходы от налогообложения и способствовать другим организациям уклоняться от уплаты обязательных платежей в бюджет.

Кроме этого очень многие предприятия осуществляют предпринимательскую деятельность без регистрации в государственных органах и постановки на учет в налоговых органах. У контролирующих органов до сих пор отсутствуют эффективные методики выявления, раскрытия и расследования налоговых правонарушений и преступлений. Огромное количество юридических лиц не подает сведений о своей хозяйственной деятельности или представляют так называемые «нулевые отчеты».

Помимо возможности беспрепятственно зарегистрировать фирмы, юридическим лицам предоставляется возможность иметь неограниченное количество расчетных счетов в банках. Такая ситуация создает массу предпосылок к сокрытию от налоговых органов определенной

части расчетных счетов и использования их для совершения преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ. Хотя в Налоговом кодексе и содержится указание на то, что налогоплательщики-организации, индивидуальные предприниматели, нотариусы, адвокаты обязаны письменно сообщать в налоговый орган об открытии счетов (лицевых счетов) в течение семи дней, тем не менее, это не останавливает недобросовестных налогоплательщиков. Ответственность за совершение этого нарушения предусмотрена ст. 118 НК РФ и влечет за собой наказание в размере пяти тысяч рублей, что очень мало, по сравнению с суммами, от уплаты которых можно уклониться. Кроме того, зачастую, на практике между моментом открытия счета в другом банке и обнаружением этого обстоятельства налоговой инспекцией проходит довольно много времени, которого достаточно, чтобы совершить преступления, предусматривающее ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов.

Еще одним недостатком организации налогообложения можно отметить то обстоятельство, которое по действующему законодательству предусматривает возможность государственной регистрации вновь образующихся юридических лиц вне места нахождения хозяйствующего субъекта. Такое положение существенно затрудняет выявление фактов налоговых преступлений, способствующих их совершению. Данная проблема учета налогоплательщиков представляет собой первооснову налогового контроля, в том числе и со стороны подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям.

Здесь же стоит отметить и недостаточный уровень знаний в области экономики и налогообложения сотрудников правоохранительных органов, в частности отделов по расследованию налоговых преступлений. Низкий уровень ресурсного обеспечения этих органов не дает возможности осуществлять своевременное повышение квалификации и дополнительное обучение сотрудников этих отделов.

Зачастую сбор материала о финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика исследуется поверхностно. Уголовные дела возбуждаются на основании предположительных выводов о наличии состава преступления, без установления всех обстоятельств совершенного преступления, что приводит к их прекращению либо приостановлению за неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Наряду с этим, серьезно обостряют и без того нелегкую ситуацию в сфере борьбы с нало-

говыми преступлениями несогласованность действий правоохранительных и налоговых органов как между собой, так и с органами законодательной и исполнительной власти, субъектами предпринимательской деятельности, общественными объединениями и гражданами. Отсутствие взаимной информированности о криминогенной обстановке в налоговой сфере конкретных регионов страны, типичных правонарушениях, отработанных механизмах и способах совершения налоговых преступлений, сведений о лицах, их совершивших приводит к дублированию в работе и затрате лишних сил и средств. Слабое сотрудничество при проведении совместных операций становится причиной размывания четкой картины складывающейся оперативной обстановки, срывов оперативных мероприятий, уничтожения доказательственной базы и некачественного расследования уголовных дел.

Сами представители практических органов указывают на ненадлежащую организацию взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных подразделений, на отсутствие должного контроля над законностью и обоснованностью решений, принимаемых на стадии рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, за ходом расследования уголовных дел, а также за законностью и обоснованностью принятых по ним решений[5]. Так, Железнодорожным районным судом г. Пензы по ходатайству государственного обвинителя возвращено прокурору уголовное дело по обвинению И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 198 УК РФ. Мотивировано постановление было тем, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований ст. 220 УПК РФ, а именно неполно раскрыта объективная сторона преступления, имелось несоответствие между доказательствами, изложенными в деле и доказательствами, изложенными в обвинительном заключении. Все это стало препятствием к рассмотрению дела[6].

Другой проблемой организационного характера, затрудняющей деятельность подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям по выявлению данного вида преступлений, является то, что налоговые преступления находят свое отражение только в документах, а специфика выявления преступлений в сфере налогообложения, в свою очередь, состоит, прежде всего, в том, что, с одной стороны, их выявление становится возможным только посредством изучения документов о финансово-хозяйственной деятельности организа-

ции или индивидуального предпринимателя, а с другой – наличием объективных трудностей в ограниченные, причем в весьма короткие сроки в рамках предварительной проверки до возбуждения уголовного дела выполнить в чистом виде работу по снятию копий с огромного количества подлежащих проверке бухгалтерских документов, не говоря уже о последующем их скрупулезном, внимательном анализе. Так, действующими нормативно-правовыми актами определено, что сотрудники подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям имеют право изучать документы организаций и граждан на материальные ценности, денежные средства, временно изымать данные документы на срок не более семи суток. А в случае, если это изъятие может привести к приостановке деятельности организации, то срок их изучения не должен превышать двух суток.

Одним из условий развития массового уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, по мнению С.П. Багрева, является недостаточно последовательная политика государственного аппарата за доходами и расходами граждан, слабая методологическая база такого контроля, заключающаяся в отсутствии совместимых компьютерных баз данных различных государственных органов, приемлемых для анализа и выявления уклонения от уплаты налогов[7].

Правовые факторы. Причины правового характера налоговой преступности, прежде всего, обусловлены излишней объемностью и сложностью законодательства о налогах и сборах. Кроме того, налогоплательщикам приходится руководствоваться огромным количеством законов, указов, инструкций, постановлений. Дополнительные трудности создает и нестабильность налогового законодательства. Постоянно вносимые изменения и поправки создают большую путаницу, и даже опытные бухгалтеры не всегда могут уследить за всеми изменениями. Здесь же можно отметить и использование терминов, которые не имеют законодательной трактовки. Их толкование зачастую во многом зависит от той позиции, которую занимает правоприменитель. В результате, сложность и запутанность налогового законодательства ведет не только к совершению преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, но и к различным ошибкам добросовестных налогоплательщиков.

Здесь же хотелось бы отметить и тот факт, что зачастую положения налогового законодательства провоцируют налогоплательщиков на совершение преступлений, предусматривающих

ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов. В частности это относится к возмещению налога на добавленную стоимость. Законодательное регулирование этого вопроса дает недобросовестным налогоплательщикам немало возможностей путем фальсификации данных о финансово-хозяйственной деятельности создавать видимость задолженности федерального бюджета перед ними. Порядок расчета и уплаты налога на прибыль также создает немало возможностей для того, чтобы уклониться или снизить объем отчисляемых сумм в бюджет. Сложность расчета этого налога позволяет запутывать контролирующие и правоохранительные органы. И это далеко не полный перечень лазеек созданных самим законодателем.

Здесь же хотелось бы отметить и проблемы правового характера, связанные с налоговым планированием предприятий. Осуществление предприятиями налогового планирования не противоречит законодательству. Однако в налоговом законодательстве отсутствует определение понятия «налоговое планирование» и связанных с ним моделей поведения налогоплательщика. Соответственно не прописаны критерии разграничения налогового планирования и уклонения от уплаты налогов. Отсутствие официально сформулированной непротиворечивой государственной позиции в отношении стремления налогоплательщиков к уменьшению налоговых обязательств становится одной из причин широкого распространения случаев уклонения от уплаты налогов и наличия конфликта между налогоплательщиками и государством при налоговом планировании. Формулирование общих принципов, позволяющих налогоплательщику оценить свое поведение, поможет разграничить правомерную и неправомерную оптимизацию.

Следующим фактором правового характера, детерминирующим налоговую преступность, является отсутствие четкости в нормах уголовного законодательства, регулирующих правоотношения в сфере налогообложения. Указанные нормы неоднократно подвергались изменениям, иногда очень значительным. Нестабильность уголовного законодательства о налоговых преступлениях объективно не лучшим образом сказывается на качестве и результатах профилактической и правоприменительной деятельности подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям, на правосознании и психологии населения. Конечно, высокий уровень частоты внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство о преступлении-

ях в сфере налогообложения свидетельствует о стремлении государства в лице федерального представительного и законодательного органа усилить превентивную роль норм об ответственности за данный вид преступлений. Но в то же время, попытки совершенствования этих норм должны сопровождаться специальным научно-криминологическим анализом с точки зрения потребностей социальной, в том числе и правоприменительной практики в сфере налогообложения и прогнозирования возможных изменений в тенденциях налоговой преступности в связи с принятием предполагаемых изменений.

Другой причиной правового характера можно назвать тот факт, что налогоплательщиков не пугает ответственность за совершение налоговых преступлений. Штрафы, которые назначаются в качестве наказания, в сравнении с суммами причиненного ущерба чаще всего незначительны. Взвесив все риски и суммы экономии на налоговых платежах, плательщики налогов и сборов идут на совершение преступлений.

Еще одной проблемой правового характера способствующей совершению преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, является несогласованность законодательства о налогах и сборах с другими отраслями права. Приведение законодательства, регламентирующего налоговый контроль и борьбу с налоговыми преступлениями и правонарушениями в логический порядок, безусловно, будет способствовать стабилизации налоговой системы Российской Федерации в целом.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что детерминанты правового характера связаны либо с неопределенностью, либо с пробелами в законодательстве.

Литература:

1. Налоги, люди, время... или этот безграничный Мир Налогов / Под ред. А.В. Брызгалина. – М. : Налоги и финансовое право, 2008. – С. 24.
2. Налоговая культура россиян: ключевые проблемы // Доминанты, 2009. – 23 июля. – № 29. – С. 46.
3. Тупанчески Н.Р. Уклонение от уплаты налогов (компаративный анализ). – Дис. докт. юрид. наук. – М., 2002. – С. 43.
4. Налоговая культура россиян: ключевые проблемы // Доминанты, 2009. – 23 июля. – № 29. – С. 46.
5. Алексеев Ю.Ф. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях, связанных с уклонением от уплаты налогов в крупном и особо крупном размере (ст. ст. 198, 199 УК РФ), совершаемых в строительном комплексе // Вестник МВД России, 2009.- № 3.
6. Обзор судебной практики Пензенского областного суда по делам о налоговых преступлениях (ст. ст. 198-199 УК РФ) за 2005 – 1 полугодие 2006 года // Справочно-правовая система «Гарант».
7. Баграев С.П. Проблемы совершенствования криминологического исследования налоговой преступности. – Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – С. 128

Челнокова Оксана Владимировна

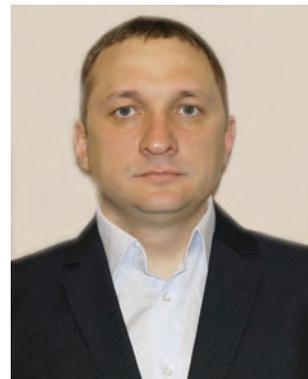
г. Москва

belorus444@rambler.ru

Левченко Александр Владимирович

г. Ульяновск

xkore7.3@yandex.ru

Взаимодействие Русской Православной Церкви с учреждениями пенитенциарной системы России

В данной статье рассматриваются вопросы взаимодействия Русской Православной Церкви с учреждениями уголовно-исполнительной системы России. История возникновения данных отношений берет свое начало с момента появления института наказания, как средства поддержания власти господствующего класса. По мере развития государства и зарождения идей гуманизма и демократии, свое историю переживали и система наказания, и Церковь. Наказание эволюционировало от карательного предназначения до признания обществом курса гуманизации и продвижения идеи «сохранения и развития личности». Церковь же, следуя каноническим заповедям, ориентирована на духовно-нравственное воспитание общества. В статье проведен сравнительный анализ статистических показателей количества заключенных по отношению к численности населения всей страны в различные периоды. Авторами рассмотрены современные возможности возрождения сотрудничества религиозных организаций с исправительными учреждениями, а также существующие проблемы.

Ключевые слова: священник, капеллан, духовно-нравственное воспитание, пенитенциарная система, наказание, традиция.

Современные правовые и социальные условия сложившиеся в России оказывают значительное влияние на отношение государства и общества к религии. Отчасти это является желанием общества возродить утраченные духовные и культурные традиции, отчасти поиск новых путей в развитии общества обращает сознание к истории, как говорится, все новое — это хорошо забытое старое.

Сегодня Русская Православная Церковь ведет активную деятельность во всех социальных сферах государства, выполняя духовно-нравственное воспитание общества. «Исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но

и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Для сего она вступает во взаимодействие с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой».¹

Несмотря на светский характер, в России защищены права каждого гражданина на свободу совести и вероисповедания. Это дает возможность религиозным организациям вести

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви /Архиерейский Собор 2000г. /<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.

миссионерскую деятельность во всех направлениях социальной жизни граждан: образовании, здравоохранении, культуре, спорте, в работе с молодежью, в сотрудничестве с военными структурами и правоохранительными органами. Не составляет исключения и служение церкви в уголовно-исполнительной системе.

На протяжении многих веков в России существовала традиция духовного попечения о заключенных. Она основывается на евангельских словах Спасителя «в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф.25,36), звучащих как призыв к спасению душ лиц, совершивших преступление.

Чтобы понять актуальность тюремного служения в современной России, необходимо вспомнить, что являла собой система исполнения наказания дореволюционной России и какое место в ней отводилось труду священника.

Следует отметить, что по мере развития государства Российского, система наказания также прошла свой эволюционный путь от наказания, как средства проявления силы, способствующей удержать власть, через идею «исправления» до настоящего стремления «сохранения и развития личности».

Первым крупным нормативным актом в области уголовного права стал Судебник 1497 года, как результат внутриклассовой борьбы феодалов и инструмента подавления неимущего класса. На протяжении многих веков аппарат принуждения совершенствуется как гарант защиты власти. Такая защита обеспечивалась системой наказаний, проявляющихся в самых жестоких репрессивных формах, закрепленных в законодательстве. Именно Судебником 1497г. был определен новый вид наказания — тюремное наказание, применение которого происходило в сочетании с другими видами наказания, имеющих пыточный характер.

Соборное уложение 1649 года определило источники выделения средств на строительство тюремных зданий и содержание тюремного аппарата, закладывались основы управления тюремными делами.

Следуя за ходом истории развития государства, карательная политика только усиливалась, обеспечивая, в первую очередь, защиту интересов господствующего класса. Первостепенным значением системы наказания являлась расправа с преступившими закон, жестокое наказание, чтобы другим неповадно было. Таким образом, участь преступников как будто предупреждала о последствиях тех, кто мог совершить преступный шаг. Наказания боялись, а страх перед Бо-

гом и карой был одним из эффективных инструментов управления государством.

Особенностью карательной политики в России было то, что наряду с советскими судами, право наказания предоставлялось и церковным судам. В.О. Ключевский, говоря о положении духовенства, подчеркивает: «это был не особый класс, а целое общество церковных людей, параллельное мирскому, со своим управлением и судом, с исключительными привилегиями».²

Церковь, как никакой другой орган в государстве, в карательной политике обеспечивала строго индивидуальный подход к определению и исполнению наказания в зависимости от положения ранее занимаемого виновным в иерархии религиозных служителей.

Однако отношение к системе наказаний постепенно менялось в сознании общества, как и менялось отношение к восприятию личности заключенного. В петровскую эпоху использовался труд заключенных, рабочие руки были необходимы России, пробивающей «окно в Европу», создающей свой морской флот, развивающей свое производство.

Первые гуманные идеи воспитательного воздействия на заключенных были заложены в проекте «Положение о тюрьмах», составленного при непосредственном участии Екатерины Великой. В его основу были заложены взгляды великого итальянца маркиза Чезаре Беккариа, издавшего в 1764 году трактат «О преступлениях и наказаниях».

Проект содержал требование к устройству тюрем, обеспечению режима, организации и управлению, подготовке персонала. Однако, характерная для России неподготовленность к новаторским взглядам, явилась причиной того, что «Положение о тюрьмах» не было применено на практике. И тем не менее, идеи перевоспитания личности заключенного получили свое дальнейшее развитие.

В 1831 году появился нормативный правовой акт, впоследствии регламентирующий на долгие годы тюремную систему. Комитетом Министров 26 мая 1831 года утверждена Инструкция смотрителю губернского тюремного замка, которая определила правила внутреннего тюремного распорядка.

Именно в этом нормативном акте подробно изложены вопросы церковного служения в тюрьмах, определен правовой статус священ-

² Ключевский В.О. О русской истории: [Сборник]/ Сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов; Под ред. В.И. Буганова. – М: Просвещение, 1993. – 576 с. – ISBN 5-09-004073-7.

нослужителя. Это обстоятельство не случайно, так как в XIX веке возрастает внимание церкви к организации тюремного быта. Активизируется участие священников в религиозном воспитании заключенных. Набирает обороты работа по объединению усилий тюремщиков и церковных служителей в формировании законопослушной личности. Для организации церковных служб предусматривалось строительство в тюрьмах церковных зданий. Инструкция подробно регламентировала правовое положение церкви, священнослужителей, а также порядок отправления религиозных обрядов.

Следует отметить, что в области тюремного ведения конца XIX века, теоретические исследования и обобщения прежде всего имели цель разработки и внедрения в тюремную практику новых средств, форм и методов воздействия на лиц, лишенных свободы.

В циркуляре Главного тюремного управления от 3 марта 1888 года определено предпочтение организации тюремного труда. Также царская тюрьма, помимо трудового воспитания, применяла методы, направленные на формирование правопослушной личности. И здесь первостепенная роль принадлежала церкви. Посещение церкви арестантами рассматривалось как их неперенная обязанность.

«Закон от 15 июня 1887 года закрепляет принципиальное положение, в соответствии с которым состоящие при местах заключения священники, диаконы и псаломщики относятся к аппарату управления мест лишения свободы, то есть признаются официальными должностными лицами, в обязанности которых вменяется идеологическое воздействие на арестантов. По должностному окладу священник приравнивался к смотрителю (начальнику) тюрьмы».³

Задачи и цели идеологического воздействия на заключенных определялись Общей тюремной инструкцией 1916 года. Согласно ст. 244 указанной инструкции, духовно-нравственное воздействие на арестантов было призвано внушать им правильное понимание религии, осознание общих гражданских прав и обязанностей, требующих преданности Престолу и Отечеству, почитания соответствующих законов и властей.

В журнале «Тюремный вестник» священник Д. Троицкий подробно описывает работу священнослужителя в тюремном служении. «Тюремный устав довольно подробно и вну-

шительно предуказал обязанности священника, как относительно Богослужения в церкви, так и относительно религиозно-нравственного влияния его на пасомых. В §§ 94, 95, 100, 102 и 105 инструкции смотрителю губернского тюремного замка, которая помещена была, по изданию устава о содержании под стражею 1857г., в приложении к ст. 96, говорилось, что Богослужение в церкви тюремной должно совершаться во все воскресные и праздничные дни, и дни высокаторжественные, во все дни 1-й и 7-й недель великого поста, и в среду и пятницу каждой остальной недели этого поста, во все дни недели пасхи и, сверх того, в продолжение всего года в два будничных дня еженедельно, одни словом не менее трех служб в неделю, а иногда более. К этим обязанностям священника нужно, по §100 той же инструкции, присоединить говение всех арестантов один раз в год, а также, согласно § 158, совершение всех треб церковных по тюрьме, как то: напутствование больных, похороны, крестины и совершение браков. Затем в той же инструкции были указания и относительно пастьерской деятельности священника по тюрьме, а именно: священник должен, по крайней мере, два раза в неделю пройти в камеры и побеседовать с арестантами, с целью религиозно-нравственного наставления, вразумления и проч., а по § 159 вменяется ему в обязанности обучение несовершеннолетних арестантов закону Божию и другим предметам. Насколько велик труд священника по исполнению этих последних обязанностей видно из следующего замечания той же инструкции § 157: «Священник должен ознакомиться с нравственностью каждого из содержащихся в тюремном замке, приобрести его доверенность к себе, и основать действия в отношении к исправлению каждого соответственно обстоятельствам».⁴ Учитывая изложенное, совершенно очевидно, что абсолютно всю нагрузку по воспитательной и образовательной работе с заключенными несли именно представители Церкви.

Обязанности по содержанию священнослужителей при тюрьмах выполняли комитеты и отделения Попечительного о тюрьмах Общества. В исправительных учреждениях г. Санкт-Петербурга, подведомственных Главному Тюремному Управлению, священники получали по 800 руб. в год. В других местах заключения, труд

³ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России, М.: «Вердикт-IM», 1999. – 448с.: ил. ISBN 5-87143-013-9

⁴ Священник Д.Троицкий. Священник тюремной церкви / подписной журнал «Тюремный вестник» № 4 1893г., издание Главного Тюремного Управления, типография С.-Петербургской Одиночной тюрьмы.

священника оплачивался из средств Государственного Казначейства, размер жалования мог колебаться от 360 до 1000 руб. в год.

Для понимания реальных масштабов деятельности священников в царской империи, следует учитывать состояние уголовно-исполнительной системы России на рубеже XIX и XX столетий.

По состоянию на 1 января 1882 г. в систему наказания входили следующие ведомства:

- › тюремные замки в губернских и уездных городах, а также тождественные с ними учреждения, носящие другие названия (уголовные тюрьмы) – 597;
- › временные дополнительные помещения при этих тюрьмах – 8;
- › смирительные дома – 6;
- › Санкт-Петербургская и Московская исправительные тюрьмы – 2;

- › дома предварительного заключения в Санкт-Петербурге и Варшавская следственная тюрьма – 2;
- › пересыльные тюрьмы – 11;
- › исправительные арестантские, отделения, роты и полуроты – 32;
- › временные центральные каторжные тюрьмы – 11;
- › подследственные аресты в Привисленских губерниях – 75;
- › полицейские дома в Петербурге – 10;
- › в Москве – 16.

Всего насчитывалось 767 учреждений. Общее число всех содержащихся в местах заключения к 1 января 1882 года составляло 94797 человек. Соответственно можно предположить, что на одного священника приходилось примерно 123 заключенных, окормляемых им.

Общая численность лиц, содержащихся в исправительных учреждениях в период с 1882 года по 1917 год представлена следующими данными⁵:

Годы	Численность	Годы	Численность
1882	91272	1897	77254
1883	86512	1898	83209
1884	91927	1909	180206
1885	94955	1910	174492
1886	99741	1911	179841
1887	104636	1912	189834
1888	104124	1913	194418
1889	105057	1914	178951
1890	106478	1915	175990
1891	106330	1916	142430
1892	112354	1917	152052
1893	110378		

Итак, в преддверии революционного перелома 1917 года, Российская тюремная система являла собой сложный институт исполнения наказания. Несмотря на все еще преобладающее карательное предназначение, данная сфера уже имела тенденцию к формированию пенитенциарной политики государства.

Сегодня мы наблюдаем постепенное возрождение утраченного опыта и попытки его применения в современных условиях.

В состав уголовно-исполнительной системы входят 2460 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 452,7 тыс. чел., осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов, 333 профессиональных техниче-

ских училища и 302 обособленных структурных подразделения, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

По данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2014 население России составляют 143,7 млн. человек. Доля лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы от всей численности населения составляет 0,4%.

Учитывая статистику за последние 5 лет, прослеживается тенденция к снижению количества осужденных в исправительных учреждениях⁶:

Однако, численность осужденных к нашим дням в четыре раза превышает показатели 1914 года, когда доля осужденных составляла 0,1% от всего населения Российской Империи, числен-

⁵ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России, М.: «Вердикт-ИМ», 1999. – 448с.: ил. ISBN 5-87143-013-9.

⁶ Краткий статистический сборник Министерства юстиции Российской Федерации, 2013 год.

ность которого достигала 165,7 млн. человек, и в 7 раз превышает показатели 1897 года (0,06% осужденных от общей численности населения — 128,2 млн. человек).

В чем кроется причина такого высокого уровня преступности в современном обществе? Ответить однозначно на этот вопрос невозможно, так как факторов, влияющих на здоровую обстановку в стране предостаточно: экономическая ситуация, политическая ситуация, образовательный уровень населения, духовно-нравственное состояние общества и многое другое. Рост преступности является показателем того, что в политической системе страны произошел какой-то сбой и необходимо применять меры по его устранению.

В настоящее время российское общество переживает непростой период своего обновления. Во всех сферах социальной жизни прово-

дится реформирование, в том числе и в уголовно-исполнительной системе. В этом процессе Россия ориентируется на западно-европейский опыт и достижения. В формировании пенитенциарной политики учитываются интересы и требования мирового сообщества по введению международных стандартов обращения с заключенными.

В действующем законодательстве, регламентирующем деятельность уголовно-исполнительной системы, защищены права осужденных на свободу совести и вероисповедания, что в принципе не было предусмотрено в законодательных актах советского периода.

Право заключенных свободно исповедовать свою веру, позволяет религиозным организациям разных конфессий принимать участие в воспитательном процессе, реализуемом уголовно-исполнительной системой. Потребность в духовном попечительстве лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, достаточно высока.

Социологические исследования, проводимые НИИ ФСИН в 2012 году в исправительных учреждениях по вопросу религиозной принадлежности показали следующие результаты⁷:

Религиозные конфессии	Осужденные мужчины, %	Осужденные женщины, %	Несовершенно-летние осужденные, %
Православие	73,9	72	67
Христианство иной конфессии	3,2	8,7	—
Ислам	6,3	4,2	4,2
Буддизм	1,8	0,2	—
Иная религия	1	3,1	3,9
Атеисты	13,8	11,5	24

Современная церковь ставит перед собой задачу не только духовно-нравственного воспитания заключенных, но и духовного окормления сотрудников уголовно-исполнительной системы, кроме того, остро стоят вопросы попечительства над теми, кто выходит на свободу.

Необходимость такого взаимодействия отражена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р. В связи с этим в действующее законодательство вносятся изменения, определяющие порядок организации миссионерской деятельности в местах лишения свободы.

В целях полноценного сотрудничества между Русской Православной Церковью и Федеральной службой исполнения наказаний на основании подписанного соглашения от

22.02.2011, в субъектах Российской Федерации также заключаются соглашения между территориальными органами ФСИН России и каноническими подразделениями РПЦ.

Такое выстраивание отношений предоставляет Церкви право осуществлять миссию в следующих направлениях:

- привлечение внимания общественности к идеям ресоциализации (реадаптации) осужденных;
- содействие выдвижению кандидатур священнослужителей в региональные наблюдательные комиссии и общественные советы при территориальных органах ФСИН;
- участие в деятельности общественных организаций пенитенциарной направленности;

Смирнов А.М. Теоретико-правовые основы обеспечения прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания в России // Уголовно-исполнительная система:

участие в работе комиссий по «социальным лифтам»;

участие в рассмотрении вопросов помилования и условно-досрочного освобождения.

Кроме этого, уже двадцать лет ведется работа по созданию института тюремных капелланов. С одной стороны, практика введения священнослужителей в штат исправительного учреждения по своей сути не является новой и пример тому штатный состав тюрем дореволюционной России. С другой стороны, не все так просто в современных условиях, и в первую очередь это касается вопросов финансирования труда священников, ведущих миссионерскую деятельность в местах лишения свободы. Специфичность таких приходов обусловлена отсутствием регулярных пожертвований, которые обеспечивали бы их содержание.

Неоспоримую пользу такого сотрудничества показал пилотный проект работы тюремных капелланов на базе исправительных учреждений Республики Мордовия, Камчатского края, Вологодской и Саратовской областей. Средний заработок капелланов на договорной основе составил от 10 до 15 тыс. руб. По подсчетам Синодального отдела по тюремному служению, для полного охвата всех исправительных учреждений ФСИН, сегодня в исправительных учреждениях трудятся около 970 священнослужителей. И совершенно очевидно, что содержание капелланов становится неподъемным для многих епархиальных управлений.

К тому же стоит отметить, что до конца не проработана вся нормативно-правовая база, позволяющая полноценно организовывать работу священнослужителей в пенитенциарной системе в условиях соблюдения действующего вну-

треннего распорядка в исправительных учреждениях.

Таким образом, рассматривая проблемы взаимодействия религиозных организаций с различными учреждениями исполнения наказания, необходимо еще раз подчеркнуть особую важность такого сотрудничества. Объединение усилий в сфере воспитания правопослушной личности заключенного, помощи сотрудникам пенитенциарной системы, уже дают положительный результат в снижении психологической напряженности, способствуют изменению показателей статистики в лучшую сторону. При всех существующих сложностях, важно продолжать работу по совершенствованию нормативно-правовой базы, регламентирующей возникающие отношения, введению в практику деятельность тюремных капелланов, способствующих дальнейшему развитию пенитенциарной политики России.

Литература:

1. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России, М.: «Вердикт-IM», 1999. – 448с.: ил. ISBN 5-87143-013-9.
2. Ключевский В.О. О русской истории: [Сборник]/ Сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов; Под ред. В.И. Буганова. – М.: Просвещение, 1993. – 576 с. – ISBN 5-09-004073-7.
3. Смирнов А.М. Теоретико-правовые основы обеспечения прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – М.: Юрист, 2013, № 4. – С. 2-5.

Сведения об авторах

АСТАНИН Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российской правовой академии Минюста России, г. Москва

E-mail: astaninvv@rambler.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович – доктор юридических наук, г. Москва

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

ЗАЦЕПИН Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Свердловской области, г. Екатеринбург

E-mail: tp50507@yandex.ru

КАБАНОВ Павел Александрович – доктор юридических наук, декан юридического факультета Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права, г. Казань

E-mail: kabanovp@mail.ru

КАРЦХИЯ Александр Амиранович, кандидат юридических наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, г. Москва

E-mail: arhz50@mail.ru

ЛЕВЧЕНКО Александр Владимирович – заместитель председателя епархиального отдела по взаимодействию с правоохранительными органами и МЧС Симбирской Митрополии, г. Ульяновск.

E-mail: xkore7.3@yandex.ru

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович – член-корреспондент РАЕН, доктор экономических наук, профессор, Генеральный директор Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса (ЗАО «СОИС»), зам. председателя Комитета по интеллектуальной собственности ТПП РФ, эксперт WIPO, эксперт Фонда «Сколково», г. Москва

E-mail: info@sois.ru

НЕКРАСОВА Татьяна Алексеевна – младший научный сотрудник НИИ Российской правовой академии Минюста России, г. Москва.

E-mail: satine-paris@bk.ru

ПИОТУХ Денис Станиславович – кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела по работе с интеллектуальной собственностью ОАО «Научно-производственное объединение «Сатурн» г. Рыбинск

E-mail: denis.piotuh@npo-saturn.ru

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Российской правовой академии Минюста России, г. Москва.

E-mail: av_rogovaya@mail.ru

РУСИН Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета, г. Москва

E-mail: snr1959@mail.ru

ФИЛИПОВА Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, нотариус, г. Екатеринбург

E-mail: tp0507@ya.ru

ЧЕЛНОКОВА Оксана Владимировна – главный специалист-эксперт отдела имущественных отношений и социальных программ Управления делами Федеральной службы судебных приставов, г. Москва.

E-mail: belorus444@rambler.ru

Abstracts and Keywords

Viktor V. Astanin, Grand Ph.D. in Law, Professor

Moscow, e-mail: astaninvv@rambler.ru

IMPLEMENTING ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN THE SPHERE OF PRIVATE LAW IN TODAY'S RUSSIA

Abstract: The paper is devoted to monitoring law novelties introduced in the Russian Federation in 2013 and directed at preventing corruption in the sphere of private law. Methods of comparative law are used for the analysis presented. The author's standpoint concerning issues of adequacy of implementation of provisions of the basic anti-corruption conventions is set forth. A brief evaluation of the prospects for applying the new anti-corruption legislation is presented.

Keywords: counteracting corruption, sphere of private law, legislative initiatives, implementation of convention provisions, comparative legislation.

Sergey I. Zakhartsev, Grand Ph.D. in Law, e-mail: sergeyivz@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF LEGAL PHILOSOPHY: REFLECTIONS AND PROPOSALS

Abstract: The paper is devoted to a topical issue of philosophy and science of law: a definition of the subject of legal philosophy. Approaches to this problem taken by Soviet and later Russian lawyers are analysed in the paper. A conclusion is drawn that, despite differences in approaches taken, all lawyers include legal philosophy in the system of juridical science. Hence, the definition given by these scholars for the subject of legal philosophy is the same as for that for the science of law.

Further, a justification is given that legal philosophy is not included in the general legal theory but identifies directions of cognition of law, legal methodology, lays down approaches and fundamental problems of law, and looks for way to solve them. Therefore, the subject of legal philosophy includes fundamental issues of legal being, nature of law, methods of cognition of law, values of law, perception of law, legal logic, place the man takes in legal relations. Legal philosophy serves as that very 'bridge' which is the connecting link between 'pure' philosophy and the theory of state and law that constitutes a foundation for the whole juridical science. The position of the scholars trying to consider legal philosophy as two, in fact, separate disciplines: a philosophical and a juridical one, is examined and criticised.

Finally, a conclusion is made that legal philosophy is a specialised branch of philosophy, whose subject of study includes fundamental problems of legal ontology, legal gnoseology, legal axiology, legal anthropology, legal logic, legal ethics, legal axiology, and legal consciousness.

Keywords: philosophy, law, specialised branch of philosophy, fundamental problems of law, values of law, legal being, methodology of law, nature of law, cognition of law.

Aleksandr M. Zatsepin, Ph.D. in Law, Associate Professor

Ekaterinburg, e-mail: tp0507@ya.ru

TYPES OF MULTIPLE OFFENCES AND THEIR LABELLING

Abstract: Types of multiple offences are identified and rules for labeling multiple offending and recidivism of offences are considered. The following types of multiple offences are recognized: commission of an offence by a person that had previously committed an offence; commission of an offence by a person previously convicted for some offences if at least one of those was a negligent one; commission of an intentional offence by a person previously convicted for an intentional petty offence; commission of an intentional offence by a person previously convicted for an intentional offence committed while being a juvenile; commission of an intentional offence by a person previously convicted for intentional offences if sentenced to probation or the sentence was suspended, provided that the sentence was not cancelled and the person was not sent to a detention facility for serving his/her punishment; multiple offending; commission of two offences such that one of these was established after the person had been convicted for another one; commission of several offences such that at least one of these was committed after the person had been convicted for a previous one; recidivism of offences; combination of more than one type of multiple offences; multiple offending the conviction for which did not result in imposing a final sentence. In order to be able to distinguish the said types of multiple offences, it is not enough to label each constituent action. It is also necessary to evaluate all these offences as a whole and identify the specific features of their combination for which an additional labeling of offences is needed. Since the criminal law directly regulates only multiple offences and recidivism of offences, only the rules for their additional labeling are examined in the paper.

Keywords: types of multiple offences, labeling of offences, supplementary labeling of offences, multiple offences, recidivism of offences, criminal record, the Criminal Code, punishment.

Pavel A. Kabanov, Grand Ph. D. in Law,

Kazan, e-mail: kabanovp@mail.ru

VICTIMOLOGICAL MONITORING OF STATISTICAL INDICATORS OF CORRUPTION OFFENCES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract: For the first time in criminology, issues of victimological monitoring of corruption offences in the Republic of Belarus based on official statistical data are examined in the paper.

As a result of this victimological monitoring of corruption offences in the Republic of Belarus, it was discovered that most victims of corruption offences fall to the share of such offences as corruptive theft, abuse of power or official capacity, a significant number of natural persons become victims of stretch of authority and bribery, whereas there are only single instances of those who have fallen victims of failure of authority to act.

The victims of corruption offences are for the most part citizens of the Republic of Belarus, whereas the share of foreigners among the victims is insignificant.

Keywords: corruption, corruption offences, victims of corruption, the Republic of Belarus, statistical indicators, victimology of corruption, victimological monitoring, anti-corruption monitoring.

Aleksandr A. Kartskhia, Professor

Moscow, e-mail: arhz50@mail.ru

EXCLUSIVE RIGHT – IMPETUS OR AN OBSTACLE TO INNOVATION?

Abstract: The article analyzes importance of the exclusive rights for the development of innovation in terms of its involvement in civil circulation. Discusses the concept of assessing the effectiveness of the exclusive right legal framework.

Keywords: exclusive rights, intellectual property, civil circulation rights of exclusive rights

Boris B. Leontyev, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Grand Ph.D. in Economics, Professor

Moscow, e-mail: info@sois.ru

AN OUTLINE OF THE STRATEGY ON INTELLECTUAL PROPERTY OF THE CUSTOMS UNION OF BELARUS, KAZAKHSTAN, AND RUSSIA

Abstract: The economic integration of Russia, the Republic of Belarus, and Kazakhstan within the framework of the Customs Union of Belarus, Kazakhstan, and Russia (CU) should rest on a unified legislative foundation in the field of intellectual property. To enable the creation of a legislative foundation acceptable for the member countries of the CU and its adoption by the governments of these countries, it is necessary to develop a strategy on intellectual property.

The paper expounds the contents of the strategy proposed by the Federal Institute of Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business (SOIS) for its adoption by the Eurasian Economic Commission.

Keywords: intellectual property, Customs Union, systemicity, legislative foundation, law making, government, business, innovations, management, economy.

Tatiana Nekrasova, Junior Staff Scientist, Research Institute of The RF Ministry of Justice The Russian Law Academy,

Moscow, e-mail: satine-paris@bk.ru

CORRUPTION CRIMINALITY IN COMPANIES AS THE OBJECT OF CRIMINOLOGY RESEARCHING

Abstract: The study established the relationship between different types of criminality: corruption, economic, white-collar and corporate -, collecting properties which form a separate subspecies of criminality - corruption criminality in companies.

Keywords: corruption in private sector, object of criminology researching, company, public and private sector, economy criminality, white-collar criminality, , corporate criminality, corruption criminality.

Denis S. Piotukh, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Rybinsk

E-mail: denis.piotuh@npo-saturn.ru

THE CONDITION FOR SELF-ORGANISATION OF THE INNOVATION PROCESS

Abstract: The notion and contents of the innovation process are defined in the laws in force of the Russian Federation and are a subject of theoretical and methodological development. The author of this paper considers the innovation process as a system and examines an object of innovative activity – namely, a novelty within the framework of the category ‘result of intellectual activity’ (RoID). The author proposes an approach for developing RoID contents, with a view to generate, on its base, a condition for self-organisation of the innovation process of creating a novelty and implementing an innovation.

Keywords: innovation process, novelty, innovation, result of intellectual activity, author, right holder, intellectual rights.

Anastasiya V. Rogovaya, Ph. D. in Sociology

Moscow, e-mail: av_rogovaya@mail.ru

LEGAL NIHILISM PROBLEMS: ANALYSIS ON THE BASIS OF CONFLICT RESOLUTION TECHNIQUES

Abstract: In this article questions of the legal culture level in Russia are discussed, the analysis of the society in the nihilistic relation to the law conditions, which is based on conflict resolution techniques, is carried out.

Keywords: legal nihilism, legal culture, Analysis on the Basis of Conflict Resolution Techniques, state, civil society institutes.

Sergey N. Rusin, Ph.D. in Law, Associate Professor

Moscow, e-mail: snr1959@mail.ru

LEGAL FOUNDATIONS OF CO-OPERATION BETWEEN PUBLIC AUTHORITIES, CITIZENS, AND PUBLIC ASSOCIATIONS IN CARRYING OUT ENVIRONMENTAL CONTROL (OVERSIGHT)

Abstract: The paper examines legal foundations of the organisation of co-operation between public authorities carrying out governmental environmental control (oversight) and citizens and public associations carrying out public environmental control. The conclusions drawn are that if such co-operation is present the efficiency of the former as well as of the latter is significantly increased. The unity of fundamental environmental interests of society, business, and government, as well as the existence of general legal principles of the participation of the society in public administration and environmental protection allows to solve the issue of using the results of public environmental control even in cases where such an obligation is not directly laid down for public authorities.

Keywords: society, government, environmental control and oversight, co-operation, societal interests, application of legal principles.

Olga V. Filippova, Ph.D. in Law

Ekaterinburg, e-mail: tp0507@ya.ru

Aleksandr M. Zatsepin, Ph.D. in Law, Associate Professor

Ekaterinburg, e-mail: tp0507@ya.ru

DETERMINING FACTORS FOR COMMITTING OFFENCES THAT ENTAIL LIABILITY FOR EVADING PAYMENT OF TAXES AND/OR DUES

Abstract: The authors have considered determining factors for committing offences that entail liability for evading payment of taxes and/or dues as well as ways for improving the legislative system in the taxation sphere.

Keywords: determining factors for committing offences, taxation, tax payer, taxes, dues, illegal trade, resources provision, cashing, financial and economic activities, tax offences.

Oksana V. Chelnokova,

Moscow, e-mail: tp0507@ya.ru

Aleksandr V. Levchenko, Ulianovsk

CO-OPERATION BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND INSTITUTIONS OF RUSSIA'S PENAL SYSTEM

Abstract: Issues of co-operation between the Russian Orthodox Church and institutions of Russia's penal system are considered in the paper. The history of these relations begins from the time of origin of the institute of punishment as a means to support the power of the ruling class. As the state developed and the ideas of humanism and democracy were shaped, both the system of punishment and the Church underwent changes. Punishment evolved in the direction from being a punitive measure to recognition of the need for humanisation by the society and the advancement of the idea of 'preservation and development of the personality', whereas the Church which follows the canonical commandments is oriented towards moral and spiritual education of the society. A comparative analysis of statistical indicators for the number of prison inmates as a proportion of the total population of the country for different periods has been carried out. The authors have considered modern possibilities for reviving co-operation of religious organisations with correctional institutions as well as problems existing in this field.

Keywords: clergyman, chaplain, moral and spiritual education, penal system, punishment, tradition.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор	<i>Г. И. Макаренко</i>
Начальник РИО	<i>Ю. В. Матвиенко</i>
Литературный редактор	<i>Е. В. Горбачева</i>
Перевод	<i>Т.В. Галатонов</i>
Дизайн	<i>И. Г. Колмыкова</i>
Компьютерная верстка	<i>А. С. Михеева</i>
Тиражирование (печать)	<i>Н. Г. Шабанова</i>

Отпечатано в РИО НЦПИ при Минюсте России
Формат 60x90/8 Печать цветная цифровая
Общий тираж 600 экз. Цена свободная
Подписано в печать 20.03.2014 г.